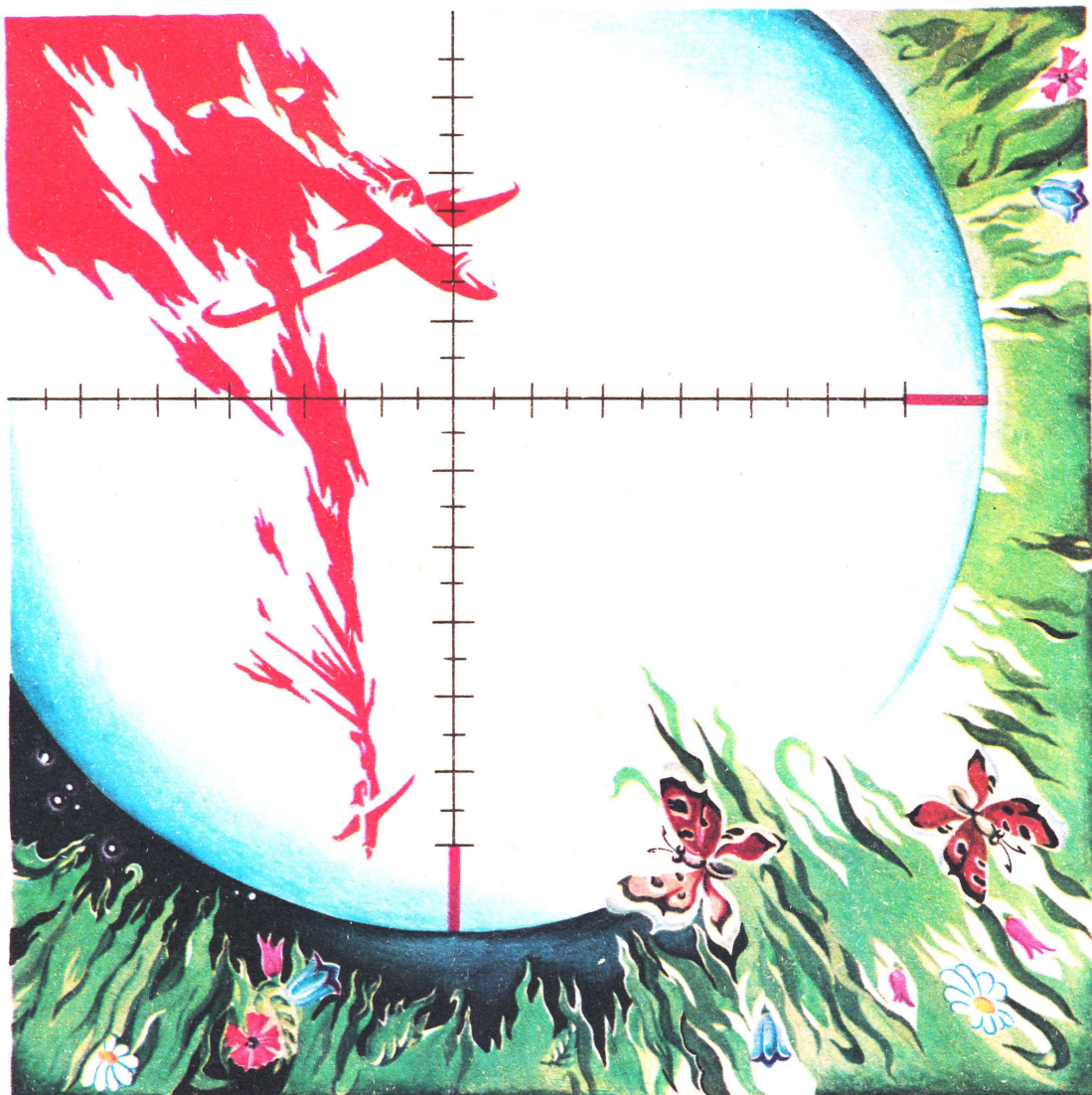

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОНЬМ·83

2

ФЕВРАЛЬ

РЕКЛАМА - ОБЪЯВЛЕНИЕ

Просьба вывесить на видном месте

ЧЕЛОВЕК!

Знаешь ли ты общечеловеческий язык ОМО?

- ОМО** - самый рациональный, логичный, точный, простой и приятный язык, объединяющий все языки
- ОМО** - не только вспомогательный язык для международного общения, но и язык искусства, поэзии и анализа мысли.
- ОМО** - новый тип языка (синтетический) для каждого человека очень близкий и в большей части уже известный, а в остальной - легко научаемый.
- ОМО** - единственный научно-организованный, с лучшим действительным международным языком.
- ОМО** - как всемирный язык, - простейший, потому, что всеобщий, но строгий, строго обобщенный, легко овладеваемый.
- ОМО** - основа, синтез и завершение языков.
- ОМО** - единый истинно-человеческий язык.

Изучайте, пропагандируйте, внедряйте ОМО в жизни

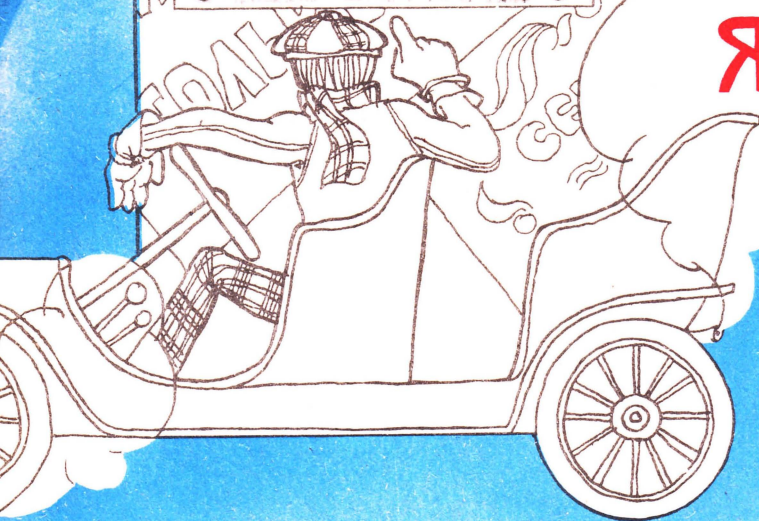
Крепите им международную связь!

Язык ОМО - путь к высшей культуре.

Полный общечеловеческий язык В. И. Венгеров. Это язык культуры и мира.
Свердловск, Центросоюз, 1927, 45.

ОМО- ЯЗЫК ЧЕЛОВЕКА

Попытки создать искусственный международный язык как средство общения людей разных национальностей предпринимались множество раз. Одной из них был язык ОМО, «придуманный» в начале века художником В. И. Венгеровым (на снимке). Немало сил приложил автор, пропагандируя новый язык, о чем свидетельствует листовка-реклама, отпечатанная в 1927 году в Свердловске.

Из всех искусственных языков только эсперанто получило признание: эсперантисты проводят международные конгрессы, издают свои журналы, переводят на эсперанто книги известных писателей. Остальные языки не удалось внедрить, хотя каждый из них любопытен, с точки зрения языковедов, как опыт создания общечеловеческого, всемирного языка.

Не прижился и язык ОМО... Сейчас остается только догадываться, что могло обозначать название его: произошло ли оно от лингвистического термина «омоним» или сложилось в аббревиатуру какой-нибудь фразы типа «общечеловеческое международное общение»...

Фоторепродукции В. Гусева
Оформление С. Малышева

Читайте стр. 12-ю

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ·83

2 ФЕВРАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

В номере:

А. Абрамов «ИДУ НА ТАРАНИ»	2
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	5
Э. Молчанов, И. Сахновский, Я. Андреев КАК ДАР СУДЬБЫ... Стихи	6
С. Снегирев ПОЛЕ АЛЕКСАНДРА ЕМЕЛЬЯНОВА	8
В. Клочков ОМО — ЯЗЫК ЧЕЛОВЕКА	12
Л. Голубев, Н. Новый, Е. Кириллова, Н. Семернева, Л. Соломеина, Н. Широкова ЦВЕТ РЕПЕЙНИКА	13
Б. Рябинин ВОСПИТАЙ СЕБЯ. Окончание	25
А. Надеждин КОМСОМОЛЬСКАЯ БРОНЯ С УРАЛА	30
А. Леонидов В СТРОЮ ДОБРОВОЛЬЦЕВ	31
В. Зуев МИР НАСТУПИЛ НЕ СРАЗУ. Повесть. Окончание	33
Г. Куманов ВЫХОДИЛА НА БЕРЕГ «КАТЮША»...	64
Ю. Окунцов ПИСЬМА ИЗ СТАЛИНГРАДА	65
А. Александров ОГНЕМ С НЕБА	65
Д. Львов КРИБЛЕ-КРАБЛЕ-БУМС. Рассказ	67
КАЛЕЙДОСКОП. МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	70
Н. Федорова ИБН-ФАДЛАН РАССКАЗЫВАЕТ	72
А. Коровин ИЗ ЗАШТАТНОГО ДАЛМАТОВА	75
В. Чернов КЕМ БЫЛ ЛИМОН? ЧТО ТАКОЕ МАТАФОН И ЕПЕРА? ЕСТЬ ЛИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ СЛОВО «ПОДМАРЬ»! МИР НА ЛАДОНИ	76 78
А. Кирий К ТРУДОВОМУ СЕМЕСТРУ, ВОТ БЕССОВЕСТНЫЙ	80

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Владимир СТАРИКОВ
(ответственный секретарь).

Художественный редактор
Мargarита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219.
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 30.10.82.
НС 11509.
Подписано к печати 18.12.82 г.
Бумага 84×108^{1/8}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 11,0.
Тираж 287 000.
Заказ 447.
Цена 40 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — ри-
сунком Розы АТЛАС.

© «Уральский следопыт», 1983 г.

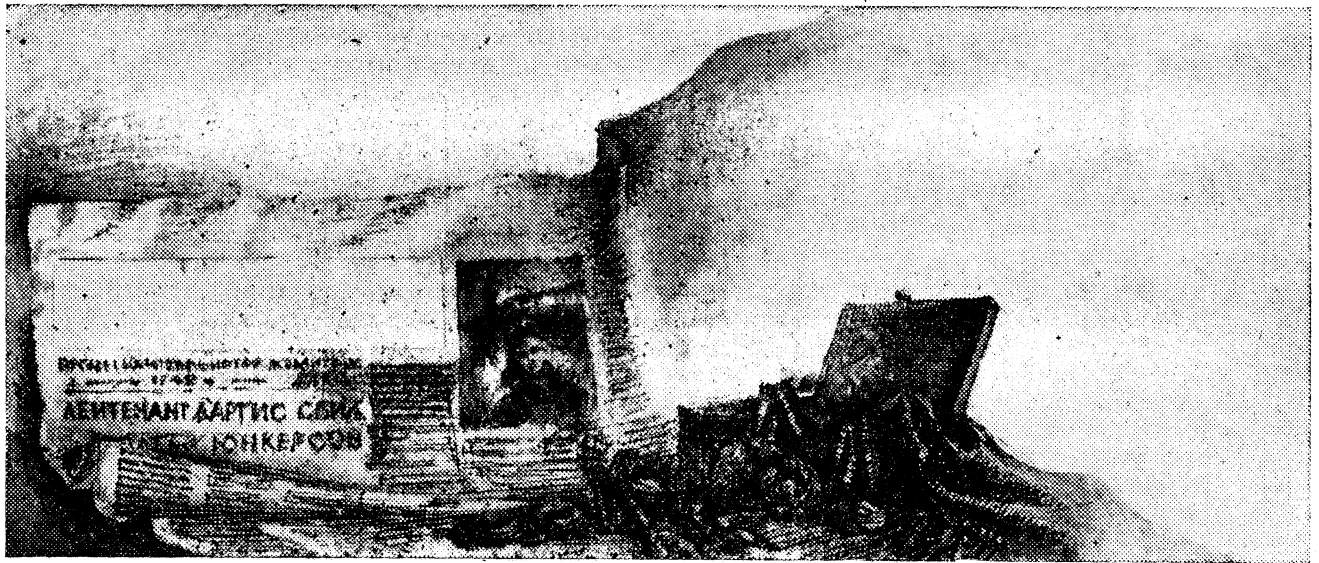
СИДУ НА ТАРАН!

**Александр
АБРАМОВ**

*Рисунок
В. Ганзина*

Однажды в журнале «Вестник Воздушного Флота» за 1941 год мне попала статья «О летном таране». Ее автор рассказывал о подвигах наших летчиков, совершенных в первые месяцы Великой Отечественной войны. В числе отважных упоминалась фамилия лейтенанта Даргиса, который на подступах к Ленинграду сбил фашистский самолет таранным ударом. Никаких других сведений о летчике не было. Даже инициалы не указывались. Сразу же возник вопрос: жив ли он? Через управление кадров ВВС Министерства обороны СССР удалось выяснить, что полковник запаса Даргис Павел Никодимович вышел на пенсию, живет в городе Сочи. И вот я в квартире бывшего летчика-истребителя. Меня встретил коренастый, среднего роста поседевший человек. — Прошли десятки лет, — задумчиво сказал он, — и не так-то просто все восстановить в памяти... Дневников мы тогда не вели, да и меньше всего думали об увековечивании солдатской славы. Сами понимаете, до того ли было! В тех смертных боях все старались драться на совесть, как можно крепче бить врага. Так мы понимали наш долг, это было для нас главным, этим мы и жили...

Родился П. Н. Даргис в 1913 году в Литовской ССР в городе Каунасе. Учиться начал в сельской школе, потом закончил рабфак в белорусском городе Шклове, куда переехали родители. Отец его, Никодим Феликсович, работал бакенщиком на Днепре и одновременно столярничал. Мать была поденщицей. Во время голодовки 1922 года отец ушел пастухом в деревню, а в 1924 году его не стало. Пришлось одиннадцатилетнему Павлу начинать трудовую жизнь. После рабфака несколько лет работал электромонтером на писчебумажной фабрике «Спартак». Когда Павлу исполнилось семнадцать, он стал комсомольцем, а в 1939 году первичная партийная организация Осоавиахима Московской области приняла его в члены ВКП(б). В 1932 году был призван в Красную Армию, спустя год он уже был курсантом Качинской военной школы пилотов им. Мясникова.

Война для Даргиса началась в небе Ленинграда. Первые же бои показали, что немецкие самолеты по сравнению с нашими имеют большую скорость, более мощное бортовое оружие, лучшее навигационно-штурманское оборудование. Основная масса наших истребителей в начале войны даже не имела радиоустройств. В этой трудной обстановке советские летчики не только не дрогнули, а сразу начали крепко бить врага.

...Был случай, когда лейтенанта Даргиса посчитали погибшим. В тот день завязалась жаркая схватка наших истребителей с «мессершмиттами». Павлу удалось сбить один «мессер». Но и сам он был ранен и, что еще страшнее, потерял сознание. Нетрудно представить безнадёжное положение пилота, потерявшего сознание в воздухе, в бою. Наши летчики видели, как его машина со снижением направилась в сторо-

ну аэродрома, как ее атаковали два вражеских истребителя, как огненные трассы прошли кабину советского самолета... В полк возвратился на поврежденной машине один из наших пилотов. Он-то и принес печальную весть о гибели Даргиса.

Но Павел Никодимович остался жив. И как ни странно, «спасли» его... немцы.

Произошло вот что. Когда он потерял сознание, неуправляемая машина стала терять высоту. В это время вражеские пули пробиты колпак машины, миновав самого Даргиса. Однако осколки от плексигласа посекали лицо и грудь, отчего он и очнулся. Придя в себя от боли, Павел постепенно набрал высоту, возвратился к своим, еще продолжавшим воздушный бой. Он ринулся в атаку и сумел сбить второго в этом бою фашиста.

Когда же он приземлился на аэродром, у техника глаза на лоб: «Товарищ командир, вас же сбили?!» Потом однополчане смеялись: «Погибший Даргис вернулся с того света, а вместо себя фрица туда отправил».

За этот бой командир полка перед отправлением Даргиса в госпиталь вручил летчику именные часы.

Павел Никодимович показал руку:

— До сих пор ношу.

В другой раз Даргису удалось сбить фашистского полковника с двумя железными крестами. Дело в том, что армейское командование очень интересовалось «хейнкелем-111», который на большой высоте почти ежедневно совершал полеты над расположением наших войск. Предполагалось, что это новая модель немецкого самолета-разведчика.

И вот Даргис с лейтенантом Карпухиным вылетели на боевое задание. Стоял ясный зимний

день. За линией фронта летчики увидели на заснеженном поле движущуюся группу гитлеровцев без маскхалатов — сверху они смотрелись, как мухи на сахаре. Заслышав гул моторов, фашисты начали разбегаться. Снизившись до бреющего полета, летчики с боевого разворота атаковали врагов, и добрая половина их осталась лежать в поле. На обратном маршруте они набрали высоту более четырех тысяч метров. Только оказались над своими позициями, как вдали показалась приближающаяся точка — «хейнкель»! Тот или не тот? Павел первым бросился в атаку, зашел противнику снизу в хвост, а Карпухин повис над немцем сверху. Трассы Даргиса впились в кабину нижнего стрелка, и тот, огрызнувшись несколькими пулеметными очередями, вскоре смолк. Атака следовала за атакой. Яростный огонь по «хейнкелю», особенно по его мотору, не давал результата. Неприятельский самолет, словно замороженный, продолжал пробиваться на запад. В это время Карпухин подал сигнал и вышел из боя: у него повреждена машина. С новой атакой Даргис всадил в противника почти весь бронебойный крупнокалиберный запас, а тот все летит. Верхний стрелок остервенело бил по атакующему «МИГу». Павел с трудом ушел от вражеских очередей и выпустил по врагу последние снаряды. Один из них угодил точно в мотор «хейнкеля», и тот болванкой рухнул вниз.

На летном поле первым встретил Даргиса его техник:

— Знаете, товарищ командир, какую крупную птицу вы сбили? — сказал он. — У него вся грудь в крестах. Немец спустился на парашюте почти рядом со штабом.

Павла вызвали в штаб. В кабинете командира полка он увидел высокого, атлетического сложения пилота. Голова его была перебинтована, на новеньком, хорошо подогнанном мундире — два железных креста и какие-то знаки отличия.

— Вы просили показать летчика, который сбил вас? Лейтенант Даргис перед вами, — сказал командир.

Немецкий полковник недоуменно уставился на Павла и после непродолжительной паузы отчаянно закачал головой:

— Нет! Нет! Этого не может быть! Он не мог сбить меня! Он слишком молод. Тот был настоящий ас, за всю войну не встречал такого.

...Мне многое удалось выписать из фронтовых газет 1941—1944 годов, сохраненных Даргисом. В частности, из газеты «Сталинский сокол» от 19 сентября 1941 года, где опубликована статья под заголовком «Лейтенант Даргис сбил пять «юнкерсов»:

«...В семье отважных советских соколов, защищающих город Ленина, лейтенант-орденоносец Павел Даргис выделяется своим поистине несгибаемым мужеством.

В хмурые, дождливые дни, вечером, ночью, в любую погоду вылетает командир эскадрильи лейтенант Даргис навстречу противнику. Около сотни боевых вылетов уже совершил он на своем стремительном «МИГе» и первым в части открыл счет сбитых вражеских самолетов».

Далее в статье говорилось, как Даргис совершил воздушный таран: «Эскадрилья истребителей быстро поднялась в воздух для отражения налета неприятельских бомбардировщиков. Вскоре внизу показались станционные постройки, водокачка, техника, грузившаяся на платформы.

Встреча с противником произошла на подступах к станции. Фашистские бомбардировщики — их было свыше двадцати — шли тремя группами. Девятка Даргиса бросилась на врага.

Первым заходом истребители сбили головную фашистскую машину и заставили весь эшелон повернуть в сторону. Строй бомбардировщиков нарушился. Часть их отвалила вправо, а шесть «юнкерсов» сделали круг и вновь взяли направление на станцию. Фашисты, видимо, решили во что бы то ни стало прорваться к железнодорожному узлу.

Предстояла повторная атака. В это время Даргис заметил, что к станции приближаются еще четыре «юнкерса». Между двумя крайними машинами врага был значительный разрыв. Нажав на гашетку, комэск почувствовал, как захлебнулся пулемет: кончился боезапас. Даргис принял смелое решение: «Иду на таран!» Советский истребитель пошел в просвет между самолетами противника и плоскостью своего «МИГа» срезал хвост «юнкерса». Фашистский бомбардировщик, потеряв управление, камнем свалился вниз. Это был пятый сбитый лично Даргисом неприятельский самолет».

А в 1944 году армейская газета «За храбрость» писала:

«Бесстрашный летчик майор Даргис — опытный воздушный боец, на его счету 13 фашистских самолетов, сбитых лично, и шесть — в групповых боях. За время Великой Отечественной войны мужественный летчик провел 63 воздушных боя, семь штурмовок, совершил 160 боевых вылетов. Ему не раз приходилось встречаться с численно превосходящими силами противника, не раз шел он навстречу опасности и, презирая смерть, всегда побеждал врага...»

Так воевал бесстрашный защитник родного неба. Его грудь украсили два ордена Ленина, ордена Красного Знамени и Красной Звезды, множество медалей.

НЕПОБЕДИМАЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ

● Солдат с баяном

Часовой строго окликнул идущего. А когда подошел, то увидел, что солдат постукивает впереди себя палочкой, и понял, что он слепой. Слепой попросил отвести его в часть. Так попал Миша Попов в 201-ю воздушно-десантную бригаду. Вопреки всем уставам и правилам комиссар бригады зачислил слепого бойцом бригады, хотя единственным оружием Попова оставался баян...

Бойцы в землянках радовались его приходу, пели вместе с ним «Три танкиста», «Вставай, страна огромная...» А когда началось наступление, Миша оказался на передовой и вместе с солдатами, развернув баян, поднялся из окопа. Певец был сражен осколком в этом бою, но не погиб — лежал в госпитале, вылезился. А о том, что награжден был за тот свой последний бой, узнал много лет спустя....

Эту историю записали со слов ветерана 201-й воздушно-десантной дивизии В. А. Пителина следопыты 23-й школы Ногинского района Москвы.

● Подарок Котовского

Юные следопыты Орска знают эти часы — показывал Иосиф Степанович Кондрацкий. Потускневшее серебро, щелкающая крышка и надпись: «Кондрацкому И. за мужество и героизм от Г. И. Котовского».

Иосиф Степанович Кондрацкий прожил долгую жизнь. Он командовал взводом в дивизии Котовского, а затем заменил погибшего командира эскадрона.

Часы остались в память о боях за освобождение от белогвардейцев города Славута.

● Ищем Орленка

В 1918 году, когда организовался в Ишиме красногвардейский отряд Даниила Васильевича Шаронова, приехал к нему мальчик Аркаша. Хотел было командир отправить паренька домой, да узнал, что сирота он... Принял в отряд, усыновил. Много важных сведений добыл Аркаша для своего отряда. О том, как воевал юный разведчик в гражданскую войну, есть даже книга — «Сабля командира».

Ребята Гольшмановского Дома пионеров начали поиск материалов о мальчике-разведчике красногвардейского отряда. Узнали, что Аркадий Шаронов прослужил в армии до 1922 года, потом работал милиционером в Тольском, был начальником милиции. Дальнейшая его судьба пока не известна...

● В Лесколловской средней школе под Ленинградом открыт музей комиссара 55-го стрелкового полка Иустина Петровича Жука — пламенного борца, вставшего на защиту Петрограда во время нашествия генерала Юденича. В организации музея лесколловским ребятам помогли следопыты села Городище Черкасской области, где родился И. П. Жук.

● Ученики Макарьевской средней школы — земляки Героя Советского Союза Юрия Смирнова: здесь, в Костромской области — его родина. Бережно хранят ребята в своем музее боевой славы газету «Гвардеец» от 11 июня 1944 года, которая первая рассказала о подвиге молодого бойца. 12 400 человек побывали в школьном музее.

● Во 2-й средней школе города Мосальска идет поиск материалов о жизни и деятельности одного из первых командиров Красной Армии, начдива 2-й кавалерийской дивизии Ивана Андреевича Рожкова. Ребята побывали в Никополе, где похоронен герой гражданской войны.

● Леонид Федорович Попов, житель Подмосковья, только недавно узнал о том, что в 1943 году он был награжден орденом Красной Звезды. В том бою гусеницами своего танка он уничтожил до тридцати вражеских автомашин, несколько орудий. Наградной лист на Л. Ф. Попова нашли в архивах следопыты 24-й

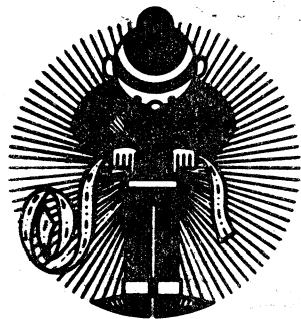
школы в Россохах Воронежской области, которые защищал в 1943 году бывший танкист.

● В музее Новоозовской средней школы хранится записка со стертymi, едва различимыми буквами: «Нас осталось трое: сержант Матвеев, рядовые Каширин и Огнев. Будем стоять...» Записку нашел в стрельной винтовочной гильзе учащийся школы Женя Пасечник.

● Навеки двадцатилетним остался в памяти учеников 68-й горьковской школы Герой Советского Союза моряк-балтиец Евгений Иванов. Тяжелораненым попал он в плен к фашистам; не добившись от него ни слова, гитлеровцы привязали его колючей проволокой к дереву и развели под ним костер... Так, в пламени, и изобразил героя скульптор В. Пурихов. Трехметровая фигура матроса займет место у фасада школьного здания.

● Не мог получить командир батареи сорокапятимиллиметровых орудий Анатолий Иванович Манченко эту награду в сорок четвертом... Тяжело ранен был, отправлен в глубокий тыл. А награда была высшая — орден Ленина.

Только два года назад нашел орден своего хозяина. А вместе с орденом Ленина был вручен Анатолию Ивановичу Манченко еще орден Отечественной войны II степени, который тоже искал его. Вручить ордена ветерану помогли следопыты 37-й школы Вильнюса.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

Как дар

Эдуард
МОЛЧАНОВ

Костер у Чары

Чара, непокорная река,
Светлый плес у рудо-желтой сопки.
Крутизна гураньей чуткой тропки,
Где следы крадутся к облакам.
Чара, белопенная река.
Блик волны, как тайный взмах клинка.

Ветер крылья надо мной простер,
Стрежень завораживает душу.
Знать бы, где последний мой костер
И какой порыв его потушит.
Принеси мне весть издалека,
Чара, заповедная река.

Над тобою, Шилкой и Амуром
Вольных чаек прежний перелет.
Их влечет таежная натура,
Тишины несуетной оплот.
Чара, тихоструйная река,
Дым костра и шелест тальника.

Укажи мне снова зыбкий путь —
К тем истокам, где твое начало.
Если б только эхо гор вернуть,
Чтоб оно всегда во мне звучало.
Сохранись же чистой на века,
Чара, родниковая река.

Маршрут

Как дар судьбы,
Костром пропахший ужин.
В краю обетованном
Кто-то тужит.
Безмолвием
И вихревою стужей
Не омрачен
Походный уют.
Мне ритмы
Транстаежной магистрали
Пока не все утраты
Наверстали.
Но дышится
Спокойнее и глубже
И к сумрачным гольдам
Зовет маршрут.
Валило с ног
Осатанелым ветром.
В отрогах счет особый
Километрам,

Хмельной водой
Нас угощали щедро
Лучистые речушки
Сонных гор.
Медь, как легенду, затаили недра,
И падали в ладони
Шишки с кедров...
В распадах Удокана эдельвейсы —
Глаза закрою —
Вижу до сих пор.

Игорь
САХНОВСКИЙ

В окно стучали снежные стрекозы.
Привстав на подоконнике высоком,
встревоженная каменная роза
омыла мне ладонь зеленым соком.

Вся в ожиданье чуда и подвоха,
невзрачная, сама себя теснила...
А за стеклом — на расстояньи вздоха —
цвел зимний день, почти необъяснимый.

Старуха апельсин несла с базара
и с жадностью, почти не очищая,
как яблоко, пыталась грызть его.

Но только брызгал, растекался сок
по пальцам и коричневым морщинам,
по кофточке голубенькой, воскресной.

Я с высоты шести неполных лет
смотрел с бездарной жалостью и думал:
«Наверно, нету мамы у нее...»

Дерево бьется в окно по утрам.
Завтрак — в потемках похожий на ужин.
Перечень наших обид и утрат —
дело десятое, да и не нужен.
Вырвавшись ночью из облаков,
снег до лица моего долетает.

судьбы...

Тихая очередь за молоком.
Рано еще. Поздно светает.

Общности нашей суровая нить...
Снег обнимает людей, как посредник.
— Кто здесь последний? (Велено жить —
ныне и вечно). Я не последний.

Стало быть, новое утро сбылось.
Город проснулся и душу заполнил.
Сколько порой ни жилось, ни спалось, —
мы не расскажем и не запомним.

**Яков
АНДРЕЕВ**

Баллада о кедрах

Как опустевшие деревни,
От века шумного вдали
Стояли мертвые деревья,
Лежали мертвые стволы.

В глуши,
на Северном Урале,
Рожденный в солнечных веках,
Лес вымирал,
как вымирал
Когда-то мамонты во льдах.

Уж не припомнится, наверно,
Первопроходцам этих мест —
Какие здесь
стояли кедры,
Какой шумел
высокий
лес!..

И что за дьявольская сила —
Ни ураган, ни гневный смерч —
Тех великанов подкосила,
Заставила
на землю лечь?

Они,
шумевшие когда-то,
Здесь полегли
за рядом ряд.
Быть может, время виновато,
А может —
климат виноват...

Но я увидел,
как по склонам
Таежных сопок
там и тут
В дрожащих огоньках зеленых

Деревья
новые
встают!

Как рвутся в небеса из праха,
Как будто в поисках лица,
Еще не знающие страха,
Те молодые деревца!..

И думал я:
Что будет с ними,
Прорвутся
в новую весну?..
Как трудно быть им
молодыми
В том —
умирающем лесу!..

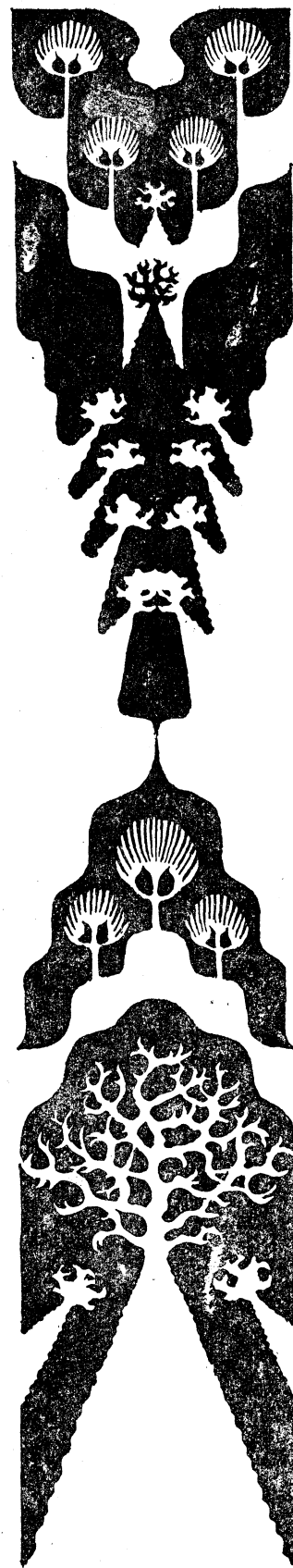
Рябиновый куст

Рябины зеленый костер
На огненном ветре
Зеленые руки простер,
Зеленые ветви!

Рябиновый куст
под окном
Колышется утром —
И горе минует мой дом.
Все ладно.
Как будто.

Как будто
печаль журавлем
Растаяла в небе.
Как будто
мы верно живем
В своем ширпотребе!..

Как будто бы
веку в укор,
С природой в разлуке,
Я сам в это небо простер
Зеленые руки!..

Рисунки
В. Меринова

Поле Александра

Сергей
СНЕГИРЕВ

Рисунки
А. Банных

...На разбитой дороге за хутором трактор трясло и подбрасывало.

Санька, крепко вцепившись в поручни, тянул шею, выглядывал из кабины, пытаясь вовремя разглядеть очередную колдобину.

Когда въехали на поле, он расслабился. По полю трактор шел мягко, как по матрацу. И густая пыль, поднимающаяся снизу, из щелей, из-под неплотных створок дверей, пахла терпко и сладко.

— Споем, сынок,— предложил отец, когда прошли первый гон.

Санька, не оборачиваясь, молча кивнул, и они нескладно, но с душой затянули песню про Мамаев курган. Пели негромко, сквозь шум мотора едва слышали друг друга, но согласно, и песня шла ровно, по всем правилам.

Потом Санька, уже первым, завел «Полюшко-поле». Увлеченно пел сын. А Емельянов-старший замолчал, весь ушел в воспоминания.

Молчаливым рос Санька. Любую работу, попросишь,—выполнит, в любом деле поможет, а вот слова лишнего из него не вытянешь. А ведь пацаненок еще. Самый возраст языком молот, спрашивать-переспрашивать, самому сочинять... Хуторская ребятня—санькины сверстники—с утра до ночи на улице гомонят, а его голос редко когда услышишь. Порой и играет так, словно делом каким занимается,—сосредоточенно.

Настораживала поначалу отца такая замкнутость сына, беспокоила. Может, обидели чем? Обошлись не так? А потом стал приглядываться к Саньке, и вдруг постепенно и ясно, как рассвет в летнее утро, начал понимать сына. И уже не замкнутость, не молчаливость излишнюю видел в нем, а серьезность, деловитость. Слишком раннюю, быть может, неуместную в таком возрасте,

Емельянова

но настоящую, крестьянскую, требующую и дела большого, серьезного, а не игр-шалостей. А чтоб проверить, не ошибся ли он в своих выводах, стал Емельянов брать с собой сына в поле...

Теперь Саньку метлой с трактора не прогонишь. От зорьки до зорьки на совхозных полях вместе с отцом. Да не просто рядом сидит, пассажиром. Где надо — поможет. Случись что — и управление трактором ему можно доверить: быстро поднатерел.

С одной стороны, радовался Емельянов за сына, видя в его серьезности крестьянскую жилку — такой к делу, к земле всей душой прикипит. А с другой стороны, опять же не оставляло беспокойство: может, лучше для Саньки-то, чтобы как все пацаны был, чтобы на дворе в играх с утра до ночи пропадал?.. На то и детство вроде...

В размышлениях своих Емельянов не заметил, как кончил Санька песню.

— Папа, а у тебя есть свое поле? — неожиданный вопрос сына застал Емельянова врасплох. Задумался перед тем, как ответить.

— Свое, говоришь?.. А вчера мы с тобой пахали, позавчера... На чьих, думаешь, полях? Все они наши — твои, мои.

Хотелось Емельянову так сказать, чтобы запомнил сын слова его на всю жизнь, чтобы поверил в них, словно от этого зависела судьба Саньки, словно мог словами своими его будущее предопределить.

Но слова шли на ум обычные, повседневные. И как-то слишком уж они плакатно складывались, привычно... Хотел было дальше продолжить Емельянов, да осекся. Вроде сказал главное-то.

Леонид Павлович вспоминает этот давний разговор как-то тихо, с грустью.

— Лет девять ему тогда было... Вот ведь как получилось... Есть теперь у Саши свое поле. Только вот Саши самого не стало... Ради поля этого...

Необычный разговор состоялся у меня недавно с одним знакомым, окончившим философский факультет университета. Рассказал я ему обо всем случившемся с Сашей Емельяновым.

— Глупо! — отрезал он.

— ?

— Глупо погибать из-за нескольких центнеров хлеба, — пояснил мой собеседник, — тем более, когда по разным другим причинам его пропадает во много раз больше. Да и не измени ветер направление так неожиданно, Емельянов остался бы в живых. Что тогда? Ни о каком подвиге не было бы речи. Так-то...

— По-твоему, подвиг имеет место только тогда, когда человек совершает поступок, заранее зная, что погибнет? Да, Саша гнал свой трактор на горящее поле, но он и не думал о смерти! Сама схватка с огнем — ситуация настолько рискованная, что в ней невозможно предусмотреть все неожиданности. Что же ему было делать? Вначале постоять на околице, подумать, взвесить, глядя, как огонь пожирает хлеб, а уж потом, как говорить, с точным расчетом действовать?

— Может быть и так. По крайней мере, у него оставалось бы больше шансов остаться в живых. А так — все равно что слабый, без всякой физической подготовки человек пытается обезоружить распоясавшегося матерого бандита. Гибель без всякого полезного результата.

— Но разве это не подвиг, причем, в высшем своем значении? Пусть такая гибель не дает, как тебе хотелось бы, какого-то материального, конкретного результата. Но поступок имеет другую ценность, по-моему, более су-

щественную. Он заставляет людей многое переосмыслить, стать чище, оставляет после себя память, которая уже не позволит совершить подлость, предательство, просто оставаться равнодушным.

— Ну, это уже донкихотство.— Философ улыбнулся, давая понять, что заканчивает разговор.

— Скажи, а как бы ты сам поступил? — спросил я его.

Он на мгновение задумался и ответил легко:

— Предпочитаю смерть естественную...

Я раскрываю блокнот и восстанавливаю жизнь Емельянова и последний его день...

Ветер дул тугой, порывистый. Ветер нес запах степи, осени и легкого домашнего дыма от хутора.

До хутора — рукой подать. Метров двести, не больше. Через пустырь, заросший ковылем. Любимое место хуторской детворы. Здесь носились на «конях», размахивая деревянными саблями. Здесь до одури гоняли футбольный мяч. Но в сторону хлебного поля мяч пинать запрещалось. По строгим ребячьим правилам. А когда приезжали в страду на подмогу солдаты и вставляли здесь лагерь, пропадали пацаны на пустыре до темна.

Но поубавилось со временем на хуторе ребят. Кто в лагерь теперь на все лето отправляется, кто в райцентр Зимовники — к родственникам, а многие здесь нынче не задерживаются. Подростают ребяташки, и родители, как кочевники, сразу в путь собираются...

Пустынным выглядят хутор в страдную пору. Только к позднему вечеру стекаются в него с работы взрослые, чтобы утром с первыми петухами снова уйти в поле...

День был ветреным и жарким. Устав от игр, десятилетние Олег, Саша, Коля и шестилетний Эдик решили устроить небольшой «перекур». И не как-нибудь — по-настоящему, как взрослые. Благо, спички и сигареты дома без надзора лежат.

Сильный ветер мгновенно задувал спички. Пошли в пшеницу. Высокая, спелая, она закрывала надежно и от ветра и от посторонних взглядов. Закурили. Небрежно, подражая взрослым, бросили горящую спичку. И тут же вспыхнули порохом иссушенные зноем стебли.

Они еще пытались затоптать пламя ногами, потом бросились врассыпную.

— Поле горит! — крикнул Коля, пробегая мимо взрослых.

Сильный ветер поднял огонь сплошной ревущей стеной и стремительно погнал его в глубь поля.

Кто-то бросился на пламя с брезентом, фуфайкой. Как на танк, с голыми руками...

Отсюда начался отсчет времени, каждая секунда которого сконцентрировала годы жизни...

Как правильно расставить акценты? Как не ошибиться, выбирая из неполных тридцати лет жизни Александра моменты, объясняющие закономерность его поступка? По-моему, все дело в целеустремленности его характера и в любви к земле. Причем в любви не просто по-крестьянски символической, наследственной. Земля — это его работа, и ей он посвятил себя целиком, полностью, без остатка.

Вспоминаю свое знакомство с одним военным летчиком, о котором писал в свое время очерк. Выполняя очередной полет, он попал в критическую ситуацию. Рисковал жизнью, но спас боевой самолет.

В разговоре речь зашла об отношении к работе, о смысле риска.

— Я считаю, что работать надо только с полной отдачей сил, — сказал пилот. — И дело здесь не только в том, что при таком отношении к труду можно получить полное удовлетворение. Есть еще одна важная сторона —

твой личный пример для окружающих. Когда сам горюшь работой, невольно и других зажигаешь. А это многое значит. Главное — любое дело доводить до конца, пусть даже это связано с риском, с опасностью. Что получается: если ты, на которого многие старались равняться, в которого верили, не справился в сложной ситуации, спасовал, отступил, то кто тогда сможет? Более того, я считаю, что подвиг, героический поступок, пусть даже он никак не связан с непосредственной работой человека, является самым ярким подтверждением добросовестного отношения его к труду, к своему делу, к жизни. И, по-моему, в подвиге глупо искать рациональное зерно.

— Ну, как ты теперь, сын? Чем заняться намерен? — разглядывая ладную фигуру сына в армейской форме, отец старался выглядеть спокойным, но в глазах его замерло напряженное ожидание.

— Как чем? Здесь, дома, останусь, в совхозе работать буду.

От ответа его расправились морщинки в уголках отцовских глаз, заискрилась улыбка.

Домашние все спали, и за столом они сидели вдвоем. Разговор отец завел издали, осторожно подводя к своему главному вопросу. А когда наконец задал его и услышал ответ, то уж радости не скрывал. Было из-за чего... Сам отработал на тракторе почти двадцать лет и вот, считая дни до возвращения сына со службы, откровенно опасался, что не захочет Саянка остаться в родном хуторе, уедет в город. Службу-то он нес в строительных войсках, специальность хорошую получил, а строители — об этом Емельянов-старший часто слышал — в городе позарез нужны.

...Управляющий отделением Василий Иванович Артюхов объезжал дальние поля, когда увидел в стороне хутора дым. Резко затормозил, развернул рывком свой старенький «Москвич».

В считанные минуты домчался Артюхов до хутора. И увидел то, о чем старался даже не думать — горело хлебное поле.

На хуторе — ни души. Артюхов понимал: люди сами увидят дым, догадаются о несчастье, подтянутся... Он на мгновение забежал в контору, передал в райцентр сигнал тревоги и снова погнал машину на поле, туда, к лесопосадкам, где стоял одинокий «Кировец», куда не удержишь, стеной, двигалось пламя. Надо было любой ценой преградить путь огню на соседнее поле. Там в валках лежал скошенный хлеб...

Трактор завелся с полоборота. Василий Иванович двинул машину навстречу ревущему пламени. Он вспахал один ряд, «Кировец» неожиданно заглох. Кабина тут же заполнилась гулом надвигающегося огня.

Артюхов едва успел наглухо закрыть окна, как пятиметровой высоты языки пламени лизнули жаром стекла кабины. Огненный шквал на мгновение поглотил трактор и ушел дальше. Сбоку с гулом надвигалась еще одна стена...

Артюхов вывел машину из пекла, вручную подкачивая в двигатель остатки топлива... Он едва дотянул трактор до лесопосадок. На ходу заметил: к хутору подтянулась техника, прибыли пожарные. Примчался на «газике» начальник Зимовниковского отделения Госпожнадзора С. Н. Великоцкий.

То, что трактор без топлива, Великоцкий догадался сразу. Вместе с водителем они стали помогать Артюхову растаскивать на соседнем поле уже дымящиеся от нестерпимой жары валки пшеницы. Сквозь дым увидели, как на поле въехали еще два трактора. Ими управляли Володя Зыбанов и Саша Емельянов...

Мой сосед по дому, фронтовик, узнав от меня про Емельянова, был категоричен:

— Обязательно напиши про его жизнь. Подробно! Все должны знать об этом парне, и всё! Не каждый способен совершить подвиг в мирное время. А то, что это подвиг — не сомневайся. По поводу того, что некоторые толкуют, мол, вот, если бы он ценой своей жизни оставил пламя, спас поле, тогда, мол, другое дело — на это не обращай внимание. Я много повидал смертей и вот что тебе скажу: если бы на фронте каждый боец подолгу размышлял, как твой философ — принесет ли его смерть успех бою, — не было бы нашей победы.

Вспомнил я и о своей встрече с Дмитрием Петровичем Чередниченко, директором зимовниковской восьмилетней школы № 10, где когда-то учился Саша.

Задумал Дмитрий Петрович оформить в школе стенд с подробным описанием Сашиной жизни. Благородное, доброе дело. Но и сложное. Потому хотя бы, что биография Емельянова удивительно проста и отмечена самыми скромными вехами: родился в 1952 году, учился в школе, женился, после службы в армии работал механизатором в родном совхозе... Простой, бесхитростной кажется его жизнь: работа, дом, снова работа... Как доходчиво, емко и образно рассказать в школьном стенде о привязанности Александра к земле, к технике? Как показать его любовь к своим детям? Их у Саши осталось четверо...

Про Сашу никто из моих собеседников много не говорил. Все воспоминания чаще всего сводились к одному: надежный, честный, отличный работник, настоящий друг. Добросовестно выполняя любое дело, совершая любой поступок, он оставался как бы в тени. Слов лишних не любил, суеты — тоже.

...Вечер был теплый и тихий. С тракторной станции Артюхов и Саша уходили последними.

— Саня, а может, тебе дать смену? — не впервые завел разговор управляющий. Почти всю страду парень отбарабанил один, без напарника. Бывало, вздремнет в тракторе пару часов и опять в поле. Измотался совсем, круги черные под глазами. А дома — жена, детишки. Но смену ни в какую не берет. Отмолчится или просто отрезет: «Не надо!»

— Ну, так как?

— Не надо!

— Ты как баран упрямый! Заладил: не надо! Не надо! — Артюхова понесло. — Чего ты добиваешься?! Надорвешься — и все дела. Все деньги все равно не заработаешь...

— Да разве только в деньгах дело, — Саша говорил тихо, аккуратно подбирая слова. — Ну кого вы мне сейчас в смену дадите? Кто опытный — давно сам работает. А придет кто с курсов — любви к технике, понимания еще никакого... Такой отработает смену, заперет машину, а потом и ему и мне стоять.

— Смотри-ка, совсем ты незаменимый! — Артюхов горячился уже по инерции. Где-то в душе он понимал Саньку, но что ж теперь — вообще из трактора парню не вылезать?

— Ну, давай завтра тебя на день заменим, а вечером ты в поле пойдешь, — управляющий делал последнюю попытку.

— Не-е, — Артюхову показалось в темноте, что Санька улыбался. — Завтра я дочурок своих обещаю в поле свозить. Так что не могу...

А через несколько дней Александр Емельянов удивил всех механизаторов совхоза. Где он все разузнал про турбонаддув, где умудрился раздобыть устройство — об этом и сейчас мало кто знает. Только поставил его Александр на свой старенький ДТ-75 — двигатель мощнее стал, заработала машина как новая.

Потянулись механизаторы к Емельянову за советами. И прежде редко какой ремонт без его помощи обходился. А чтобы отказал кому в какой просьбе — такого вообще не было. Придет, посмотрит молча, попросит помочь, если надо, и так же молча все сделает. Добросовестно, как для себя.

...В тот день Саша встал раньше обычного. Накануне простоял на ремонте и теперь рвался в работу, спешил наверстать упущенное. Быстро управился по хозяйству и засобирался на станцию.

— Таня, я сегодня в поле пойду, — сказал жене.

— Как же так, — расстроилась она, — ведь мы после обеда в фотографию собирались. Сам говорил, что не починил еще трактор...

— Да там пустяк остался, за час справлюсь. Понимаешь, на поле мой трактор сейчас позарез нужен. А в фотографии мы с тобой на будущей неделе съездим. Точно говорю! И ребятишек с собой возьмем...

Ушел Саша тихо, чтобы не разбудить детей...

Они пахали с Зыбановым километрах в пяти от хутора. Дым увидели почти одновременно. Не сговариваясь, развернули свои тракторы, включили пятую скорость. Сориентировались на ходу. Пламя гигантским ревущим веером забиралось на правую половину поля, грозило переметнуться через узкое полотно степной дороги на другое поле нескошенной пшеницы.

Зашли с правой стороны. Впереди, метрах в десяти, Зыбанов, за ним — Емельянов. Дым рывками закрывал все вокруг, и тогда шли «на ошупь».

Пройден ряд. Но пламя без труда протягивает свои жадные языки через трехметровую полосу вспашки.

Развернулись на второй заход. Пошли осторожно и в то же время торопясь перекрыть дорогу огню. И вот тут ветер неожиданно резко сменил направление. Огонь неумолимо рванулся на тракторы, обрушился на них ревущей стеной.

Зыбанов, подняв плуг, успел проскочить сквозь пламя. Обернулся: трактор Емельянова продолжал опахивать...

...Огонь метнулся в открытое окно кабины, лизнул одежду. Она вспыхнула. Александр пытался сбить с себя пламя, но тщетно... Тогда он бросился наружу...

С окраины поля было видно, как огонь поглотил трактор, как метнулся из него Емельянов. Было видно, как над тем местом, где упал Александр, снова промчалась с гулом лавина огня...

...Остро пахло больницей, лекарствами.

Последнее, что явственно различил Александр, это лицо хирурга Алексея Екшикеева. С удивительной четкостью и ясностью вспомнил, что два года назад этот молодой еще врач оперировал у него аппендицит. Хотел улыбнуться ему, но не ощутил своего лица.

Потом Емельянов ничего не видел. И продолжал следить за жизнью вокруг себя по шумам, разговорам...

— Я вас прошу: никого ко мне из родных не пускайте. — Это он доктору. Он не хотел пугать родных — обезображенный, с безжизненной маской вместо лица.

Потом до него дошел голос Великоцкого:

— Саша, почему ты не ушел от огня?

Он долго молчал. Потом ответил тихо и будто с иронией:

— Заработался, наверное, увлекся... — Потом еще помолчал и совсем уже тихо сказал: — Ведь хлеб горел...

Восемь часов на капельницах, на постоянных уколах боролся его организм со смертью. У Александра был 100-процентный ожог. Это — смерть. Как правило — мгновенная. Но даже тогда, когда ему самому стало ясно, что не выжить, он, не теряя сознания, говорил только о жизни.

Он и за жизнь, как за хлеб, боролся до последнего...

*Совхоз «Центральный»
Ростовской области*

ОМО — ЯЗЫК ЧЕЛОВЕКА

См. 2-ю стр. обложки

Во дворе дома Атаманова, что по Большой Съезжей, стояла пролетка. Молодой человек в тужурке выносил из типографии мешанина Якова Шубина небольшие тючки, обернутые в плотную бумагу, и с размаху бросал их в пролетку. От удара один из тючков развалился, и оттуда посыпались тоненькие брошюры сероватого цвета. Извозчик взял одну, поднес к глазам.

— Про-экт на-уч-на-го и ме-ж-ду-на-род-на-го я-зы-ка. Ека-те-рин-бург,— прочитал он и сплюнул с досадой: — Тьфу ты, господи! Бесятся с жиру господа, мало им расейского языка! Уж не смутьянские ли книжицы? Свят, свят...— скинув шапку, перекрестился он.

На всякий случай извозчик повел глазом на номер дома: Гоголевская, 10. Тут молодой человек жил.

— Накинул бы гривенничек, барин,— завел он обычную песню,— овес ноне кусается.

Молодой человек спорить не стал и добавил гривенник. «А может, и не заявлять в полицию,— подумал, отъехав, извозчик.— Политики гривенниками же разбрасываются...»

Свалив тючки в угол комнаты, молодой человек сел за стол и пододвинул к себе местную газету «Уральский край». Пробежал привычным взглядом по страницам. Нечий Х. Когон в который уже раз предлагал всем, кто хочет заработать много денег, заняться выделкой мыла по его рецепту. Девушка двадцати пяти лет искала место няни. Господин полицмейстер обижался, что во время исполнения царского гимна многие екатеринбуржцы не снимают шапок.

— Дурак ты, хоть и полицмейстер! — громко сказал молодой человек и перевернул последнюю страницу. Китаец-предсказатель предлагает свои услуги, гласило объявление...

— А знает ли этот предсказатель,— воскликнул он,— что я, Владимир Венгеров, двадцати семи лет, художник по профессии, сегодня, 21 октября 1910 года, начинаю дело важности для человечества необычайной!

Он взял брошюрку. Все слова были его, но напечатанные на бумаге они теперь приобрели отстраненность. «Язык должен быть точным, полным, красивым и легким словесным выразителем внутреннего мира человека...»

— Именно так,— прошептал Владимир и, закрыв глаза, продолжил уже по памяти: — «...и в то же время быть кратким, разумным, гибким и легко изучаемым в своей технической стороне». — Он открыл глаза и энергично сказал: — За дело! Необходимо привлечь внимание России к моему проекту. Специалисты завершат начатое мною дело!

«Милостивый государь! — вызвал он на листе писчей бумаги. — Считаю начатое нами дело общечеловеческим, мы позволим себе обратиться к Вам с убедительной просьбой высказаться по следующим вопросам, затронутым в настоящей брошюре...»

Царское общество отнеслось к проекту Венгерова безразлично. На письма с приложенными к ним брошюрами, посланные министру просвещения, президенту Академии наук, в Святтейший синод, Государственную думу, ответа не пришло.

Жизнь брала свое. Венгеров участвовал в художественных выставках; после одной из них, в Перми, его пейзажи попали в музей. Продолжал он заниматься и своим любимым изобретательством: в 1926 году ему даже был выдан патент № 295 на разработанный им счетный круг. Но идея международного языка, овладевшей им в молодости, он остался верен на всю свою жизнь.

В полном одиночестве в течение пятнадцати лет он изо дня в день работал над проектом языка ОМО. И вот в 1927 году в свердловской типографии «Гранит» была напечатана его книга «ОМО — язык человека», итог многолетней работы.

Венгеров с головой погружается в пропаганду своего языка. Им пишутся листовки: «Каждый человек должен говорить на общечеловеческом языке ОМО! Изучайте, пропагандируйте, внедряйте его в жизнь!» — и расклеиваются на заборах и тумбах Свердловска. Появляются и первые «омисты», вскоре их число достигает тысячи человек. В Свердловске образуется Центромиат. А Венгеров готовит к печати новую книгу «Ключ ОМО», он пишет: «Мой ОМО является самым простым из существующих на земле языков. Алфавит у него в основе своей латинский. Каждое слово произносится согласно начертанию. Ударение всегда на предпоследнем слоге. Перенос разрешается в любом месте!..»

А грамматика? Что может быть проще!.. Падежи, всегда вызывающие затруднение, отсутствуют. Частей речи, как таковых, не существует, вместо них — ряд простых понятий. Глаголы по лицам, числам и родам не изменяются. Количество самостоятельных форм, требующих запоминания, уменьшено сравнительно с живыми языками в пятьдесят раз.

...Вот как звучали на ОМО бессмертные строчки Гоголя: «Чарма эс люво Днипр, кань ас калме, кань либере, легате рипигас ли интер боски тэ монти сиан аквин пле-нега...» («Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои»).

Несмотря на широковетательные заявления В. И. Венгерова, что его язык, «построенный на удовлетворении многочисленных жизненных потребностей», будет хотя и медленно, но крепко внедряться в жизнь, получилось иначе. Всемирный язык Венгерова разделил судьбу множества таких же проектов и уже при жизни создателя вскоре остался известен лишь небольшой группе специалистов в области интерлингвистики.

Но само желание практически послужить человечеству и жить ради этой цели достойно уважения.

Виктор
КЛОЧКОВ

ЦВЕТ РЕПЕЙНИКА

МЕРА ДОБРА И ЗЛА

Добро — свет,
зло — тьма.
Так всегда
считалось в народе.
Наш сегодняшний
разговор о том,
откуда берется
в мальчишках агрессивность
и, нередко, жестокость.
Только ли
потребностью
в остроте переживаний,
свойственной
переходному возрасту,
объясняются они?
И так ли уж виноват
здесь переходный возраст?
В чем корни
вакуума души,
почему иной раз
смещаются понятия
о добре и зле,
как обнаруживается
это в ребятах?

Жалость

*Из историй, рассказанных
участковым инспектором*

В кабинете следователя сидели заплаканная женщина и ее сын, рослый парень с бегающим взглядом, опухшим лицом.

— Как ты там, Сереженька? — жалостливо начала мать, едва следователь вышел из кабинета. Я был в штатском, и на меня не обращали внимания: мало ли кто может прийти к следователю. — А руки-то у тебя какие... И ведь желудок больной, тебе чистоту надо сохранять. Как сейчас желудок-то?

— Болел один раз, — угрюмо проронил сын, сосредоточенно счищая грязным пальцем солнечную корку большого апельсина.

— А кормят-то как? Тебе надо улучшенное питание, там нельзя об этом попросить?

Сын метнул на мать сердитый взгляд.

— Я уж кого только не просила, чтобы не арестовывали... Ночи не сплю, Сереженька... Мне твоя драка уже обошлась в двести сорок рублей... О чем ты думаешь сейчас?

— Ни о чем... — коротко ответил сын, засовывая в рот дольку апельсина.

— Этой-то... ты ведь челюсть сломал. Лежит, говорят, с сотрясением мозга.

— Угу... — односложно буркнул сын.

— Ты уж веди там себя хорошо. Может, опять под амнистию попадешь... Вот беда, Год ребенка-то кончился! — продолжала сокрушаться мать.

Вошел следователь. Сергея увели. Я спросил, что произошло с парнем — может, трагическая случайность, нелепый случай? Следователь рассказал. Первого января, после встречи Нового года, в компании пьяных юнцов Сергей начал приставать к незнакомым ребятам. Схватил бутылку, ударил по лицу девочку... И как ни в чем не бывало, ушел с друзьями.

— А ведь он только-только освободился по амнистии, — добавил следователь.

Теперь этот упитанный, жующий апельсин парень, которому предстоит еще один заход в места лишения свободы, озабочен, как и его любящая мать, одним: избежать заслуженного наказания. Ни он, ни мать не нашли слов сожаления о происшедшем. Не обожгла сердце боль: искалечен человек — девочка, у которой рассечены кости на лице, будет жуткий шрам. Ведь у нее тоже жизнь впереди...

Смотрел я на них обоих, и было мне не по себе. Вот сидит не совсем уж малолетний преступник, лицо сытое, беспечальное. Сколько горя он принес людям уже

Продолжение. Начало см. в № 7, 9, 1982 г.

в свои шестнадцать лет, сколько искалечил судеб... Вот суетится возле него женщина с апельсинами — его мать, подарившая обществу этого человеконенавистника...

В своей милицмейской практике я неоднократно наблюдал, как родители, самозабвенно защищающие интересы своего чада, способны совершить любой, даже самый безнравственный поступок, лишь бы уберечь, оградить свое «сокровище».

Однажды мне пришлось видеть список, составленный одной мамой. Она перечислила 149 фамилий разных людей, подростков и взрослых, которые, по ее мнению, были виноваты в том, что ее сын стал преступником.

Я думаю, что под номером первым ей надо было поставить себя...

Слепая родительская любовь... Оставим пока в стороне ее крайнее проявление, когда мать несет сыну-преступнику апельсины. Не будем пока философствовать по тому поводу, что у парня рука поднялась на человека.

Попробуем «раскрутить» назад жизненные кадры.

Незадолго до преступления он принял как должное джинсы или магнитофон, купленные на материнские деньги. Вряд ли спросил сын: «Мама, а где у тебя новое пальто или столь желанная швейная машина?»

Сынок-первоклассник, набегавшись, пришел домой и — сразу за стол. Уминает, уписывает за обе щеки приготовленный мамой обед. Спросил он когда-нибудь: «Мама, а ты почему не ешь, ты уже ела!»

Сын-малеха начал ходить, правда, пока под стол пешком. Не рассчитал, стукнулся головой и, рассердившись, ударил об стол безответным плюшевым мишкой. Сказала, мама: «Что же ты, сынок! Ведь тебе больно, и ему тоже больно...» Не жалко маме: подумаешь, вон их сколько, игрушек...

Так, исподволь, растет маленький эгоист: мне, мое, дай, хочу... Пагубность слепой любви хорошо подчеркивается в одной японской поговорке: «Баловать ребенка — все равно что бросить его».

Жестокость — это вакуум души. Откуда он берется! Не одна слепая родительская любовь тут виной. Узы, вакуум создается множественно. Есть дремучесть семейных отношений, пьянство, грубость, к которым ребенок привыкает с малых лет и черствеет душой. И вот уже подросток, привыкший к злу, готов творить его сам...

Дети — зеркало наше

**Леонид
ГОЛУБЕВ**

Утром, перешагнув порог своей школы, я сразу оказался в окружении ребят.

— Леонид Александрович, у нас Димку подкололи...

— Какого Димку? — переспросил я, чувствуя, как в сердце вонзаются иглы.

— Из десятого «б»... Димку Партина. Его врачи сейчас в больнице спасают...

ЧП, как гром, прокатилось по школе. Ошеломило не только учеников, учителей, родителей, но и рабочих завода, где работали те, кто расправился с Димой, — Вадим Доров и Андрей Шенин.

Шенин и Доров Диму знали. Как-то Партина с оперативниками патрулировал в своем микрорайоне. Увидели, как к девушкам привязались пьяные подростки. Одернули их. Подоспели милиционеры и забрали хулиганов.

— Ты, ищейка, — сказал Шенин Диме Партину, — рассчитаемся!..

Дима тогда не обратил внимания на угрозу. Он был не из трусливых. И вот они рассчитались...

До боли обидно было, что и Шенин, и Доров когда-то числились учениками нашей школы. Знал я их семьи.

Семья, в которой рос Вадим Доров, не отличалась от многих тысяч других. Но вот запянул отец, обязавшись дружками-субутильниками, начал исчезать из дома, а потом ушел совсем. Мать и сын тяжело переживали уход отца. Мать теперь еще больше потянулась к сыну Вадьке, для нее он был единственным родным человеком. С детского садика выполняла все его капризы, прихоти. А когда Вадька подрос, стали уже не капризы — требования, и непререкаемые... Мальчишка, подрастая, становился наглее, дерзил учителям, хитрил, обманывал мать. Стал воровать. Как-то заявился домой пьяный — мать испугалась... Но было уже поздно.

Вадька все же закончил восемь классов, пошел работать учеником на завод. И тут свалилось на голову матери это большое горе...

— Разве я виновата? — плакала она. — Ведь я для него из сил выбивалась...

Я, конечно, помнил Вадима Дорова. Помнил даже такую деталь: дома у него была кошка, которую он очень любил. Для нее он добывал птиц, охотился с рогаткой, кормил свою любимицу: приносил убитого голубя, швырял кошке...

Андрей Шенин, пожалуй, мало чем отличался от своего друга. Когда-то и у него была нормальная семья. Отец — токарь, передовик производства, даже портрет вывешивали на Доске почета. Ездил на другие заводы, делился опытом. Но... перехвалили человека. Начал частенько возвращаться домой пьяным. На мать шумели: «Расхлюпалась!» — и к сыну: «Андрейка, я для тебя авторитет?.. Нет?.. Я тебя заставляю уважать отца!»

Но об уважении уже не было и речи. Андрей с презрением поглядывал на отца. Раз-другой сбежал из дома, работники предприятия привезли обратно. Потом бросил школу, обозлился на весь мир...

Я часто слышу от родителей: «Разве мы можем правильно воспитать ребенка? Для этого существует школа, пусть она занимается. Наше дело — обути, накормить...» Не могу слышать такие рассуждения! Разве школьник не воспитывается в семье?! Как можно перекладывать на

других свои кровные обязанности, с каких пор личный пример родителей перестал иметь отношение к формированию детского характера?

Детство — это заря жизни человека. Если согревают его теплые солнечные лучи, то дальнейший путь будет светел. Если нет тепла и порядка в семье — тень мрачности ляжет и на судьбу будущего человека.

Так и у Андрея Шенина, и у Вадима Дорова случилось. Их судили. Они понесли заслуженное наказание. А душа за них все равно болит, и раздумья не уходят — не одни они такие...

Вспоминаются мне далекие тридцатые годы, когда я начинал работать воспитателем детской колонии. Это было трудное время становления страны. Строились заводы, шахты, рудники, завершалась коллективизация. Еще много было детей-сирот. Их подбирали, устраивали в детские дома, колонии, учили грамоте.

В нашей воспитательной работе главенствующую роль занимал труд. Он господствовал повсюду. Мальчишки и девочки ухаживали на скотном дворе за телятами, поросятами. Заготавливали сено, убирали хлеб. Сами были сапожниками и швеями. Вывозили из леса заготовленные дрова, носили на кухню воду, кашеварили сами. Это было и в крестьянских, и в рабочих семьях. Труд облагораживал детские сердца.

Не случайно вспоминается то время. Хочется сопоставить его с нашим. Каждая семья обеспечена. Большинство горожан живут в благоустроенных квартирах. Топить печи не надо, горячая и холодная вода в кранах, и баня рядом — ванна с душем... Напрашивается вопрос: чем же заниматься подросткам, когда у них все есть? Разве за молоком или за хлебом сбежать в магазин... Поэтому наши дети зачастую вырастают белоручками, бездельниками, тунеядцами, порой далекими от настоящей жизни — не знают, как растет хлеб, картофель, капуста, откуда берется молоко, масло... Не внося своей посильной доли в общий труд, они становятся активными потребителями.

Я не раз слышал от родителей: «Да разве нам хочется иметь плохого сына? Только как его воспитать?» Да, хотеть — одно, уметь воспитывать — другое. Таких родителей еще можно чему-то научить, было бы желание. Гораздо хуже, когда родители сами прививают детям дурные привычки, допускают в семье грубость, нечестность, неуважение к нашим законам. А дети, как губка, впитывают все, дети, как зеркало, они все повторяют...

А в повседневной жизни — на улице, в общественных местах, на городском транспорте — всегда ли и мы, «сторонние», думаем, какой отпечаток оставляют в детских душах наши мелкие, рядовые поступки, наше обыденное поведение?

Маленький будничный эпизод на трамвайной остановке. Народу много. Все отчаянно толкались, мужчины решительно работали локтями, отпихивая женщин, подростков. Но тронулся наконец трамвай, и тут пассажирам стало неловко: на остановке остались двое маленьких растерянных человечков с ранцами за плечами — видно, первоклассники...

— Нехорошо получилось, — смущенно произнес возле меня плотный усач. Какая-то женщина разохалась. В общем, «нажали» мы на водителя, упросили посадить пассажиров. Трамвай остановился. Высунувшись из окон, пассажиры закричали, замахали руками.

Парнишки вначале ничего не поняли, а потом бросились к передней площадке и, помогая друг другу, влезли. Вагон снова тронулся...

Максим Горький говорил: «Высидеть цыпленка может и курица, а вот воспитать его...» Я думаю, у каждого из нас должна быть своя педагогика. В семье — у родителей, в школе — у воспитателей-учителей, на улице — у прохожих.

Все дети рождаются добрыми, с открытой душой. Добра они ждут и от мира, в который входят. Они отзывчивы на ласку, без ласки черствеют ребячьи души.

Один жизненный пример. Сережа Б. вырос в семье, где папа и мама знали одну радость — было б выпить. Сережа рано понял, что никому до него нет дела. Нет, не ждите стандартного варианта: попал в плохую компанию и т. д. Ничего подобного. Подросток с отличием окончил ГПТУ, решил иметь высшее образование: «В вуз хочется. Да разве с такими родителями поступишь! А все равно поступлю... Сам пробьюсь».

При всем огромном уважении к этому юному человеку, с ранних лет принявшему личную свою ответственность за собственную судьбу, мы не можем крикнуть душой: далеко не всегда подросток способен сам выгрести против течения. Чаще всего он нуждается в помощи хороших людей. Велика она будет или крохотна, долговременна или одночасна — это уж как получится. Внимание и участие никогда не бывают маленькими, они оставляют большой след.

День рождения Васьки

**Николай
НОВЫЙ**

Сталкиваясь с проступками, которые совершают дети, всегда испытываешь чувство недоумения, растерянности, стыда, прежде всего, за родителей ребенка — не смогли научить, не сумели предотвратить...

Главной бедой, одной из основных причин, порождающих преступность, является невежество семейных отношений, грубость, брань. Кто и как научит ребенка уважать окружающих, почувствовать себя личностью, если рядом нет примеров, если он не видит личности в своих родителях — можно ли их уважать, если они дерутся, сквернословят? Ведь ребенок, вырастая в атмосфере брани, унижения, зла, привыкает к этому — вдумайтесь: привыкает к тому, что противоестественно самому человеческому существованию.

Мне вспоминается двенадцатилетний мальчишка. Жил он на Чердынской, звали его Васькой. Никому не давал

этот Васька прохода. Безобразничал в школе, обворовывал подвалы, колотил сверстников. В кинотеатре «Комсомолец» мне пришлось однажды вступить за маленького щуплого «очкарика», за шиворот оттащил я от несчастного мальчугана обидчика — им был опять он, Васька.

Вот такая злость, агрессивность, ненависть ко всему была у двенадцатилетнего парнишки. А такое житье-бытье Васькино, что иного просто ждаты неоткуда было. Драки, скандалы каждый день... Обозленный на весь свет, Васька не встречал доброты и во дворе, где на него глядели с опаской, и в школе, где он давно стал обузой коллектива. Решался уже вопрос о направлении Васьки в специальную школу-интернат.

Тогда и произошло событие, перевернувшее всю Васькину жизнь.

Таисья Матвеевна, одинокая женщина, жившая в соседнем доме, как-то прознала о дне рождения мальчишки. Представьте, Васька сам даже не знал, когда у него день рождения... Таисья Матвеевна зазвала его к себе, состряпала домашний пирог, угостила именинника. И подарила Ваське котенка. Маленького, рыжего, пушистого. Беззащитного и доверчивого.

И всего-то... Продолжал жить Васька в той же семье, учился в той же школе, так же все вокруг на него косились. Только как-то мягче стал парнишка... После школы — бегом к Таисье Матвеевне: котенок-то у нее жил — дома у Васьки разве можно держать...

С Чердынской я уехал. А о Ваське помнил. И когда встретил начальника инспекции по делам несовершеннолетних Зою Васильевну Новикову, заинтересовался его судьбой.

— Учится в ГПТУ, — ответила Зоя Васильевна, — ушел от родителей в общежитие. Не скажу, что «паинька», но здорово изменился.

Вот такая маленькая история.

человека таится под каждым кустом, листиком; незаметно, вроде играючи, приобщались к труду. И пололи, и поливали, и учились отличать зелененькое кружечко моркови от двойников-сорняков. К стати, обязанности по огороду остаются за ними и по сей день.

...Сначала за Санькиными хлопотами Володя наблюдал с иронией. Ну, раздобыл где-то семена горького перца. Ну, посадил. Взшел, правда, всего один росток... Потом ирония старшего брата сменилась сочувствием. На хрупкий стебелек напала тля. Обнаружив ее, Санька охнул и помчался за помощью к бабушке. Та дала ему кучу препаратов, объяснила, что надо делать. Санька мыл анемичное растение в ванной, пересаживал в другую землю. Всем на удивление перец выдержал и весной, набрав силу, зацвел.

— Слушай, — вроде бы озабоченно спросил Володя братишку, — а как быть с опылением? Пчел-то мы еще не завели.

— Сам буду опылять, — на полном серьезе отрезал младший.

Перец оказался растением самоопыляющимся и решительно завязал плоды.

— Уже пять штук! — с гордостью сообщил Санька. Признаться, вначале мне его затея показалась просто прихотью городского мальчишки. Но вскоре выяснилось: посажено и пестовалось растение для пользы. Каждый год бабушка и внуки консервируют огурцы, и без перца они получаются пресными. На эту-то пользу и напирал в разговоре тринадцатилетний Санька, умалчивая о своих душевных волнениях.

Баба Юлия живет отдельно, в своем доме. Не хочет менять привычные стены на благоустроенное жилье. Но связи ее с внуками прочны и постоянны. Без ее совета в любом важном деле не обходится.

Был еще дед. Фронтовик, прошедший всю войну. С каким жгучим любопытством слушали Володя и Санька его рассказы! А он, уже больной, клеил для них альбомы — героическую летопись великих испытаний народных. Каждый день ребята приходили, чтобы справиться о самочувствии Сергея Николаевича. Санька после второй смены забегал, чтобы забрать рецепты, а утром принести аптечные пузырьки.

Сорокаградусный мороз режет щеки, вонзается в горло... Снег взвизгивает под ногами. Портфель окаменел. Дорога сегодня кажется бесконечной. Наконец поворот, еще поворот, калитка, ступенька...

— Все, Саня, уже ничего не надо... — встретила его на пороге бабушка.

Он не поверил, рванул в дом.

— Не пуцу, — заслонила бабушка дверь.

Придя домой, Санька слег, надолго. Дни, пока отец, мать и бабушка были заняты печальными хлопотами, Володя неотлучно дежурил у постели брата. К слову замечу, никаких особых нежностей, никаких внешних проявлений, демонстрирующих взаимную преданность, словесных излияний я в этой семье не заметила.

Мама — Тамара Степановна. Спокойная, женственная. К ней очень подходит определение «хранительница домашнего очага». Папа — Борис Сергеевич, энергичный, деятельный, как и подобает мужчине. Оба они инженеры, помимо основной работы много занимаются общественными делами.

42-й размер ботинок, рост 1 метр 80, слегка тоскующий взгляд и выпускные экзамены на носу — это Володя.

Санька ударно закончил седьмой класс и ждет, когда ему исполнится четырнадцать.

«Хорошая семья, и ребята у них растут хорошие», — говорят о Жиделевых все, кто их знает. Хотя что значит — «хорошая»? Такой, известно, бывает и погода... Однажды Санька забыл зайти помочь бабушке, все в семье объявили ему бойкот. В другой раз Володя упрется. Попросят Тамара Степановна сходить в магазин, а он ответит:

— Потом.

— Мне сейчас нужно, — скажет мать. — Почему-то маленьким ты сразу все делал сейчас.

Родительский дом

Елена
КИРИЛЛОВА

Когда я вечером набрала по телефону номер Жиделевых, ответил Володя:

— Отца с матерью дома нет, где-то заняты...

Вот те на! Привычная ситуация в моих глазах должна была выглядеть иначе: родители дома, а где-то «заняты» дети...

Так что встретились мы с Жиделевыми только завтра.

Квартира в центре города. Второй этаж. За дверью грохочет Бетховен... Это я уже потом узнала: когда Володя учит свою любимую математику, он включает музыку.

На дворе вот-вот лето. По календарю. А в Карпинске — снег: кружится в воздухе десант белых мух. Уж этот уральский север с его вечными сюрпризами.

На столе в квартире Жиделевых подыхает букет тюльпанов. С бабушкиного огорода цветы... Красоту здесь почитают необходимым витамином, без которого не расти, не жить человеку.

Повезло Жиделевым с огородом. Не так уж он велик у бабушки — семь соток. Но своей оды он заслуживает. С тех пор, как Володя и Саня помнят себя, помнят они и этот огород. Еще совсем малыши они узнали здесь радость открытий — сколько таинственного для маленького

— А ты разве забыла, что у меня сейчас трудный возраст?

— Вот как? — изумилась Тамара Степановна. — А я и не знала...

Все-то мама, конечно, знает...

Как не надо воспитывать детей — специалистов в этом тема. Сделалось плохое с мальчишкой — и все мы с возмущением готовы проследить и доказать закономерность происшедшего. В основном, шишки валяются на голову семьи: проморгали отец с матерью, не уследили. Да и школе достанется.

Но вот — подросток, о котором отзываются с похвалой. Странно, но часто лаврами здесь увенчивают школу: «хорошо поработала», либо «тренер — молодец», если парень посещал секцию. А семья... Что тут такого необычного, так и должно быть.

А как достичь такого положительного результата? Нет таких рецептов... Так, может, обычная семья и есть самая интересная, раз в ней знают, как надо воспитывать?

...Препротивное занятие — мыть окна. Санька с Володей того же мнения, а потому, когда им пришлось мыть в первый раз, они поделили эту «дурацкую» работу пополам.

Санька придирчиво осматривает половину своего окна, еще раз проходится по ней тряпкой.

— Мам, готово!

Старший драит свою половину окна. Борьба за равноправие?

— Не без этого, — усмехается Володя.

Уборкой в доме занимаются сообща. Борьба идет за другое — первым заметить, первым сделать, не дожидаясь унижительных для самолюбия напоминаний. Сейчас они оба стали постарше.

Традиционный вопрос маме:

— Какими бы вы хотели видеть своих ребят? — и чувствую, как из меня прет привычная схема, потому что подсказываю: — Умными, мужественными... Эрудированными...

— Да, конечно, — соглашается Тамара Степановна. И твердо, с полной убежденностью добавляет: — Но прежде всего — добрыми.

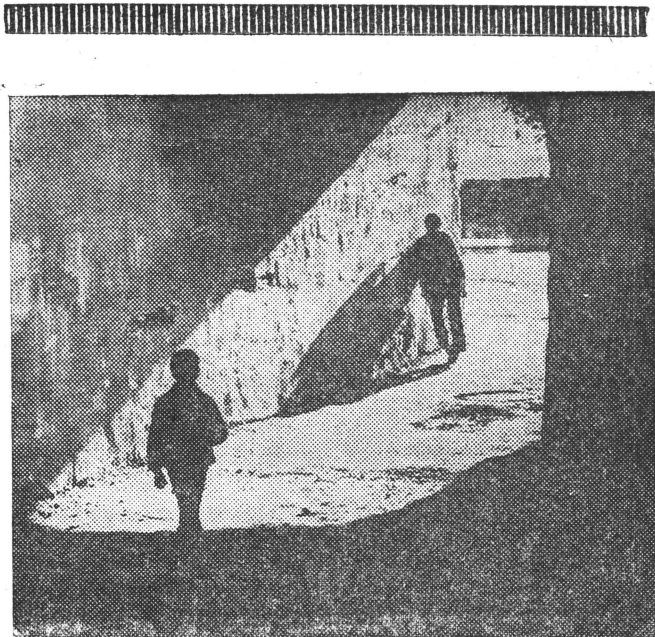
Не сразу я оценила эту родительскую мудрость. Мы считаем доброту чем-то само собой разумеющимся. Как будто она, как дикий боярышник, цветет и растет, и не надо никаких усилий... Отсутствие ее отец и мать обычно ощущают очень поздно, когда уже сами нуждаются в доброте и заботе.

Тамара Степановна считает: добрые черты, привычки не складываются сами, не впитываются с материнским молоком, в них тоже нужна тренированность — тренированность души. И складываются они из конкретных ежедневных поступков. Занимается с одноклассником, ликвидируя его пробелы в знаниях, старший — все правильно, так он и должен поступать. Пилит, колет, носит в поленницу дрова младший, помогая своему другу — и тут от родителей слова одобрения. Хотя в общем-то могла быть и другая реакция: «Тебе что, своего времени не жалко?»

Добросовестно наморщены лбы: нет, не могут Володя и Саня вспомнить, чтобы родители запрещали им с кем-то дружить: дескать, этого мальчика к нам в дом не води, он нам не нравится. Признавали родители право их собственного выбора. Без споров — что престижней! — приняли увлечения сыновей: одного — игрой на балалайке в оркестре народных инструментов, другого — боксом. Без лишних сетоаний лечили разбитые в кровь пальцы старшего и синяки младшего.

Ну, а трудности в воспитании?.. Где же они, наконец? Ты к ребенку с распростертыми объятиями, а он вдруг к тебе спиной. Ты ему: «Я устала, помоги», — а он равнодушно занимается своими делами. Ты к нему, а он, а они...

И так бывает. Все обычно, как у всех. Но особых трудностей Жиделевы не видели и не видят. Бывают ребята ершистыми, бывают и непослушными. Мама не спешит с нотациями и одергиваниями. Пришел взволнован-

Как его встретит большой мальчик?

Фото Н. Медведевой

Мнения

«Горячий трепет юного сердца, возмущенного злом, готового стереть зло с лица земли, превратить его в пыль — никогда не придет, если юношество не возьмет его в зрелые годы из той тревожной, беспокойной поры, когда происходит великое открытие мира — сложное и безболезненное познание добра и зла сердцем... Холодный рассудок будет, не беспокойтесь! Было бы горячее сердце!»

В. СУХОМЛИНСКИЙ

«Свобода выбора и маневрирования в воспитательной сфере должна быть настолько велика, что для строителя-большевика и убежденного буржуазного деятеля сплошь и рядом может пригодиться один и тот же список приемов, как требуется одинаково кирпич, бетон, железо, дерево и для постройки храма и для постройки рабочего клуба.

Вопрос решается не выбором списка, а сочетанием средств, их расстановкой по отношению друг к другу, их общей гармонизированной направленностью и, самое главное, их естественным классовым содержанием, то есть тем, что приходит не от педагогики, а от политики, но что с педагогикой должно быть органически связано.»

А. С. МАКАРЕНКО

«С чего начинается та, чаще всего незаметная, словно пританцованная в чертополохе тропинка, что приводит подростка к равнодушию и злу? Думаю, что началом ее нередко бывает цинизм. Коварное, разъедающее душу свойство... И одним из самых эффективных лекарств против него является, на мой взгляд, приобщение юного человека не только к высоким словам, но и к высоким делам. Единство таких слов и таких дел — гарантия нравственного здоровья. Помочь подростку достичь этой необходимой гармонии должны мы, взрослые люди.»

Анатолий АЛЕКСИН

ный, не хочет делиться сразу? Пусть отойдет вначале. Уединяется? Что ж, значит, есть уже о чем поразмышлять, а может, и помечтать. Как она находит меру доброты и строгости к каждому — это ее материнская тайна. Которую, впрочем, и раскрыть не трудно: просто знает своих детей и хочет с ними ладить.

С момента рождения своего первенца и до сего дня все свои отпуска Тамара Степановна проводит вместе с ребятами. Ехать — только с ними, нет возможности — с ними останется дома. И обделенной себя никак не чувствует: тут, при сыновьях и муже — у нее и рай, и ад, и вся жизнь, и счастье. Может, это ее золотое правило и не для всех. Универсальных рецептов, не будем забывать, нет. Как нет одинаковых семей. Одинаковы только ковры, мебель... Книги — и то разные, по ним можно узнать семью. У Жиделевых солидная библиотека, в сотни томов. Преобладают классики: Тургенев, Флобер, Бунин, Фейхтвангер... Страсть к книгам перешла еще от деда, библиотека насчитывает десятилетия. Но корешки новенькие, переплеты — будто нетронутые... Не читают? Еще как читают, и другим дают. Просто берегут.

Какие еще ценности здесь в почете?

Остальные ценности не материальные: любовь, требовательность друг к другу, взаимная забота, добросердечие. Не мудрено, скажет кто-то, в такой атмосфере вырасти хорошим человеком... Верно. Не мудрено. Мудрено другое — создать эту атмосферу.

Вспомним сцену из знаменитой «Легенды о Тиле Уленшпигеле» Шарля де Костера: юный король Филипп сжигает на костре обезьянку, немигающими глазами следит он за тем, как корчится бедное животное... Случай жестокого обращения с животными, к сожалению, не редки в среде подростков и в наши дни. Может быть, и в самом деле, как считают некоторые, было бы проще покончить с этими проявлениями с помощью закона — например, в статью о мелком хулиганстве, которая в нашем кодексе сохранилась, очевидно, со времен карманных воришек, включить новый пункт... Ведь ясно, что любое издевательство над «меньшими братьями нашими» — это очень плохой признак, это, пусть не в юридическом смысле, но все же — преступление через все человеческие правила.

Был бы судим король Филипп по нашим законам?

Помогла бы такая статья, если ее, допустим, ввести в кодекс?

С такими вопросами мы обратились к студентам третьего курса Свердловского юридического института.

Не обвинять, а помочь

Нина Циммер:

Ни во времена Шарля де Костера, ни по нашим современным законам короля Филиппа нельзя привлечь к уголовной ответственности: ни одна статья в кодексе не содержит подобного состава преступления. Я считаю, даже в этом случае нельзя применять крайних мер к подростку, так как это еще больше озлобит его. Необходимы меры убеждения, сила примера родителей и вообще взрослых людей. Ребенок, воспитанный в духе добра и любви, с детства привыкший жалеть все живое, такой ребенок не станет мучить кошку. Очень важно также занять свободное время подростка, помочь ему найти свое дело.

Владимир Цыпленков:

Мальчишка порой не осознает, что делает, так как преследует совсем иные цели: воображает, например, себя охотником и т. д. Поможет ли здесь статья в Уголовном кодексе? Хорошо бы с малых лет воспитывать у ребят настоящие идеалы, показывать им примеры подлинной мужественности. Гораздо важнее, по-моему, чем статья в кодексе, было бы привлечь к воспитанию подростков как можно больше мужчин — преподавателей в школах, тренеров, руководителей всевозможных кружков.

Александр Шейнин:

Нашим детям порой бывает очень скучно. Еще бы! Мухометеры не сидели за партами и не выясняли судьбу пешехода, бессмысленно идущего из пункта «А» в пункт «Б», они поминутно вытаскивали шпаги, смело вставая на защиту слабого. И у ковбоев, и у пиратов — само собой, по мнению пацанов, жизнь была не скучная...

Юные хозяева нынешних уличных «прерий» по-своему тоже стремятся быть смелыми, сильными — настоящими мужчинами. Объектом воспитания «мужественности» нередко становятся бездомные животные, птицы. Конечно, здесь даже маленькие силенки мальчишки покажутся силой, что ему и нужно. Но судить (в юридическом понятии — судить) за это ребенка нельзя, это — возрастное. И проявляется оно тем больше, чем меньше возможностей у ребят самоутвердиться и проявить себя в чем-то другом, нужном.

Владимир Баев:

Мысли и поступки несовершеннолетних отличаются крайностями. Жестокость — тоже крайность. Если попытаться классифицировать ее природу, вернее, причины, то можно выделить две:

- а) жестокость как самоутверждение в компании ребят;
- б) бессмысленная жестокость, от «ничего делать».

Можно попытаться установить штраф, налагаемый в административном порядке, действительно опасно оставлять случаи жестокого обращения с животными безнаказанными. Но, чтобы добиться реального результата, надо устранить сами причины. Обратив свободное время подростков в полезное, создавать самые разнообразные по интересам кружки, пионеротряды по месту жительства на период каникул, находить энтузиастов для работы с ребятами.

Говорят, что юные и молодые острее видят. Именно поэтому редакция обратилась с вопросом о целесообразности законного преследования за издевательство над животными не к опытным юристам, а к студентам,— в расчете на их еще юношеский максимализм... Но даже будущие юристы не считают введение такой статьи в закон панацеей.

...Что касается короля Филиппа, он приговорен автором к пожизненному и вечному презрению. Те, кто знают историю, легко сопоставят садистские наклонности, проявившиеся в отрочестве, с санкционируемыми королем уже в зрелые годы процессами над еретиками. За пятнадцать лет по приказу короля было сожжено восемьдесят две тысячи еретиков. Не зря автор «Тили Уленшпигеля» поставил на нем клеймо живодера.

...Что касается наших детей — тут задача единственная: разбираться в причинах, докапываться «до сути», устранять почву, на которой растет зло.

Доброта без разума — пуста

Надежда
СЕМЕРНЕВА

доцент Свердловского юридического института,
кандидат юридических наук

Когда видишь на скамье подсудимых подростка, который избил человека, тяжко оскорбил пожилую женщину, унизил достоинство сверстницы, возникает желание подойти к нему и заглянуть в глаза: «Как ты дошел до этого? Почему ты был так безжалостен?!»

По долгу службы, и по человеческому долгу, эти вопросы задает подсудимому и суд. Ответов часто не бывает. «Не могу объяснить», «был выпивши», «рассердился на прохожего, что не дал закурить...» Ударил раз, а потом увидел, что взрослый мужчина не защищается, захотелось побить еще...

От родителей тем более никогда не добьешься убедительных ответов. «Сыну не нужны были часы, которые он снял, у него есть свои, модные, последней марки...» «Почему бил? Не могу объяснить, видимо, в этом возрасте все такие!»

Итак, жестокость выдается за признак возраста.

«Подростковый возраст — время бурной физиологической перестройки организма,— пишет доктор медицинских наук, профессор Портнов.— В этот период резко и быстро возрастает продукция таких гормонов, которые, действуя на определенные мозговые структуры, вызывают у подростка неодолимое стремление к физической активности, к творчеству, к поискам приключений и опасностей. Как установлено, эти же гормоны повышают уровень агрессивности». Вместе с тем ученый с полным основанием утверждает, что и в подростковом возрасте человек способен вести себя правильно, поступать в соответствии с нравственными требованиями общества.

Давайте вместе полистаем молодежные журналы и газеты.

«Девушка семнадцати лет после смерти родителей стала воспитательницей трех своих малолетних братьев...»

«Пять семнадцатилетних учащихся техникума пришли в больницу, услышав по радио просьбу врачей дать кровь тяжело больному человеку...»

«Шестнадцатилетний учащийся ПТУ, рискуя жизнью, спас малыша, тонущего в озере...»

Примеры, подобные этим, можно продолжить без конца. Разные жизненные ситуации, при которых проявились воля, мужество и, если хотите, агрессивность по отношению к источнику опасности. Общим же для всех является человеколюбие. Подвиги во имя жизни, во имя блага — результат воспитания всех предшествующих лет; и совершать их могут лишь те, кто по крупичкам, по маленьким частичкам собирал, аккумулировал черты, свойственные настоящему человеку: любовь к людям, бескорыстие, чувство долга. Все эти качества в определенной, экстремальной ситуации проявились.

Ну, а преступление? Это тоже своего рода «подвиг», только со знаком минус. И в нем проявляются все те отрицательные качества, которые правонарушитель накопил в прошлом. И они создавались из мелких, иногда почти невидимых штрихов...

Где-то в дошкольном возрасте жестокость могла проявиться в причинении вреда живой веточке цветущей яблони, сломленной и брошенной потом на асфальт, в вытаптывании газона перед домом: «Хочу играть на траве!». Позже — еще более ярко: в стрельбе из рогатки на спор с приятелями по живой кошке или голубю. Это уже не просто озорство — это жестокость. Самое начало... Если таких озорников своевременно не остановить, то наступит «день икс», когда жестокость, копившаяся годами, выйдет наружу в действиях, называемых преступлениями. Не обязательно в насилии над личностью, — в похищении для продажи ценных исторических реликвий из музея, в повреждении уголков отдыха, любовно оформленных горожанами, в ломании скамеек, телефонных автоматов. Агрессивность — во вред, жестокость — как бессердечность, эгоизм, наплевательство...

Свердловчанам памятен судебный процесс над тремя подростками, которые в ночь под Новый год срубили одиннадцать елочек у могилы коммунаров. Жестокость была проявлена по отношению к целому городу. Недаром «Вечерний Свердловск» публиковал множество гнезых писем, называвших поведение ребят святотатством.

Шестьсот человек присутствовало на открытом судебном процессе. Выясняя причины, суд обратился к родителям подсудимых: «Как вы воспитывали своих детей? Какие нравственные качества им прививали?» — «Кормили, поили, одевали, обували...» — «И все?» — «А чего больше, все так...»

— Вы когда-нибудь приходили с сыном на могилу коммунаров, к Вечному огню? — допытывался общественный обвинитель у отца одного из юношей. — Рассказывали ли ему, кто такие Вайнер, Ермаков и другие коммунары, похороненные там?

— Нет, не рассказывал.

— Где вы живете?

— На улице Малышева.

— Рассказывали ли вы своему сыну о Малышеве?

Знает ли он, почему человек, погибший еще в гражданскую войну, живет в памяти людей, в названии улиц.

И вновь тот же ответ:

— Нет, не рассказывал, да и сам об этом плохо знаю. Шаг за шагом вскрывал суд безрадостную картину убогого воспитания в семьях подсудимых, выявляя полное отсутствие духовных интересов.

— Ты понимаешь, почему вас называют святотатцами? — спрашивал судья у одного из подсудимых.

Пожав плечами, он ответил:

— Ну, елки и елки... Мы могли и в парке Маяковского их нарубить, да туда далеко было ехать.

А второй дополнил:

— Хотелось выпить, а денег не было...

Эгоистическое желание удовлетворить потребность в выпивке лишь по чистой случайности вылилось в кражу елок. Внутренне они были готовы к любому самому агрессивному действию.

В. А. Сухомлинский, глубоко изучивший жизнь 460 семей, в которых воспитывались подростки, осужденные за преступления, справедливо заметил: «Чем тяжелее преступления, чем больше в них бесчеловечности, жестокости, тупости, тем беднее интеллектуальные, эстетические интересы и потребности семьи». Семьи, чьи дети посягнули на святое всего города — память о коммунарах, павших в борьбе за власть Советов на Урале, — наглядное тому подтверждение.

Нередко в суде услышишь от родителей: «Мы хотели сыну добра, ни в чем ему не отказывали. Собаку специально для него купили... Большие деньги заплатили».

Добро ли это? Русская поговорка говорит: «Доброта без разума — пуста». Купленная за большие деньги собачка не сделает человека добрым, если до этого ему уже покупали кошку (непреренно сиаемскую), а затем перепродали ее, убедившись, что за ней нужен уход... А еще раньше в доме жил хомячок, которому дверью нечаянно отвалили лапки, а затем выбросили — зачем он, больной, ребенку? Успокаивая малыша, плачущего от жалости к животному, родители пообещали купить ему новую забаву.

Так и черствеет сердце ребенка. Потом ему не жалко будет умершую от голода черепашку — вон их сколько в зоомагазине, сколько хочешь! И зачем девочке лечить куклу Катю, когда их много-много, пусть у нее глаза совсем выпадут — мама купит новую. А ведь лечить — значит, любить, спасти, уберечь...

«Купи», «дай», «хочу», «мне» — эти слова становятся преобладающими в лексиконе малышей. Постепенно, незаметно складывается психология эгоиста, равнодушного ко всему и всем, в том числе и к своим родителям.

Далеко не все эгоистичные жестокие люди становятся преступниками; но бесспорно однако: все преступники, совершившие жестокое преступление, шли к нему через целую серию дурных, безнравственных поступков.

Слишком часто «добро» стали понимать только как достаток. Доброта как духовная ценность подменяется более простым (слишком простым) понятием: накопительство, нажива. Принцип благосостояния — прекрасный принцип, но его надо понимать и принимать разумно. Не придется ли нам жалеть, при нынешнем огромном количестве игрушек в магазинах, о тех временах, когда ребенок имел одну куклу, одного плюшевого мишку, но любил их беззаветно, жалел...

Выявляя причины жестокости подростков, понимая, что подсудимый нередко сам в какой-то степени стал жертвой неправильного воспитания, суд тем не менее обязан принять решение по конкретному случаю, определить наказание; и оно бывает тем строже, чем больше причинено нравственных и физических страданий. Закон всегда учитывает степень жестокости. И когда наступает пора отвечать за свои поступки, суд уже не будет спрашивать про того первого плюшевого мишку, которому когда-то подсудимый оторвал ногу, про того первого голубя, в которого он запустил камнем... Тут уже вступит в силу Закон.

Здесь не столь важны — хотя важны безусловно — санкции. В отношении подростков они могут быть минимальными (штраф, обязанность возместить ущерб и т. п.). Важен сам факт осуждения проявлений жестокости со стороны государства, общественного мнения.

Может быть, следует принять за образец норму, подобную § 250 Уголовного кодекса Германской Демократической Республики, который звучит так: «Кто умышленно жестоко обращается с животным или мучает его, подлежит ответственности перед общественным органом правосудия либо наказывается общественным порицанием, штрафом или условным осуждением».

Существование подобного закона, безусловно, могло бы оказать сдерживающее, профилактическое влияние — и на подростков, склонных к безнравственным поступкам, и на родителей, которые, волей-неволей, заплатив штраф, подумают: не допускают ли они пробела в воспитании чада.

Есть категории людей, которым нельзя пить вино. Врачи относят к ним женщин, больных и подростков. Алкоголь грозит духовным и нравственным уродством пьющему подростку, готовому в любую минуту проявить подогретую агрессивность и натворить бед — себе ли, окружающим ли. Подросток после выпивки в прямом смысле теряет управление над собой: он подобен автомобилю с заклинившимся рулем, клещу, который неизвестно в кого вопьется, электрическому разряду, стоит в цепи обстоятельство появиться контакту...

Именно поэтому мы без обиняков подкивали в каждой из рассказанных здесь мальчишеских историй: семья, где царит пьянство, губит собственного ребенка. Большинство преступлений совершается подростками в пьяном виде. Родитель, приучающий сына к вину, совершает преступление!

И есть третье явление, порождающее жестокость — не менее страшное, чем слепая любовь, чем пьянство в семье. Это равнодушие.

Иные родители, слишком занятые своей работой или своими удовольствиями, чтобы тратить время на общение с детьми, на их воспитание, откупаются своего рода взяткой. «На тебе деньги, вещи, все, что пожелаешь. Развлекайся, как можешь, только не мешай».

А мальчишка, у которого есть все — собственная комната, самая модная одежда, вкусная еда, этот мальчишка считает себя несчастным. Ему нужна хотя бы одна человеческая душа, которая болела бы о нем, которая поняла бы, разделила бы его ребячьи сомнения...

Чужая боль

Людмила
СОЛОМЕНА

Эта история произошла несколько лет назад в одном из горняцких уральских городов. В ней оставлены подлинными имена, фамилии заменены.

ЛЕНА

Хлопнула дверь. Антонина Ивановна привычно вздохнула: пять минут до школы, пять минут на раздевалку, и в класс... Успеет ли Лена? Мать представила, как дочка идет мимо детских грибков, песочниц в их дворе, срезает один угол, другой. Надо бы побыстрее, а она не торопится...

Грохот в дверь был неожиданным. Антонина Ивановна открыла и увидела Лену, которую поддерживала соседка.

— Аленушка?! — выдохнула мать.

Девочка попыталась что-то сказать, но кровь фонтаном брызнула у нее изо рта. Сумка выпала из рук, Лена стала медленно оседать на пол.

По дороге в больницу Лена Петрова скончалась.

...А город купался в ярких лучах солнца. Занимался новый день — апрельский, весенний ясный день. Не верилось, что так рано в этот северный город заглянула весна, видно, что-то перепутала в пути.

Первая школа просто утонула в этом тепле и свете. Нетерпеливо заливался громкий школьный звонок. Начался урок литературы в девятом классе, на который не пришла отличница Лена Петрова. Учительница долго молчала.

— Ребята, сегодня утром случилось большое несчастье...

Никто не задавал в те первые минуты естественный и обычный вопрос: кто? Все спрашивали: за что?!

Лену Петрову любили, уважали одноклассники.

— Умная... Волевая... Настойчивая...

— Лена была для многих из нас идеалом.

— Это редкий человек... У нее всегда было собственное мнение. Она считала недостойным говорить о других «за глаза», мы ни разу не слышали, чтобы она о ком-то плохо отзывалась. Если ее обидят — промолчит и отойдет.

И еще одна деталь. Лена была красивая. Правильные черты лица, нежный овал, длинные густые волосы и необыкновенные, ласковые глаза. «Одолжи на вечер свои ресницы? — подшучивали подружки. — Все равно их дома никто не видит!» Лена смеялась в ответ: «А вдруг самой пригодятся?»

Она записывала в своем блокнотике требования к себе:

- а) больше заниматься спортом;
- б) хорошо учиться (больше времени уделять урокам);
- в) заниматься дополнительно, брать доклады в школе;
- г) отменить перемену кружков: в один стала ходить — так ходи...

Лена занималась в танцевальном, ходила на факультативы по физике, химии, английскому языку. А еще увлекалась баскетболом, в последнее время у нее неплохо стало получаться. Нет, она не бросила ни одно из своих увлечений — просто ужесточила режим. Уроки делала рано утром, вставала в шесть часов. Ни от одной из общественных нагрузок в школе не отказалась. По-прежнему была активным членом комитета комсомола.

Трудно сказать, чем она не увлекалась. Любила с

В кого целимся!

Фото Н. Медведевой

Мнения

«...Тогда, до начала второй мировой войны, преступность среди несовершеннолетних считалась следствием скверных жилищных условий, дурного влияния плохих родителей или плохих товарищей либо еще чего-нибудь. Ребенок рассматривался в первую очередь как жертва обстоятельств, и эта теория была абсолютно приемлема, поскольку она отводила преступности ее «законное место» — среди неимущих. Преступления рождались бедностью. Прежде были «нехорошие» мальчишки, и они были детьми бедных, детьми рабочих. Но они не были порочными и злобными.

Порочные же и злые дети оказались порождением не рабочего класса, но — против всех ожиданий — средней и крупной буржуазии. Их преступность уже нельзя было объяснить нищетой и угнетением. Для них преступление стало игрой, развлечением, спортом, их преступные действия диктовались не нуждой, а извращенной жадной сильных ощущений. ...Девочки и мальчишки из «хороших» семей сплошь и рядом становились участниками действий, настолько преступных по всем юридическим нормам, настолько безнравственных, что их отцы и матери в отчаянии не могли найти этому никакого объяснения. Их детей околдовали неведомые дьявольские силы! Дом, семья не могли научить подобному!»

Филипп БОНОСКИ,
американский публицист

«Жалость — это выше нас, мудрее наших библиотек... Мать — самое уважаемое, что ни есть в жизни, самое родное — вся состоит из жалости... Тут природа распорядилась за нас. Отними-ка у нее жалость, оставь ей высшее образование, умение воспитывать, уважение... Оставь ей все, а отними жалость, и жизнь превратится в три недели во вседневный бардак. Отчего народ поднимается весь в гнев, когда на пороге враг? Оттого, что всем жалко всех: матерей, детей, родную землю. Жалко! Можете не соглашаться, только и я знаю — про святой долг и про честь, и достоинство... Но еще — в огромной мере — жалко.»

Василий ШУКШИН

мамой возиться на кухне, готовить, стирать; любила шить, кроить, вязать, вышивать. Подарки всем она делала своими руками.

Непостижимо, но и читать она умудрялась много. Любила книги по физике, математике — зачитывалась ими, как детективами. Часами они с отцом могли сидеть над сложнейшей задачей, он был для нее непрерываемым авторитетом и в математике, и в спорте.

И еще было у Лены самое сокровенное, это доверит она только своему дневнику: ей нравился ничего не подозревающий **ОН**. Он «посмотрел», «сказал». «Видела ЕГО на тренировке...» Сколько было для пятнадцатилетней девочки значения в этих словах! Закладкой в дневнике была бумажная куколка — для нее она фантазировала наряды... Это тоже сокровенное. Юность, которая не рассталась еще с детством.

Юность, немногим больше месяца не дождавшаяся своего шестнадцатилетия...

Убийство было непонятное, жестокое. Три удара ножом — в щеку и шею.

Лену убил Евгений Прохоров, учащийся ГПТУ. Они друг друга почти не знали, просто раньше учились в параллельных классах, сталкивались, как все, в коридорах одной школы.

ЖЕНЯ

Женя очень любит животных. Дома у него были и птички, и рыбки. Он никого не обижал. А как переживал, когда его собаку машина задавила...

Это он, тот же Женя, который расскажет потом на суде:

— Встал в половине восьмого, позавтракал, пошел к дому, где жила Лена, и стал ждать, когда она выйдет...

Увидев Лену, попросил у нее «Войну и мир», и, когда девушка открывала портфель, чтобы достать книгу, трижды ударил ее ножом, который накануне заточивал — готовился... Через полтора часа, в училище, его арестовали.

На суде он скажет, что Лена распространяла о нем и его любимой девочке сплетни.

— От кого вы слышали, что Лена плохо отзывалась о вас и о Тая? — спросят у Прохорова.

— Тая сказала... И ребята говорили...

— Какие ребята, кто конкретно?

— Не могу сказать.

Каждый раз звучит одна и та же фраза: «Не могу сказать». И выяснится: никаких сплетен не было. Не такой человек Лена Петрова, чтобы сплетнями заниматься.

Что же он за мальчишка, Женя Прохоров? Давайте проследим его жизнь, пока на примере школьных характеристик.

«Тихий, спокойный. С ребятами не ссорился, никого не обижал. Его трудно вывести из себя». Таким он был в самых младших классах.

И дальше все было хорошо. «К общественным поручениям относится добросовестно. Был членом трудового сектора. По своей инициативе организовывал трудовые десанты: ремонтировал парты, столы. За своих ребят мог вымыть полы в классе.»

Ближе к старшим классам: «Отличается духовной замкнутостью, малоразговорчив, ленив».

Характеристика из ГПТУ, где он учился в последнее время: «К учебе относится недобросовестно, из месяца в месяц не успевает, пропускает занятия. Начатое никогда не доводит до конца. По характеру грубый, неуравновешенный, дерзко реагирует на замечания».

И это все — об одном человеке... Так когда же спокойный, трудолюбивый мальчик преградился в законченного злодея? Может, что-то напутано в характеристиках? Увы, все верно.

Семья у Жени благополучная, на первый взгляд. В школу родители ходили, правда, время от времени, но не они одни такие. Семья обеспечена.

Он рос нормальным ребенком до школы. В школе

очень переживал, что неважно учится. В спорте тоже не все получалось: занимался одним видом — бросил, другим — тоже бросил... Появилась вспыльчивость. Отец объяснил тем, что не хватает витаминов. Пошел в аптеку — купил декамевит, на этом вопрос был исчерпан. А Женке не только витамины нужны были... Он рос, и никак не мог утвердиться среди сверстников, — ему нужны были внимание, участие, помощь!

В это самое время родители Жени Прохорова оставили сына и поехали работать за границу — на два года. На суде мать Жени скажет: «Приказали ехать, тут не до рассуждений». Хотя прекрасно известно, сколько порогов надо обить, чтобы добиться заграничной командировки для тех, у кого дети школьники. Они же уехали, оставив Женю на попечение несовершеннолетней сестры.

И вот чуть ли не каждое утро классный руководитель мальчика шла сама или посылала ребят будить Женю. За руку его вели в школу. Когда он начал пропускать занятия, школа забила тревогу. Домой к Жене постоянно ходили старшие ребята, родительский патруль, учителя. Из школы писали на предприятие, где работали родители, в горно, в Москву, в министерство — чтобы их срочно отозвали из командировки. Ответа не было.

Два года прошло. Родители вернулись. Женя каждый день стал появляться в обновке. То куртка на нем сверхмодная, то шарфик заграничный, то японский транзистор в руках... Попросил сын сто рублей — родители дали. Зачем — особенно не выясняли. Сын играл в карты на деньги, брал из дома спиртное, дважды угонял отцовскую машину — всё было можно...

На последний экзамен Женя не пришел. Классная руководительница прибежала к нему домой. Родители говорят: «Ушел в школу». Она — опять в школу, и снова домой — бегом... Отец сел на свою «Волгу» и отбыл на дачу. Мать лишь пожалала плечами.

Вещи, деньги... Деньги, вещи... Взамен необходимого общения, взамен пристального взгляда в душу сына: что там зреет, что происходит? Ведь возраст-то самый неустойчивый, самый ломкий...

Равнодушие к внутреннему миру сына со стороны родителей обернулось для их сына острым чувством одиночества.

Чем же он, Женя Прохоров, утвердится среди сверстников? Может, преодолет непреодолимые препятствия и докажет, что не такой уж он неспособный? Или всерьез займется спортом и станет чемпионом... Всё остальное уже было. Мыл за ребят пол — не уважают. Привезли родители из-за границы множество модных дорогих вещей — не уважают... Подарил отец мотороллер — завидуют, но не уважают!

Когда потребность в общении не удовлетворяется, подростки стремятся вызвать к себе интерес любимыми средствами: «Ведь значу же я что-то!» Пробовал носить с собой заточенную расческу, опасную бритву — не принимают всерьез, не признают...

И вот тут появилась Тая.

— Мне жалко было Женю, он производил впечатление какого-то заброшенного, — скажет Тая на суде.

Первая любовь — как солнечный удар. Тая была для Жени единственным человеком, на которого нацелилась вся его неизрасходованная потребность в общении, в любви, в душевном тепле, все силенки его души, истосковавшейся по человеческому вниманию, участию. Вся его нескладная жизнь, с ребячьими сомнениями и духовной неудовлетворенностью, принадлежала отныне ей, Тая.

ТАЯ

Тая Сидорова была одноклассницей Лены Петровой. На первом допросе она скажет, что Лена — прямой, честный, добрый человек, что ей легко давались успехи, а Тая, наоборот, с трудом, и Тая ей завидовала. На дру-

гих допросах и на суде, когда от нее добивались конкретного случая — где, когда Лена позволила себе говорить о Тая плохо, — Тая, краснея, покрывалась багровыми пятнами, каждый раз меняла показания. То скажет «да», то скажет «нет»... Очернить погибшую девочку?.. Но ведь ни «где», ни «когда», ни единого плохого слова, слышанного от Лены, она вспомнить не может. Сказать, что Лена не сплетница — значит, признаться, что она сама, Тая — лгунья... Тая выбирала долго, мучительно. Версия о сплетне ничем не подтверждалась.

...Какая она, Тая?

Они начали учиться в одной школе с седьмого класса. Тая была отличницей. Учителя ее уважали — за стремление хорошо учиться, за трудолюбие. Она очень старалась. Часто пересдавала материал, просила учителей спросить ее еще раз. За это ребята в классе Таю недолюбливали.

Как сильную ученицу, ее прикрепили тогда к Жене Прохорову, и она добросовестно помогала ему. Их стали часто видеть вместе, дразнили женихом и невестой... Что да, то да: Женя стал лучше учиться.

В восьмом классе Тая заново учится вместе с Леной Петровой. Про свой прежний класс скажет: «Это был плохой класс».

Новый классный руководитель предупредит ребят: — Таяе трудно сразу освоиться, будьте к ней внимательны.

Девочки народ отзывчивый и жалостливый. Лучшая подруга Лены подружилась с Таяей, познакомила ее с Леной. Таяе льстила дружба с лучшими ученицами класса. Но Лена стала как-то быстро отходить от нее: ей не нравилось Таино стремление выделиться. Да и весь класс быстро определился в отношении к новенькой: выпрашивает «пятерки», на школьные вечера приходит в ярких дорогих нарядах, в золотых украшениях... Таю и в этом классе стали недолюбливать.

Только потом, после лживых и путаных показаний Таи на суде, класс даст понять ей свою отчужденность. На уроке географии Тая отвечала нетвердо, подолгу молчала. Но вот учителя вызвали из класса, в таких случаях ребята всегда бросаются на выручку товарищу. А тут воцарилась напряженная тишина... Таяе поставили ту оценку, которую она заслужила.

...Если бы Тая поняла, какую роль сыграла она во всей этой трагической истории! Если бы до нее дошла непоправимость случившегося...

Что было до того рокового дня? Была она, Тая. И было много других. Среди них удачливая, спокойная, уравновешенная Лена. И был Женя Прохоров. Он дарил Таяе цветы, подарки. Он исполнял все ее желания.

Накануне того ужасного утра Женя признался Таяе в любви. Это было в доме Сидоровых. Таина мама спала в соседней комнате, брат ушел к себе.

Что ответить ему? Тая даже в уме не ставила слово «он», как Лена в дневнике — большими буквами: «ОН». Внимание Женьки льстило. Но сказать просто, что она не любит его? Тогда он уйдет, и не будет рядом человека, который исполнял бы ее желания. А нельзя ли так сказать — ни «да», ни «нет»? Например, не говорить, что ты сам не нравишься, а сказать туманно, что любовь его не нужна только потому, что она, Тая, вдоволь наслушалась из-за него всяких разговоров...

— Кто о тебе плохо отзывается? — жестко спросит Женя.

И Тая, Тая... Если бы ей знать, понять, осмыслить, что означает для него сейчас каждое ее слово!.. Тая промямлит невнятное:

— Да нет... Просто не хочу встречаться из-за всяких разговоров, из-за всяких Лен... Не хочу я выслушивать сплетни.— И добавила совсем бессмысленно: «Не то чтобы ты не нравился мне, но я не верю в твою любовь...»

— Так я докажу тебе, — с этими словами Женя ушел в час ночи от Сидоровых.

Утром он убил Лену.

ИХ РОДИТЕЛИ

Кто воспитал мальчишку, у которого рука с ножом поднялась на человека? Этот вопрос нестерпимой болью жег родителей Лены. Они ждали и боялись, что те придут хотя бы просить прощения за сына. Но не дождалась. Пошли сами. Хотелось посмотреть в глаза родителей убийцы их дочери.

— Когда мы пришли, — расскажет Антонина Ивановна, — мать даже не поднялась с дивана...

Старшая дочь Татьяна, укачивая ребенка, бросила: — Надо было лучше стеречь свою дочь!

Отец предложил деньги на похороны...

На суде семья Прохоровых и мать Таи Сидоровой сидели рядом. Они усмехались, подавали реплики, когда им не нравились ответы свидетелей. Они были вместе: родители убийцы и родители девочки, необдуманно толкнувшей Женю на последний, немислимый шаг. Они пришли в суд не отвечать за поступки своих детей — они хотели бы, чтобы ответил кто-то другой... И мать Таи, Кларисса Григорьевна, официантка ресторана, гневно сверкая золотыми перстнями, будет обвинять:

— Мою дочь оклеветали, затравили! Ей завидовали!.. Вот все говорят, что убили Лену Петрову, и никто не спросит, почему моя Тая вынуждена была уехать в другой город, к бабушке? А ведь город покинула комсомолка, член горкома комсомола!

В перерывах она ходила за судьей, пыталась отдать Таины почетные грамоты, возмущалась, почему из горкома никто не пришел защищать Таю. Кларисса Григорьевна преувеличивала: Тая не была членом горкома комсомола, она была лишь членом штаба старшкласников.

Мама с обожанием смотрела на Таю, которая жалко лепетала свои ответы суду, постоянно поправляя пальчиком с золотым колечком прядь волос за ушко, на котором блестела такая же золотая сережка. В коридорах областного суда мама Таи вела себя так же, как в зале ресторана...

Самое удивительное, Прохоровы и Сидоровы искренне не понимали, не хотели понять, что они сами прежде всего причастны к убийству Лены Петровой. Они вели себя так, будто пострадали Тая и Евгений... Обе семьи с ненавистью смотрели на родителей Лены — их они считали виновниками своего родительского бессилия, своего позора. Ведь до сих пор им думалось, что все окружающие завидовали им: в их семьях — полный достаток!..

Три семьи прошли через этот судебный процесс. Три хорошо обеспеченных горняцких семьи. Только ли материальное благополучие завело в нравственный тупик Прохоровых и Сидоровых? Семья Петровых тоже имеет многое из того, чем так горды родители Жени и Таи. И все же их разделяет целая пропасть. В семье Петровых духовное родство оставалось главной ценностью. Антонина Ивановна, до самозабвения любящая свою семью, своих детей, ни разу в жизни не оставила их одних даже на месяц, была всегда примером для них. Работая машинистом по подъему руды в шахте, она успевала активно участвовать в работе родительского комитета, ее неоднократно избирали народным заседателем. Лену тоже баловали родители, покупали дорогие вещи; но при этом ее научили видеть истинную ценность подарка: его надо было заработать родителям, его надо было заработать детям — своим поведением и хорошей учебой; его дарили с любовью и душой, а не с этикеткой и ценником...

А Прохоровы и Сидоровы могут назвать только вещи. Деньги, вещи, золото...

Годами работал на Крайнем Севере отец Таи. Круглые суммы, высылаемые семье, он считал вкладом в воспитание детей. И «заботливая» мама увещивала Таю, как новогоднюю елку, золотыми побрякушками еще в младших классах. Ей казалось, что она этим возвышает своего ребенка...

— Такое впечатление, что и пятерки нужны были не

столько Тае, сколько ее маме, — скажут учителя на суде. Да, Таины пятерки Клариссе Григорьевне нужны были, чтобы демонстрировать свое превосходство: вот мы, какие.

Отец Евгения, Владимир Александрович, — хороший специалист. Будучи уже взрослым, он закончил ЦРМ, поступил в горный институт. Его избрали членом группы народного контроля, приняли в партию, потом он стал председателем группы. Он толково выступал, делал верные замечания. И никто не обратил внимания, как со временем непомерное честолюбие захлестнуло человека. Решив, что высшее образование ни к чему, он ушел из института, отправился в заграничную командировку. Оттуда приехал еще более самоуверенным. Теперь у Владимира Александровича была своя «Волга», солидный счет в сберкассе, множество дорогих вещей — чувство превосходства достигло огромных масштабов. Но ему казалось, что его обкрадывают, что он получает слишком мало — всего триста восемьдесят рублей... За рвачество, за поведение, не совместимое со званием коммуниста, его решили исключить из партии. На партсобрании и заседании парткома он вел себя нагло. Но потом вдруг раскаялся, признал ошибки, и ему поверили — оставили в рядах партии.

И вот, когда его сын убил человека, отец снова обвиняет других. Он не привык, чтобы спрашивали с него, он привык сам требовать — признания, зарплаты, исключительного положения, благ жизни...

Какую же страшную услугу оказали эти родители своим детям! Евгений Прохоров осужден за убийство на десять лет (в момент совершения преступления ему не исполнилось восемнадцать). Отвернулись сверстники от Таи Сидоровой — ей пришлось уехать из города.

Родители заполнили жизнь своих детей красивыми вещами, и дети приняли только это наследство. Особенно не размышляя, они привыкли ценить то, что блестит. Доброе имя, порядочность, честь, просто честность — для них стали пустыми словами.

Мы часто порицаем мещанство. Мы выводим его абстрактную формулу: ее величество ВЕЩЬ поработила человека. Называем так много признаков мещанства, что и само существо его постепенно стирается, кажется безобидным. Мещанство не любит обнажать свое истинное, глубинное нутро. Но вот происходит взрыв — и человек, нечаянно заглянувший в душу мещанина, содрогнется: там одна пустота.

Попробуй назови Прохоровых или Сидоровых мещанами. Они страшно возмутятся: благосостояние в нашем обществе, скажут они, не порицается, мы для своих детей ничего не жалеем!..

Верно, не жалеют. Делятся с ними всем, что имеют сами, что хотели бы иметь. А иметь они хотят очень многое — вещи, красивую, на зависть другим, жизнь. Даже если и говорят о благородных идеалах, слова не доходят до дочки или сына: на деле родители доказывают совсем другое.

Произошло невероятное: ценность вещей и ценность человеческой жизни по своей значимости уравнились. Сказала Тая, что не хочет «встречаться из-за всяких Лен» — значит, надо эту причину устранить. И — убил. Как же надо атрофировать в пареньке всё человеческое? Как удалось убить в нем душу?..

Выросло два юных обывателя. В их маленьких незрелых сердцах успел поселиться только холод, только зависть к истинно человеческому, только злоба и стремление выделиться и утвердиться любой ценой. Добрые намерения обращены лишь к себе, лишь для себя.

Что для них чужая боль? Чужая...

Они привыкли ценить только свое, свое собственное.

Мнения

«Прошло три десятилетия, и мы пожинаем плоды безответства. Социологи бьют тревогу: число разводов чрезвычайно велико, молодые отбыв, оставив семьи, новыми не желают обзаводиться, предпочитают бобыльство семейным узам. Стремление освободить себя от обязанностей отца и главы семьи — это исток всякой безответственности. Нельзя думать, что мужчина, отказавшийся от воспитания своего ребенка, может быть хозяином на производстве, сознательным общественником или, как теперь говорят, социально активной личностью. Нет, он становится потребителем и эгоистом высшей марки. А его сын, вырастая без отца, какие уроки отцовства может усвоить он?»

В те, послевоенные годы мы, учителя-мужчины, старались хоть как-то, хоть чем-то заменить своим ученикам павших на войне отцов — учили мальчишек быть мужчинами.

Теперь же и из школы ушел мужчина — и тут себя высвободил.»

Иван ВАСИЛЬЕВ,
советский публицист

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Антон Семенович Макаренко написал однажды: «Если вы желаете родить гражданина и обойтись без родительской ласки — то будьте добры, предупредите общество о том, что вы желаете сделать такую гадость».

Какую меру добра, какую дозу зла маленький человек получает в семье — с такой мерой и дозой он выйдет в мир. Есть исключения из правила, но это — правило. Добру учат или не учат, прежде всего, самые близкие к ребенку.

Наши бойцы в войну не проявляли жестокости. «Патриотизм начинается из любви к человеку» — это не фраза. Можно приводить бесчисленное множество примеров, но пусть доказательством будет один маленький факт, его сообщила на встрече с ребятами 12-й школы города Пскова скромный человек, тетя Настя Бульчева, уборщица, рассказавшая о том, как под Кенигсбергом в их части два месяца кормили двух немецких детей-сирот...

Мужество — это не только готовность пойти в огонь или броситься в речку, спасая погибающих. Мужество — это и великодушие (известно, что по-настоящему сильные люди всегда добры), мужество — это и умение противостоят дураному. Именно так воспитывается характер.

Нет статьи в Уголовном кодексе, наказующей за жестокость, проявленную к бессловесным животным. Но нет ее и для потрошителей телефонов-автоматов, хотя это бедствие стало поистине общественным и вышло за рамки даже мелкого хулиганства.

Но есть законы нравственные. Подросток, убивающий кошку, убивает в себе человека, убивает наши гуманные принципы. Что же говорить о тех, у кого рука поднимается на сверстника, на другого человека?

Жестокость — черта не детская. Никогда она не проявится у ребенка сразу — в большом, крупном проступке.

...Вот он идет, малыш. Широко распахнутые глаза, в них читается только одно: «Я хочу быть хорошим». Как важно поддержать в нем это желание, вовремя заметить микроб жестокости и не дать ему развиваться, как опасно в первый же раз оправдать ребенка из-за слепой родительской любви, как нужно нам всем, чтобы вырос из него человек с добрым и щедрым сердцем, теплым сердцем...

РЕДАКТОР ОТДЕЛА

ВОСПИТАЙ СЕБЯ

Борис
РЯБИНИН

ВСЕГДА ЛИ РОДИТЕЛИ ПРАВЫ?

«Почему мама не хочет мне купить щенка? Может быть, из-за того, что он дорого стоит, а стоит он не менее 30—50 рублей. А может, из-за того, что я буду плохо учиться (хотя я давала обещание, что не скачусь на «3»). Или из-за того, что не хочет, чтобы я имела четвероногого друга. ПОЧЕМУ, ПОЧЕМУ! Я НЕ МОГУ БЕЗ ЧЕТВЕРОНОГИХ ДРУЗЕЙ, Я ЛЮБЛЮ ИХ!!! МНЕ ОБИДНО!!! ОЧЕНЬ!!! ПОМОГИТЕ МНЕ! Уговорите маму, я Вас очень, очень, очень прошу!!! Если сможете, приезжайте к нам поговорить с ней! Я буду ждать! Я вас прошу! УГОВОРИТЕ!!!!!!!»

«Я еще очень давно хотел завести собаку, но мне родители не разрешили. Тогда я решил, что, когда пойду в школу, буду изо всех сил стараться учиться хорошо, чтобы они разрешили. 1-й и 2-й классы я окончил на одни пятерки и получил похвальные грамоты, но собаки все не было. В 3-м классе я решил, что они никогда не подарят мне щенка, и окончил на «4». Мама забеспокоилась, как бы я совсем не съехал, и пообещала принести котенка. 4-й класс я опять окончил на одни «5», но котенка не было. Когда я спросил про котенка, мама ответила, что не может его завести из-за соседней. Нам было никак не обменяться, и папа (видимо, потерявший на это надежду) пообещал мне подарить щенка, как только мы получим квартиру. Но мне от этого было не легче, потому что вариантов по обмену не было. И вдруг, когда я летом вернулся из лагеря и собирался поступать в 5-й класс, нам предложили обмен, и мы поехали. Я поехал только из-за щенка, потому что в старой квартире мы прожили 8 лет и ко всему привыкли. К тому же не хотелось расставаться со своей школой. Думалось, пусть у меня не будет ничего, но будет верный маленький друг, о котором я так давно мечтал. И вот я в новой квартире, а обещанной собаки нет, и мне до слез обидно, что меня уже в который раз так обманули».

«Мои родители говорят, что любят животных, но я еще ни разу не убедился в этом...» «Когда я вижу счастливого человека, у которого есть собака, у меня прямо слезы из глаз текут. Почему мне не разрешают держать собаку!!»

Жанна Стародум и Марина Астафьева (обе из Новосибирска), Таня Хайкова (Новокузнецк), Таня Чаплинская (Томск), Саша Васильев (Ленинград), Саша Роев (Омск), Ирина Сидчихина (Курган), Алексей Стешинский (Воронеж) и все остальные, не сговариваясь, пишут об одном — о своей обиде на родителей.

А помните, как Малыш («Малыш и Карлсон»), томимый чувством одиночества в доме, страдал без друга, оттого, что ему не с кем поиграть, доверить свои тайны... Но ему повезло — к нему явился добряк и толстяк Карлсон, который живет на крыше. Малыш тоже мечтал о собаке...

Окончание. Начало см. в № 1, 1983 год.

Не хотим сказать, что все прихоти ребячьи нужно исполнять (нет, нет, если не хотите, чтоб вырос эгоист и себялюбец). Безусловно, у родителей могут быть свои соображения, которые удерживают их от приобретения животного, но надо это объяснить детям, чтоб те поняли и согласились со старшими; разумеется, совсем не обязательно, чтобы в каждой семье была собака; и все-таки, может, следует задуматься, почему старшие порой так невнимательны к просьбам и желаниям младших, всегда ли они правы?

Во всех описанных случаях я — на стороне подростков. Почему? Потому, что родители действовали не логично, иногда противоречиво, вразнобой друг с другом. Один разрешает, другой не разрешает; отец говорит — давай, чем плохо-то, мать — «только через мой труп», да зачем это нужно, одно беспокойство, только грязь разводиться.. Или: когда сын был еще в первом классе, пообещали исполнить его просьбу, сын ждет, он живет этой мечтой, хорошо учится, старается, вот уже появилась и отдельная квартира, и вдруг оказывается все напрасно, его обманули... Плохо! Так не поступают, слово надо держать. А ведь разочарование — опасная вещь, так можно и потерять уважение ребенка, подросток начинает грубить, отбивается от рук. Грубость и обман всегда рождают ответные нехорошие чувства и поступки.

А какая безнадежность и боль звучат в иных письмах.

«Была Джуля — прелестная собачка. Сейчас ее нет... Вернее — для нас нет. Бабушка отдала ее в дальний поселок, как будто это вещь. После этого я перестала любить свою бабушку.

P. S. Бабушка сказала что большая собака — это теленок. А я сказала, что еще неизвестно, кто теленок. Я не хотела бабушку обижать, но и про собак так говорить нельзя!»

«...У меня была собака. Породы болонка. Она прожила половину года. На лето меня с братом отправили в деревню. Нэську отдали. Я обошла всех знакомых, но его не нашла. Думала, прибежит. Но его нет. Зачем отдали мою собаку!

Писать не могу, из глаз слезы катятся. Раньше делала уроки с удовольствием, а потом шла гулять с Нэской. Сейчас неохота ничего делать. Когда я узнала, что Нэська нет, то я долго плакала. За лето я потеряла много зрения. Мама говорит, что это от расстройства, много плачу...» Что же, могу только посочувствовать тебе, Снежана Киселева из Томска.

А бывает и еще хуже. Вот как, к примеру, распорядилась одна мама из села Каменки Апостоловского района Днепропетровской области. Ей надоел пес Джульбарс, проживший у них восемь лет. Она решила заменить его щенком. Пишет сын-школьник:

«А куда же Джульбарса?» — спрашиваю я ее. — «Убить», — отвечает она с таким хладнокровием, как будто речь идет не о собаке, а о какой-то безделушке. Как человек может быть таким жестоким?» — недоумевает сын.

Марине Никулиной из Приморья, чтоб напразить ее мысли в другую сторону, родители порешили поднести, как она пишет, памятный подарок. «Мама спрашивает: «Или золотые серьги или часы хорошие?» А я хочу щенка колли». Зачем портить девочку, приучать к дорогим безделушкам? Серьги вместо щенка... Мама, очевидно, считает, что так будет лучше. Рокоевое заблуждение.

Не лучшим образом поступает и папа Нади Токаревой из города Горького. В отсутствие дочери он выгоняет Казбек на улицу. «В это время дома никого не было. Бабуля ушла на собрание, а я — в библиотеку. Вот он его и выгнал». Надя нашла пса и привела обратно, но радость была непродолжительна. «Когда я уснула, папка опять выгнал его. Утром в 6 часов меня разбудила бабушка: «Опять твоего Казбека нет. Иди ищи». Я опять привела его, в 9 часов покормила, а когда ушла в школу, отец вновь выгнал». Так повторялось несколько раз, пока Казбек не потерялся. Зачем так делать? Взят —

держи. Вот так, между прочим, и погребается племя бездомных собак. В итоге страдают и люди, и животные.

Не нужно стало животное — передай в другие руки, но не калечь психику ребенка, не роняй себя в его глаза. (Иногда приходится идти на крайние меры, но это уж действительно крайние, к ним прибегают в исключительных случаях.)

Таким несчастным, как Казбек, посвящает свои стихи свердловчанка Т. Слюсарева: «Новая квартира». Стихи — какие уж получились, сочинял любитель, не профессиональный поэт, но по мысли, мы считаем, совершенно правильные.

В новую квартиру
Въехали втроем:
Папа, мама, дочка
И четвертый — Бом.

Бом — мохнатый песик,
От роду лишь год.
Любит Бом папа,
Мама — наоборот:

«Бом оставил следя,
Бом — мохнатый пес,
Бом на всех сиденьях
Оставляет шерсть».

Папа заступился:
«Просто он — малыш,
Бому не сидится,
Он у нас крепьш!»

Бом в ответ пролаял,
Провизжал — и лег
Прямо у порога,
У хозяйских ног.

Мама закричала:
«Вон из дома, пес!
Кто такую гадость
В комнату принес?!»

Новая квартира,
Новые цветы,
Новые гардины,
Новые ковры...

Радует папа,
Радует мать,
Только крошку Бом
Некуда девать.

Здесь хочется напомнить уважаемым взрослым: нравственность всегда выверяется на отношении к слабому. «Сильные всегда добрые», — говорил Горький.

А ведь каждый родитель хочет (исключения не в счет), чтобы его наследник вырос добрым, сердечным, не бесчувственным жадина и эгоистом. Ученые-психологи убеждены: животное (правильно содержащееся, с соблюдением всех требуемых норм) помогает формировать здоровую психику у ребенка. Через собаку, щенка, котенка малыш открывает для себя целый мир и учится понимать чужую боль, страдания и радость, окружающая действительность для него — прекраснее, богаче, шире.

Вы хотите иногда подавить чувство любви к живому, принуждаете отказаться от него. А надобно знать, что это чувство нередко сильнее нас. И оно необходимо, поймите, необходимо в наш стремительный и все убишающийся урбанистический век. Необходимо вам, мне, всем!

Животное — часть той великой книги, которая зовется жизнью.

СЛОВО ПРОХОЖЕМУ

«Началось это давно. Тогда мы жили в деревянном домике по улице Луначарского. Мне без конца снились собаки, самой лучшей игрушкой для меня была собака. Собак я шила, лепила из пластилина и многие игрушки называла собаками. Но, любя собак, я все же боялась их...

Как-то мы с папой возвращались домой. Тропинка была узенькая, а впереди нас бежала большая рыжая собака. Я испугалась, а папа успокоил меня и предложил мне ее погладить. Гладить я не стала, а руку протянула. Собака прикоснулась к моей руке и потом побежала дальше».

Добрый, умный папа. Так и надобно поступать, а не шарахаться из стороны в сторону, как, к сожалению, делают иные из наших сограждан, заведя собаку, и не кричать: «Ай, собака, укусит, укусит! Кыш, проклятая!»

К сожалению, чаще животнотобой страдают мамы. Особенно плохо, когда мама сразу начинает давить на психику малыша: «Не подходи, не подходи! А вдруг она бешеная!»

Разумеется, не каждую незнакомую собаку надо гладить; есть такие, которые не терпят фамильярности, не подпускают незнакомых людей, — особенно, если ее уже обижали не раз; но безусловно хорошо, когда папа при встрече с четвероногим старается внушить отпрыску добрые чувства.

Замечено: как правило, собаки кусают тех, кто их боится. Не терпят трусов. Чуть зачуяла — сразу хватя. «Нормальное», здоровое отношение — и собака ведет себя нормально.

На улице, когда проходит человек с собакой, я сразу вижу по поведению прохожих, кто таков и как относится к бессловесным.

По утрам, выходя с пуделем Бляжкой на прогулку, мы часто встречаемся с двумя пожилыми дворничихами, подметающими улицу и двор. Две простые работающие женщины, заведя пуделя, еще издали приветствуют его появление возгласами: «А, Бляжка, как живешь? А ну, давай поздороваемся, давай лапу!» По-другому держится старшая двора, председательница домового совета, дама с явно завышенными претензиями: только увидит жильца с собакой — начинает страдать разными карами, штрафом. За что?! Бляжа ведет себя идеально.

Поощряемые подобными людьми, некоторые недруги живого начинают творить всякие беззакония. Только этим можно объяснить то, о чем пишет Таня Воляева, жительница Новосибирска:

«Я живу в Кировском районе. У нас за домами есть поляна, но не лесная, а просто посажено много деревьев, вот тебе и поляна. Этой весной у нас на поляне было задушено три взрослых собаки, убито четыре щенка, всего семь мертвых собак.

Раз я шла из школы и увидела такую небольшую рыженькую собачку. Передние лапы кривые, как у таксы, задние нормальные, туловище немного длинное, головка большая, и уши стоят. Понравился мне песик. Я его стала звать, просто придумала имя — и все. «Лапчик, Лапчик!»

Но Лапчик нас боялся. Со мной был еще мой друг Витя. Я сказала Вите: «Стоять тут!», а сама пошла к Лапчику. «Лапчик, Лапчик!» Он подошел ко мне, я стала его гладить, а потом сказала Вите: «Подходи к нам тихо, без резких движений, а то он испугается и убежит». Витя стал подходить, а я тем временем стала брать Лапчика на руки, взяла — ничего, не кусается. Расстегнула куртку и накрыла ею Лапчика. А Витя дал свою куртку, я завернула в нее Лапчика и понесла в подъезд. Потом пришла мама и сказала, что-

бы я убрала собаку из подъезда. Делать нечего, взяла я Лапчика и положила возле сарая на соломе. Утром я пошла в школу, вдруг вижу: Лапчика на месте нет. Когда я пришла из школы и спросила у подружки Светы, не видела ли она рыжую собачку, ноги передние кривые, а голова большая, она сказала: «Я видела ее сегодня утром, она побежала на поляну». Я пошла туда и стала звать: «Лапчик, Лапчик!» И тут я увидела его мертвого. Я стояла и плакала. Мне было очень жалко Лапчика... ЖАЛКО! Мы не знаем, кто убивает собак, но скажите: как можно узнать, кто их убивает и за что!»

Добрая девочка, мне понятны твои чувства. Ради справедливости вынужден заметить: как ни жаль, но в подъезде действительно собак держать не полагается, мама была права. Однако сейчас не о том. Отвратительно, когда на виду у всех творится безнаказанно жестокость и бессердечие.

После вызнали: избивали собак и щенят какие-то парни-проходимцы. Избрав поляну местом своих недостойных развлечений и забав, ревясь на приволье, они приканчивали животных камнями, душили проволочными удавками. Мерзость!

Прогулка — и тут же убийство...

О диком случае сообщила пенсионерка Немирова (Свердловск). В их доме на Посадской живут двое, как она пишет, здоровенных мужчин, оба отцы семейств. Им не по нраву пришлась собака. «Когда-то щенком ее прикормили дети, а теперь это солидный пес, и он является как бы общим, все его ласкают, подкармливают, и всем он отвечает своей собачьей преданностью. Его несколько раз отводили к другим хозяевам [он хороший сторож], но он всегда убежал и снова появлялся у нас...» И вот эти двое «решили эту собаку избить за то, что она якобы своим лаем не дает покоя...» (Свидетельство соседей: не любя животных, эта пара при встрече каждый раз осыпала ее проклятиями; такую же реакцию вызывал у них всякий встретившийся на улице пес, прогуливающийся со своим хозяином). «И в ноябрьские праздники они осуществили свой замысел: так избili собаку, что она еле дышала, долго болела. 18/XI один из них, из кв. 198 [Саша], повторил этот прием, избил днем собаку на глазах детей». За несчастную животину пытались заступиться соседи, но все было тщетно. «Гр-н Саша ничего не хотел признавать, да и не мог, так как был под градусом, и облил грязью, руганью, нецензурными, вульгарными словами женщину».

«Как же они будут воспитывать своих подрастающих детей? В духе чего?» — спрашивает Немирова. Самое удивительное, что у одного из истязателей дома есть своя собака. Не завидую ей.

Кто сквозь пальцы смотрит на подобные выходы, потакает таким людям, тот потакает преступности.

После этого что требовать от ловцов, обязанность которых отлавливать уличных собак, бегающих без присмотра. На ловцов особенно много жалоб: потеряли человеческое лицо.

«У нас жила собака Найда. Она нас очень любила. И ее все, все любили. Она прожила у нас целый год. Весной она оценилась. Щенят было пятеро. Один беленький, другой коричневый, двое черных и один серый. Двух щенков забрали соседи. Белого забрал мальчик. У нас осталось двое, черный и коричневый. Однажды мы вышли с девочками на улицу и увидели, что собаколовы ловят Найду. Щенята были у них. Мы стали плакать и просить, чтобы они отпустили Найду и щенят. Но они не послушались и уехали. Как вы думаете, правильно ли они сделали? Мы ухаживали за Найдой, а они продали. Нам ее так жалко! Лана и Оксана Ершовой, 2-б класс, г. Черепаново Новосибирской обл.»

Неправильно, неправильно, девочки. Если Найда была с вами, они вообще не имели права ее ловить. Ловят только беспризорных, оставленных хозяевами.

Ну и еще один пример проявления недомыслия и бесчувственности. Эту заметку «Друг, да не всегда» вместе с камышловской городской газетой прислала мне жительница Камышлова, школьница Марина Долгова. Заметка была опубликована в порядке отклика на письмо Л. Полевой, в котором ставился вопрос о нашем отношении к хлебу насущному, и в ней говорилось:

«В своем письме Л. Полевая возмущается, что некоторые граждане кормят скот хлебом, купленным в магазинах по государственной цене, а мясо продают втридорога. Согласен — негоже. Но еще хуже, когда хлеб травят собакам.

За последние годы видишь, как некоторые любители животных чрезмерно увлеклись четвероногими друзьями. В нашем восьмиквартирном доме, каких в Камышлове много, одни соседи держат двух собак, другие — трех. У последних — здоровенный бульдог, которому, кроме килограмма хлеба в день, требуется еще и мясо. Если бы его покупали по цене колхозного рынка, то владельцы вряд ли согласились бы содержать такого зверя...»

Уточним: бульдогов у нас в стране вообще нет, мы их не разводим, очевидно, речь идет о боксере. К Федотовских, автору заметки, очевидно, это неизвестно. Боксер — собака служебной породы, издавна используемая в уголовном розыске для следовой работы. А «три собаки» могут быть просто сукой со щенками, но сейчас — о другом.

Тов. Федотовских считает собаку не нужной в городе, отсюда его возмущение. Не знаю товарища Федотовских в лицо, никогда не встречался с ним, но, думаю, не ошибусь, если скажу, что он тоже из числа «пешеходов»: когда-то на него гавкнула из подворотни какая-нибудь шавка — он запомнил...

Его беспокоит, что собаки едят много мяса. Да, едят. Только не мясо, а субпродукты. Что же касается чистого, натурального мяса, потребляемого в пищу людьми... Мой пудель Блякки-Блям (он же Блякка) дожил до преклонного возраста, но ему ни разу за всю его жизнь не покупали мяса, слышите, товарищ Федотовских, ни разу! — питается исключительно за счет остатков со стола, и, представьте, живехонек, как говорится, дай бог каждому. Рыбу, дешезую, морскую, да, покупали.

А если бы даже и мясо? Не будем говорить о том, что собака помогает нам сохранить связь с живой природой, что она — воспитатель человека. Напомню о другом:

а сотни немецких танков, взорванных собаками ценой собственной гибели в самый тяжелый период войны, когда фашистские полчища были под Москвой и Ленинградом;

а тысячи тяжелораненых советских солдат и офицеров, вывезенных санитарно-эзовыми упряжками из-под огня противника и, таким образом, спасенных от смерти;

а десятки миллионов мин, заложенных врагом, найденных и обезвреженных нашими четвероногими бойцами-разминерами...

И ведь это были все собаки, взятые из города.

Хочу задать тов. Федотовских вопрос: а почему в войну собакам в тылу выдавали паек — 18 килограммов крупы в месяц? Хлеба и вообще продуктов питания тогда было нелишка, все люди сидели на пайке, независимо от возраста, рода деятельности.

Собака служит верой-правдой и сейчас, в мирное время. На границе. На охране государственных объектов особой важности. В уголовном розыске. На таможенных пунктах...

Да поклониться надо собаке земным поклоном за ее верную службу!

Нет, товарищ Федотовских, так расценивать нашего вековечного друга и помощника, как это делаете вы, так относиться к нему — нельзя. Стыдно. Собака — уникальное существо, так и только так следует относиться к ней.

Есть старое-престарое изречение: «Против кого бы ни грешил человек, он грешит против себя».

ДЕЛО ЗА ВАМИ, МОИ ЮНЫЕ ДРУЗЬЯ

И снова вопросы...

«Меня зовут Ира, мне 14 лет. Я хочу приобрести собаку породы ротвейлер, кобеля. Это обдуманное с обеих сторон поступок. И в смысле содержания, и в смысле воспитания. У нас двухкомнатная квартира. Учусь я хорошо, без троек. Но вся проблема в том, что в нашем городе нет клуба служебного собаководства. Если приобрести весеннего щенка, то я могла бы все лето заниматься в КЮСе в Костроме. [КЮС — клуб юных собаководов. — Б. Р.]. Но щенка-то надо приобрести! А сделать это я хочу именно через клуб [через любой!], а для этого надо стать его членом! Ехать за щенком я готова хоть на край света, в любой город. Но прошу принять во внимание маленькую просьбу: желательно приобрести щенка этой весной и в возрасте 1-го месяца...

С уважением Кравченко Ирина,
г. Мурманск».

«Это письмо я хотела давно написать, но не знала, на какой адрес писать... Дело в том, что, кроме собак, я ничем не могу увлечься и свою будущую работу представляю только возле них. Сейчас я учусь на Свердловском камвольном комбинате, в ТУ-10, но очень хочу и надеюсь, что когда-нибудь я устроюсь и буду работать с собаками. Я сама не могу понять, что у меня за любовь такая к ним, но вы, конечно, должны меня понять. В доме у нас, несмотря на то, что нас шестерых воспитывала одна мама, всегда жили одна-две собаки. Я даже представить не могу, как это некоторые люди пренебрегают собаками. Они никогда не испытывали той радости, которую может принести щенок, сколько всяких приключений, и смешных и грустных, может доставить собака...

Нина Набокова».

«Здравствуй, книжное издательство! Пишет Вам Владимир Агапов, ученик 9-го класса. У меня была собака Джек, но его задавила машина. Я нашел себе другую собаку, она бегала в лесу и пристала ко мне, я ее взял, назвал — Находка. Потом она оценилась и я оставил 5 щенков. Потом отдал четырех, а одного оставил себе. 1) Правда ли, что самый маленький щенок вырастает всех больше? 2) Какой породы моя собака? У нее уши висят, губы тоже, сама тонкая, когда сидит, длинные когти. 3) У щенков, которых я отдал, почему-то уши растут маленькие, а у моего — большие. 4) Есть ли какие признаки собак, когда выбираешь? У нас выбирают так, чтоб было 9 десен на небе, два последних раздвоены [рваные] и небо черное. Чтобы на голове была шишка. 5) И еще. Щенки рождаются, на задних лапах у них есть лишние пальцы или култышки с когтями. Бывает по одной, а бывает и по две на каждой ноге. А бывает и совсем нет. Как лучше? 6) И есть ли еще какие признаки хорошей собаки... Напишите, пожалуйста, ответы на все вопросы. Или вышлите книгу по дрессировке и обучению щенка и где можно узнать все ответы. Мой адрес: Омская область, Буковский р-н, с. Фирстово».

«Прошу ответить на один вопрос: 1) Как можно сделать, чтобы собака ночью не лаяла, когда проходят прохожие, а она лежит у двери? А если вы не ответите, то папа не разрешит держать собаку, потому что, когда он спит, а собака залает, он просыпается и не может потом уснуть. Пожалуйста, ответьте на этот вопрос.

Олег Богданов,
г. Нижневартовск».

Начну по порядку. По-моему, в Мурманске есть клуб, разужай как следует, Ирина. Насчет любви к собакам — я уж говорил, это сильная страсть, и она ничуть не удивляет меня. Надо чтобы эта страсть была на пользу людям и животным. Определить породу собаки, не видя ее, весьма затруднительно. Обычно щенка выбирают самого резвого и энергичного. Шишка на голове есть у всех собак; говорят, это признак ума, насколько верно, судить не берусь. А все остальные признаки хорошей собаки, о которых толкует Володя Агапов, все это ерунда, досужие рассказы слишком много знающих людей. В связи с этим я скажу: нет плохих или хороших собак, есть плохие хозяева...

Действительно, у щенков бывают так называемые прибылые пальцы, обычно их удаляют, иначе они будут мешать собаке при беге. Собака лежит у двери и лает по ночам? Естественно, если там все время ходят, она слышит и лает. Перенести ее место, и делу конец. Поэтому-то не надо содержать собак на балконах, лоджиях: будет лаять, и не будет покоя ни хозяевам, ни соседям. И, конечно, неприятности обеспечены. Так часто и бывает.

Злая ли болонка и хорошо ли она поддается дрессировке, спрашивает Таня Живоглядова из Алма-Аты. Ее интересует: сколько лет живут болонки? Чем хороша болонка? Сколько раз в день она ест? Болонки злопамятны? «Я хочу еще спросить: у собак хорошая, долгая память? Вот, например. Живет собака у одного хозяина, она его любит, и он ее любит. Но вот пришлось собаку отдать другому. Для собаки началась другая жизнь. Хозяин ее любит. Любит ли собака его? После того, как ее отдали, прошло 5—6 лет. Помнит ли она прежнего хозяина? Тоскует? Вспоминает? Не задерживайтесь с ответом».

Не задерживаюсь, любознательная Таня. Наверное, ты уже знаешь, что собачий век (увы, увы!) намного короче человеческого. Для крупной собаки 12—14 лет — уже глубокая старость; мелкие породы — болонки, пуделя, фоксы — живут дольше. Все собаки злопамятны и не прощают обид. Впрочем, это относится ко всем животным, собака в этом отношении проявляет даже поразительную долготерпимость, словом, обижать ее не надо. Все собаки долго помнят хозяина, иногда всю жизнь; перемена дома для нее великое горе, несчастье, которое она носит до конца жизни.

Режим у болонки такой же, как у всех: кормить (взрослую) два раза, выгуливать — три раза в сутки. (В скобках замечу: все это надо знать еще до того, как возьмешь собаку, подготовиться заранее).

Вдруг подумалось: почему Таня допытывалась насчет памяти у собак? Называла срок: 5—6 лет. Не постигла ли ее собака такая участь — отдали против ее воли, а теперь Таня надеется вернуть. Что ж, удачи тебе. Отбрось всякие сомнения. Помнит тебя пес, помнит. И никогда не забудет. Не сомневайся. Перечитай рассказ «Хобо» Джека Лондона.

Радости-то сколько будет, если так случится, радости у обоих... представить только!

Саша Семенов с Сахалина хочет знать, как научить пса спасать тонущего человека — или у него инстинкт и учить не требуется? Инстинкт, безусловно, есть, ты не ошибаешься, однако обучить не помешает. Саша выучил уже kota трем командам. Ну, что же, кошки тоже поддаются дрессировке, но спасателей на водах, конечно, из них не получается. У Марины Сдежневой (Волгоград) карликовый пинчер слишком располнел. Поменьше мучного, жирного, побольше овощей и — двигаться, гулять (как у людей). А у Лены Поддубной из города Ленинска-Кузнецкого (Кемеровская область) такие заботы: ее Рикки (болонка) приходит с улицы грязный — как быть? Вымоет — он дрожит, и она завертывает его в тряпку. Может быть, растереть его, чтобы не простудился? Друга советует купить для него плащ, есть-де в продаже такие наборы. «Но я думаю, — пишет Лена, — что никакого плаща ему не надо, а гулять надо при любой погоде». Правильно, Лена. Собака не должна быть изнеженной,

это самая надежная защита от всех болезней, говорил и скажу еще раз. (К сожалению, это не все понимают. Кушают, шьют разные попоночки, а потом удивляются, откуда у собаки воспаление легких. Кстати, раньше собаки почти не болели этими болезнями.) Ну а мыть, конечно, придется, тут уж ничего не поделаешь. Хуже всего, когда собаку носят на руках, как муфту или какую-то безделу. Видеть этого не могу.

Вопросы, вопросы... И чем отличается сенбернар от московской сторожевой (признаться, не вижу особой разницы, ведь в крови у московской сторожевой — сенбернар); какая разница между прогулкой и выгуливанием (прогулка дольше, свободнее, выгуливание — по необходимости, чтоб удовлетворить естественные потребности, дабы не случилось неприятности дома); и что делать, если собака знает, что делает неправильно, а все-таки делает (пристыдите ее, да, да, поговорите, как следует, собака вас поймет и постарается больше не навлекать на себя недовольство хозяина; не случайно старые собаководы всегда советовали побольше разговаривать с собакой. Замечали, как она внимательно слушает вас? Меньше всего полагайтесь на битье; потому-то я всем говорю — не нужна плетка)...

Все будет прекрасно, если собака вежлива (так называли в старину хорошо воспитанную, послушную собаку). Тогда от нее никаких неприятностей окружающим. Запомните это.

«Пришлите мне щенка, — пишет Стасик Мокринский. — Шотландскую овчарку или сенбернара. Можно даже и не щенка, а уже взрослого пса. Деньги я вам вышлю. Или приезжайте в гости ко мне в Омск вместе с собакой. Мы с вами поедем на собачий базар. Там собаки всех пород...» (Дальше, правда, Стасик пишет, что таких, каких ему надо, благородных, там нет, но он, в общем, готов взять любую, лишь бы понравилась).

Конечно, держать можно любую собаку. Но если ты хочешь породистую с родословной, на базаре не покупай — рискуешь, что тебя обманут. Любителей до жуликов хватает и в наши дни. Помнишь, еще Швейк промышлял перепродажей бродяжек. Поймает, сочинит им «благородное» происхождение, и — гони денежки, наивный доверчивый покупатель. Вообще «собачье дело» не такое простое, каким, быть может, кажется со стороны.

Однако вот что я должен сказать вам Ани, Пети, Оли, Наташи, Вани, Инны, Лены, Олеги, Викторы, Андреи...

На все письма, наверное, все равно не ответить, как ни старайся и какие способы ни измышляй. Их — писем — слишком много. Но вы никогда не задумывались, какой труд заставляете проделать того, от кого ждете ответа, «как соловей лета»?

Похвально, что вы любознательны и хотите знать как можно больше. Любознательность — важное человеческое качество, оно двигает разум, помогает человеку стать человеком. Но почему вы за каждым пустяком спешите обратиться «к дяде»? Нет чтоб чуточку подумать, раскинуть умом, дойти самому. Ведь чуть ли не все, что вас интересует, о чем вы спрашиваете, за малым исключением, написано в книгах, в том числе и в книге «Друг, воспитанный тобой». Получается так: прочитал книгу — и тут же, не давая себе времени осмыслить прочитанное, садится и строчит письмо, в котором перечисляет вопросы, которым собственно и посвящена книга... И как кормить щенка; и какой режим у взрослой собаки; и описание пород, их особенности; и дрессировка; и сравнительные таблицы роста... Везде говорится: исключить сладкое, не баловать, — нет, суют конфеты, кусочки сахара, а потом кидаются выяснять: почему пес плохо ест, воротит морду от чашки. Да сам это сделал — ты, хозяин! Живет в Тюменской области, а с вопросом — есть ли в Тюмени клуб служебного собаководства — обращается в Свердловск. Не проще ли выяснить у себя? Ан нет!

Вот вам маленький пример. У Наташи Баженовой, жительницы Новосибирска, неприятности: ее Ника завела привычку делать лужи на балконе, все течет вниз, соседи долго терпели, но однажды терпение кончилось, разразил-

ся скандал. Наташа в отчаянии: неужели придется Нику «ликвидировать». Как сохранить Нику, спрашивает она. «Может, Вы поможете мне в этом деле?» А догадаться самим закрыть балкон, чтоб отучить собаку пользоваться этим «туалетом» никак невозможно?

Думать, думать надо больше, друзья, думать и действовать.

Ты занят, тебе некогда, надо учиться, приносить домой пятерки, помогать в домашних делах, а другим? Другим, думаешь, легче? Хочет собаку, а сам палец о палец не ударит, не сдвинется с места, чтоб разузнать, где ДОСААФ, или пойти в библиотеку. Ждет, когда сделают за него — дядя Рябинин или кто другой — Иванов, Петров, Семенов... Пусть другой позаботится, потратит время. Вы знаете, как это называется? Иждивенчество. Один из худших пороков...

За каждым добрым порывом должна стоять работа — только тогда порыв осуществляется, превращается в полезные, нужные дела.

ВОСПИТАЙ СЕБЯ. Это относится ко всем, большим и маленьким, старшим и младшим, ко всем без исключения. Только так! Еще древние говорили: характер человека — его рок. Значит, надо работать над характером. Книжка называется «Друг, воспитанный тобой». А теперь мы говорим: **ВОСПИТАЙ СЕБЯ.**

Мы часто говорим о культуре вхождения в жизнь, о поиске. Великое предназначение человека — искать! Открывать новое в науке, искать следы исчезнувших героев, а с ними и новые страницы истории. Отсюда следопытские кружки... Искать себя!

Помнить об ответственности за все живое и свой поступок — не только за тот, который ты совершил, но еще собираешься совершить. Может быть, тогда и взрослые — отцы, матери, бабушки — будут сговорчивее.

Выбросили собаку. Большая беда? Да, большая. Для собаки во всяком случае. Как могло случиться, что то, что было предметом умиления, сегодня стало лишним, ненужным? Иди, живи, как хочешь. Нарастающий мотив деловитости все больше подстерегает людей на этом желании иметь собаку, кошку, но почему часто деловитость оборачивается бедой и даже гибелью для живого существа?

Статистика практики: из десяти знакомых двое выкинули собак через месяц, еще двое — через полгода, еще у одних пес бегаёт беспорядочно... А если бы каждый прочитал, ознакомился предварительно, как и что надо делать, то, может быть, семь из десяти отказались бы, передумали держать собаку?

Не торопитесь! Не торопитесь заводить! Подсчитайте предварительно: столько-то на школу, столько на спортивные занятия... И сколько бы бессловесных избегли печальной судьбы!

Нельзя проявлять легкомыслие и небрежение там, где дело касается живого существа, жизни.

Мы много говорили о том, насколько важно правильно воспитать, обучить, выдрессировать собаку. Но, выводит, не столько воспитание животного определяет твои будущие успехи, главное — это воспитание себя. Будь ей истинным другом!

Вот потому мы и говорим: ты воспитываешь собаку — собака воспитывает тебя.

Все хотят иметь друга. Ну, а другу ведь тоже нужен друг!

Тем я и кончу:
ХОЧЕШЬ ИМЕТЬ ДРУГА — БУДЬ САМ ДРУГОМ.

В эти дни сорок лет назад началось формирование Уральского добровольческого танкового корпуса. Всего через три месяца он был готов к отправке на фронт и в июле 1943-го получил боевое крещение. Уральские добровольцы-танкисты прошли от Орла до Берлина и Праги. Корпус стал гвардейским. На знаменах его бригад и частей засверкали 54 ордена. Броневой уральский кулак в те грозные годы ковали и свердловские комсомольцы.

КОМСОМОЛЬСКАЯ БРОНЯ С УРАЛА

**Александр
НАДЕЖДИН**

Листая подшивку газеты «Уральский рабочий» за декабрь 1942 года, я увидел телеграмму на имя Верховного Главнокомандующего:

«Комсомольцы и молодежь Свердловской области еще в прошлом году собрали 16 500 000 рублей, построили на эти средства в свободное от работы время и отправили на фронт танковую колонну «Свердловский комсомолец». В этом году молодежь Свердловской области за 15 дней собрала на строительство второй танковой колонны «Свердловский комсомолец» 10 071 112 рублей. Сбор средств продолжается.

Секретарь Свердловского обкома ВЛКСМ Семухин». Сразу подумалось: «А не тот ли это Семухин, который почти 35 лет возглавлял после войны плановую комиссию Свердловского горисполкома?»

Оказалось — да, он, Николай Владимирович Семухин, сорок лет назад подписал телеграмму. Вот что рассказал Николай Владимирович:

— В октябре сорок второго меня избрали первым секретарем обкома комсомола. Известно, какое это было грозное, тяжелое время. Все — от мала до велика стремились помочь кто чем может фронту. Комсомольцы области начали сбор средств на строительство танковой колонны «Свердловский комсомолец». Эта первая колонна была отправлена на фронт в мае сорок второго. А через полгода — первого декабря сорок второго обком ВЛКСМ принял постановление: «О сборе средств на строительство второй танковой колонны «Свердловский комсомолец». В городах и районах отделения госбанка открыли специальные счета.

Между тем с фронта поступили сообщения: экипажи нашей первой колонны уничтожили 87 фашистских танков и бронетранспортеров, 27 орудий и самоходных пушек, шестьдесят автомашин с войсками и грузами, 800 солдат и офицеров противника. Комсомольский счет стал расти еще быстрее. Вот данные, что сохранились в моем личном архиве. В Режевской МТС комсомольско-молодежная бригада Ивана Киселева, в составе которой было всего десять человек, собрала 624 тысячи рублей. Первым сдал 90 тысяч рублей бригадир, вслед за ним 75 тысяч рублей внесла Татьяна Наумова.

Танкисты прислали в Свердловск фронтовую газету, где был фотоснимок уральской «тридцатьчетверки» с подписью: «Танк Татьяны Наумовой — в бою».

К 23 февраля 1943 года на счете уже было 23 миллиона рублей. В назначенный срок директор Уралвагонзавода Герой Социалистического Труда Моксарез сообщил, что вторая танковая колонна «Свердловский комсомолец» готова, вышла из цехов. Помню, внутри каждой бронированной машины укреплялась металлическая пластинка с надписью «Свердловский комсомолец» и названием города или района, сделавших свой подарок фронту. На заводской площади состоялся многолюдный митинг. Секретарь Нижнетагильского горкома ВЛКСМ Мышкин зачитал «Боевой наказ». В нем мы призывали воинов еще крепче бить гитлеровских мерзавцев. Текст «Боевого наказа» вручили всем командирам танковых экипажей. Отвечая, танкисты поклялись истреблять фашистскую погань, не щадя сил и самой жизни. В заключение митинга под громогласное «ура!» колонна из 132 машин с грохотом ушла в путь.

А мы вновь начали сбор средств на третью танковую колонну «Свердловский комсомолец». Она ушла на фронт к 25-летию ВЛКСМ.

Вот наконец Львов, дом Раисы — бывшего корреспондента корпусной газеты «Доброволец» гвардии капитана Раисы Анисимовны Анисимовой. Елена Дорофеевна с замиранием сердца подошла к дверям квартиры, позвонила. Открыла незнакомая пожилая женщина: «Анисимовой больше нет — умерла». Только через несколько минут, опомнившись, Окорокова снова заговорила:

— А не осталось ли что-нибудь после нее? Может, бумаги?

Женщина пригласила Елену Дорофеевну в квартиру, потом подала ей аккуратно перевязанные папки.

В одной оказалось более пятидесяти номеров «Добровольца», в другой — книга художника Виктора Цигалья...

Невольно перед глазами Елены Дорофеевны встали те далекие дни, когда Уральский добровольческий начал свой боевой путь. Сама Окорокова уезжала на фронт медсестрой, а там пришлось стать машинисткой в редакции «Добровольца». Она вспомнила тех, кто был рядом: редактор — майор Виктор Григорьевич Солдатов, корреспонденты — Сергей Александров, Семен Самсонов, Вадим Очеретин, Яков Резник, Борис Калинин и — Рая!.. Вот в пожелтевшем номере «Добровольца» ее заметка о том, что в редакции заведена «Книга о героях». А вот и строки из этой книги: «Экипаж старшего лейтенанта Мирошникова уничтожил в одном бою два вражеских танка, три бронетранспортера, прицеп с четырьмя зенитными установками, двенадцать автомашин, до двухсот солдат и офицеров, сорок гитлеровцев захвачены в плен. Успех обеспечила дерзость, стремительные действия...» «У Сергея Шкоды не осталось боеприпасов. Он выскочил из танка — без автомата, гранат, вбежал в полуразрушенный дом, увидел трех фашистов. Схватил, что оказалось под рукой — ведро с известью, и насмерть свалил одного, другой фашист поднял руки, третий выпрыгнул в окно. Потом, действуя как автоматчик, Сергей уничтожил лично еще двадцать гитлеровцев...»

Вернувшись домой, в Свердловск, Елена Дорофеевна показала мне и книгу Виктора Цигалья, своего боевого сослуживца.

Цигаль (сейчас он работает в Академии художеств СССР) в любых условиях не расставался с карандашом на фронте, делал зарисовки мест сражений, рисовал друзей — бойцов корпуса. Книга была издана в 1945 году совсем маленьким тиражом — 300 экземпляров. Она называется «Герои боев». Есть в ней рисунки, посвященные жителям освобожденных танкистами-добровольцами мест. «Это было так...» — один из них. На рисунке — крестьянка с печальным лицом. Опустив натруженные руки, она рассказывает о мытарствах, которые пришлось пережить в тяжкие дни фашистской оккупации. Волнует рисунок «Друзья» — два мальчика с собакой. Этих ребятшек приютили разведчики на орловской земле. Шустрые мальчишки иногда выполняли боевые задания. Один из них был награжден медалью. К сожалению, фамилии ребят сейчас восстановить невозможно. Во время переброски корпуса на Украину их устроили в детский дом...

Да, там, где проходили уральские танки, возрождалась жизнь.

В СТРОЮ ДОБРОВОЛЬЦЕВ

**Александр
ЛЕОНИДОВ**

Свердловчанка Елена Дорофеевна Окорокова уже в поезде переживала волнение предстоящей встречи. Давняя боевая подруга не раз приглашала в гости. Вместе они прошли огненными дорогами Уральского танкового добровольческого корпуса. «Сколько пережито!.. Теперь снова увидимся...»

МИР НАСТУПИЛ НЕ СРАЗУ

Владимир
ЗУЕВ

Рисунки
С. Сухова

Общее Дело

Шурка Хабаров ушел в армию. Он был членом редколлегии колхозной стенной газеты «Урожай», и оформлять стенгазету Зарян поручил Велику.

— Будем принимать в комсомол — это тебе зачтется. Художник ты, конечно, от слова «худю», с Шуркой не сравнить, но что ж делать? Школьную оформляешь — справишься и с колхозной.

Первая газета с участием Велика была выпущена к Октябрьскому празднику. Ее вывесили в правлении. Увидев столпившихся перед нею читателей, Велик снова почувствовал себя как в тот момент, когда сплел первые в жизни лапти или пропахал свою первую борозду — будто подрос на целый вершок. Антониха, которую «протащили» за курение, отошла от газеты и ткнула Велика кулаком в плечо: «У, проды, помешало вам мое табачество!»

А он гордо вздернул подбородок.

Сразу после праздника начали готовить следующий номер. Он должен был выйти к 5 декабря — Дню Конституции. Пока остальные члены редколлегии писали заметки, Велик, оставаясь после уроков в школе, рисовал заголовок, расчерчивал большой лохматый зеленый лист оберточной бумаги на колонки. Он старался с удвоенным прилежанием — этот номер был особый для него: 5 декабря ему исполнялось четырнадцать лет, Зарян пообещал назначить на этот день собрание с повесткой дня: «Прием в члены ВЛКСМ».

Когда начали поступать заметки, Велик аккуратно, как на уроке чистописания, переписывал их, пририсовывал заголовок, какую-нибудь картинку или простую загогулилку.

Почти каждый раз с ним оставалась Таня. Они помирились незаметно, Велик даже проводил как-то раз Таню до дома. Но к газете он ее не подпу-

скал («Не имею права, выйдет — тогда читай»), и она, устроившись за соседней партией, готовила уроки на завтра. Раза два остался Иван Жареный, но понял, что он тут лишний: в помощи Велик не нуждается. Попробовал любезничать с Таней — отбрила:

— Не мешай!

Газета была готова к сроку. Оставалось заполнить небольшой уголок внизу последней колонки. В ожидании Заряна Велик сидел на крышке парты и болтал с Таней.

— Это правда, что ты начал курить? — спросила она, вцепившись в его лицо своими маленькими прилипчивыми глазами.

— Ну, допустим, а что? — небрежно ответил он.

— Зачем, Велик, ну зачем? — страдальчески сморщившись, протянула она.

Ему было приятно, что она из-за него страдает. С достоинством пожал плечами.

— А что тут такого? Я уже не маленький — завтра в комсомол должны принимать.

— Да при чем тут... — заволновалась она. — Как ты не понимаешь?.. Это ж верная чахотка. И вонять будет, как от старика.

— Ну и пускай. Целоваться не собираюсь.

— Велик, ну я тебя прошу, ну пожалуйста... — она умоляюще сложила руки на груди.

Он покачал головой, рисуясь. Лицо у Тани сделалось жалким, а потом злым, глаза стали как два шила.

— Думаешь: взял в губы сигарку — сразу стал большим? Не-а! Как был шибздиком, так и остался. Имей в виду: при мне закуришь — прямо по губам смажу!

— Ладно, при тебе не буду, — миролюбиво сказал он.

За «шибздика» он, конечно, обиделся, но вообще-то Таня была права: начинать смолить с этих лет не стоило. И если он закуривал иногда, то не для форсу и не для того, чтобы казаться взрослым, а единственно, чтобы перешибить постоянную муку голода.

Наконец пришел Зарян. Строго глянул на

Окончание. Начало см. в № 1, 1983 год.

Таню, подошел к Велику и молча положил перед ним клочок газеты, исписанный поперек строчек.

«Гузеева Агулина Павловна при перелопачивании зерна в экаде украла десять фунтов ржи. Позор расхитителям колхозной собственности!»

Велик поднял глаза на Заряна. В них был вопрос.

— Беги-ка, Таня, домой,— сказал Зарян.— Нам надо кое-что обсудить. Да, геноссе, вот так,— продолжал он, когда Таня вышла.— В карманы насыпала, за пазуху... А мы нашли.

— Ты, а еще кто? — машинально спросил Велик.

— Председатель, бригадир, участковый. Милиционер акт составил.

— И что ж теперь будет?

— Что положено, то и будет,— сердито ответил Зарян.— Пока рисуй карикатуру.

— Она детям по две картошины на день выдает,— сказал Велик.— А себе с бабкой — по одной.

— Интересно, а по сколько ты выдаешь Манюшке? — разозлился Зарян.— И по сколько съедаешь сам?.. Так что — тоже пойдешь колхоз разворовывать?.. Давай рисуй. Вот здесь карикатуру, а тут подпись. Ну, что сидишь? Не хочешь? Уматывай к чертовой матери! Без сопливых обойдемся.

Комсомольская организация в Журавкинском сельсовете насчитывала девять человек: три бывших фронтовика — один без руки, другой без ноги, третий без глаза, — две учительницы сестры Святские, Варвара Николаевна и Лидия Николаевна, три допризывника и Зарян. Пока собирались и рассаживались в классе, Велик чувствовал себя огрехом в поле: они были взрослые и говорили про взрослое (наступление на фронте, вывозка леса для клуба, наряды на бумагу и школьные принадлежности). У Ивана Жареного, которого тоже должны были принимать в комсомол, нервы оказались еще слабее: потомился-потомился за партией рядом с Великом да и смылся.

— Не, пока что не по Ва-аньке шапка,— тихо сказал он дружку перед уходом.

Велику стоило большого труда остаться. Ладно, сказал он себе, раз решил, пятиться нечего. Не съедят же меня и в шею не вытолкают. В крайнем случае скажут обидное: мал еще. Да и то не имеют права: по уставу — в самый раз.

Когда все собрались и Зарян хотел открыть собрание, Варвара Николаевна спросила:

— А где же Костоглотов?

Зарян вопросительно глянул на Велика. Тот развел руками.

— Ушел. Сказал: рано ему в комсомол.

Раздались смешки. Зарян нахмурился.

— Ну что ж,— протянул он, додумывая что-то,— каждый решает сам за себя. Начнем.

Он начал зачитывать документы. И тут Велика бросило в жар, обескровленное голодом лицо его даже покраснело: Зарян в своей рекомендации писал, что Мельников, мол, активно боролся с фашистами, и перечислял факты. А ведь о них Заряну рассказал сам Велик, рассказал давно, просто так, поделился с другом без всякой задней мысли.

Потом, когда перешли к вопросам, Иван Есин, из фронтовиков, остроносый парень с кожаной нашлепкой на левом глазу, спросил:

— А это все подтверждено документально? Или, может, свидетели есть?

— Насчет листовок — абсолютно точно,— ответил Зарян.— Их он разбрасывал по моему заданию. А остальное — с его слов. Я ему верю.

— Знаешь, я ничего не имею против Мельникова. Наверно, он геройский парень. Но документ есть документ. Не надо слова выдавать за доказанные факты.

— Я ведь не справку ему выдаю,— стоял на своем Зарян.

Тут начался общий спор. Лидия Николаевна сказала, что она тоже верит Валентину и думает попросить его выступить с воспоминаниями перед пионерами.

Это окончательно доконало Велика.

— Да вы что! — вскопчил он.— Все это случилось случайно, и никаких моих подвигов тут нет. Коля, я только тебе рассказал, а ты... Эх!

— Мало ли что случилось случайно — важен результат,— сказал Зарян.— Ты недопонимаешь — и молчи.

Его снова поддержала Лидия Николаевна, а Иван и Варвара Николаевна стали оспаривать, остальные присоединились к тем или этим. Опять разгорелся спор, и о Велике забыли. Он посидел-посидел, как бедный родственник за праздничным столом, встал и пошел к двери. Тут только спохватились.

— Ку-уда? — закричал Иван.— Коля, держи молодую смену, а то удерет!

После этого собрание закончили быстро. Зарян поздравил Велика от имени всех, потом каждый пожал ему руку.

Им овладело настроение торжественной радости, значительности случившегося в его судьбе. И все же остался в душе какой-то неприятный осадок — от спора.

Дома Велик застал Таню и Манюшку. Таня сидела у окна, загораживая спиной бутылку с молоком, стоящую на подоконнике: Манюшка лежала на печи, виднелся только ее затылок.

— Велик, она опять принесла молока, как будто мы пиццие,— пожаловалась Манюшка.— Я ее выгоняю, а она не уходит.

— Ну ладно, нынче пускай,— милостиво разрешил он.— Нынче сразу три праздника.

— Поняла? — обрадованно воскликнула Таня.— Я ж тебе говорила.

Манюшка ничего не ответила, только передвинула голову в темноту — в знак протеста.

— Ну что, приняли? — спросила Таня, оглядывая Велика с ног до головы, как будто искала на нем какую-то отметину нового его положения.

— А ты как думала! — хвастливо ответил он и крутнулся на одной ноге. — Вот вам и шибздик!

Перед Новым годом в школе прошел показательный суд над Кулюшкой. Класс был набит до отказа. Велику удалось захватить место на подоконнике, и судебное действие было ему видно. Правда, слышал он не все, особенно когда говорила судья — у нее был тонкий и тихий голос.

Кулюшка сидела отдельно от всех, и за спиной у нее стоял милиционер. Она напряженно, стараясь не пропустить ни единого слова, слушала, что говорят прокурор, защитник, свидетели, как будто ждала какого-то самого главного, самого нужного слова, и уголкем платка вытирала слезящиеся глаза. На вопросы отвечала охотно и с таким видом, словно хотела втолковать: ну, вот видите, а меня почему-то арестовали.

— Подсудимая, расскажите, как было дело.

— А так и было: как Филька нарядил меня перелопачивать зерно, и я подумала: гляди, девка, может, другого такого раза и не будет — бригадир-то первый раз на зерно меня нарядил, так, может, и последний.

— Значит, преступный умысел возник у вас еще до того, как вы приступили к работе?

— А... это я не знаю. У меня детишки уже забыли, как он пахнет, хлебушка-то. Ходят зеленые и исчезлые, как тени. А маленькая уж и не ходит. Должно, отойдет. Я и подумала: возьму горстку...

— У вас изъяли три килограмма восемьсот грамм ржи.

— Я не вешала, может, и столько.

— Вы знали о том, что зерно семенное?

— Дык как же — знала. Все остальное-то свезли в район, сдали.

В толпе рядом с Великом все время слышался приглушенный говорок, комментирующий происходящее:

— Эх, сама себя тонит! Говорила б: не знала, мол, и вообще все случайно вышло...

Когда объявили приговор — два года исправительно-трудовых работ — и милиционер тронул ее за плечо, Кулюшка потерянно сказала:

— Ну, так... не умеешь — не берись. А скажи, мил человек, — обратилась она к милиционеру, — можно свою пайку посылать детям из тюрьмы-то?

— Иди, иди, — ответил милиционер пустым голосом. — Там все скажут.

От крыльца школы до закрытой машины, куда ее посадили конвоир, Кулюшку молчаливо сопровождали Настя с Митей и ее дряхлая мать, согнутая крючком и тяжело опирающаяся на палку.

— О господи, господи, — бормотала бабка, глядя вслед удаляющейся машине полуслепыми глазами, — опять нельзя помирать. Не дают отойти с миром...

На душе у Велика было так, будто все там вспахали, вздыбили, а бороться не стали. Захотелось повидать Заряна. Он примерно знал, что скажет ему друг, и все же...

Заряна он застал враспех. Раздевшись до пояса и отцепив протез, тот здоровой правой рукой растирал культю.

— Ну что, геноссе, — не очень-то приветливо встретил он Велика, — пришел пытать насчет справедливости?

Велик молчал.

— Весь хлеб сдали, остался семенной, — сердито продолжал Зарян, пристегивая протез. — Давайте его растащим? Ты этого хочешь?

— Коль, а если дети помрут с голоду? Бабка что? Бабка сама ухода просит. С матерью, может, как-нибудь и выкарабкались бы. А без нее помрут. А у них отец воюет с фашистом.

— Значит, семьям фронтовиков можно развозывать семенной хлеб?

— Нельзя, кто говорит? А у детей фронтовика мать сажать тоже нельзя.

— Ошибаешься. Если ее не посадить, завтра и другие начнут воровать. Неужели ты такой тупой, геноссе? — Он помолчал, успокаиваясь, потом заговорил тихо и медленно, словно вслушиваясь в свои слова: — Запомни и заруби себе на носу два слова — Общее Дело. Для нас, комсомольцев, это самый главный командир. Обязан делать, как он велит, нравится тебе или не нравится. Пойми: навредить Общему Делу — все равно, что предать Родину.

Ну, ладно, раз так, значит, так, горько размышлял Велик. Общее Дело требует посадить Кулюшку за десять фунтов зерна. Но детей-то поморить голодной смертью оно не требует! А может, это тоже входит в наказание?.. Он ужаснулся, как будто заглянул в дуло заряженного автомата, как тогда на Навле, когда их чуть не расстреляли немцы. Нет, нет...

— Да я понимаю, Коль, — он чуть не плакал. — Только если у Гузеевых умрет кто-нибудь, то это как — подходящая плата за десять фунтов ржи?

Зарян весь побагровел. Таким его Велик еще ни разу не видел. Казалось, вот сейчас двинет кулаком.

— Пойми ты, баран: идет война, каждое зерно на счету, а уж семенной хлеб — это святой хлеб, это наше завтра. Себя сожри, а это не трогай! А если тронул — любая, самая страшная кара мала...

— Верно, Коль... А если они все без матери пооколеют? За это, что ль, воюет ихний отец?

— Пошел вон, змей Колпак! — крикнул Зарян и даже ногой топнул. — Я ее, что ли, посадил?

А что такое коммунизм?

Зима выдалась снежная и морозная. Хаты замело по самые окна. В феврале, ближе к весне, пошли оттепели. Снег сам себя пропитал сыростью, сверху промерз, отвердел.

Велик возвращался с сухого болота, нес хворост топить печь. Когда вышел из кустов на Песок, увидел белую равнину, а за нею красную полосу вербняка, и какое-то смутное желание затрепетало в нем. Представилось, как идут цепи по этой гладкой равнине, а в вербняке занимает оборону гвардейский полк. Наверно, в самую его душу посеяла война свои семена, и они принялись там.

Оказалось, не только в его душе. Стоило ему поманить — и с охотой потянулись на Песок ребята, и вскоре уже маршировали, учились отдавать честь и рассыпаться в цепь. Было тут все мальчишечье население Журавкина — от первачков, прошлым летом еще бегавших без штанов, до Великовых сверстников и ребят постарше, что уж и за девками начинали бегать.

Армию свою Велик разделил на четыре части.

В гвардию вошли ребята постарше и посильнее, чтоб уж действительно были гвардейцы — и за себя могли постоять, и пример подать остальным. Командиром гвардии он назначил Ивана Жареного — не потому, что друг, а потому, что бывалый человек, прошедший огонь.

С тех ранних пор, когда Велик пристрастился к книгам, о моряках у него сложилось представление как о людях, чьим главным девизом было словечко «полундра!», что значит: ребята, наших бьют! Вперед! Дадим белякам жару! Поэтому у себя в армии он поверстал в моряки самых задиристых и драчливых. Во главе флота поставлен был Гаврик Шапкин, Гавро, как его все называли, гроза садов и огородов, человек, у которого кулаки всегда были наготове. Велику и самому приходилось подраться с ним раза два и, честно говоря, он Гавра побаивался. К его удивлению, тот без слова подчинился ему и был доволен назначением.

Остальной личный состав разделили на два пехотных полка.

В армии были введены воинские звания. Комиссару армии Коле Ведюшину Велик присвоил звание генерала, начальнику штаба Вальке Доманову — генерал-полковника, Ивану Жареному — генерал-майора, Гавру — командора, Шурке Исаеву — полковника, Ваньке Мосину — подполковника. Появились и майоры, и лейтенанты, и мичманы. Все были довольны, и никто не возражал, что их главнокомандующий стал маршалом.

На праздник Советской Армии после уроков Велик объявил сбор. Ожидая пока подойдут командиры, он сидел у окна и пришивал очередную

заплату к своей продубленной ветрами, дождями и морозами курточке. Она уже стала, как шинель у гоголевского Акакия Акакиевича — даже заплат не держала, приходилось лепить их одна на одну. С печи доносились побряхтыванье и шепот Манюшки.

— Ты что? — спросил Велик. — Не заболела случаем?

— Да нет, бог миловал, — слабым голоском ответила девочка. — Ужаса сосет. Прямо все силы высосала: иду, а меня так и шатает.

— Мы ж только что пообедали, — напомнил Велик.

— Да что там пообедали, — вздохнула она. — По десять желудей съели.

— Ну, хочешь, еще дам? — дрогнувшим голосом спросил он.

После недолгого молчания Манюшка печально ответила:

— Не надо. От них как будто горькая палка в горле торчит. А ужасе моей не по вкусу: хоть сколько съешь, все равно сосет.

У Велика были припрятаны к ужину две печеные картошины — Зарян дал, мол, премия за хорошую стенгазету, — и он заколебался: дать ей сейчас, что ли, уж крепко жалко стало ее. Но переборол себя. Хоть и говорят, ужин не нужен, дорог обед, а попробуй-ка лечь спать с пустым животом — всю ночь будешь ворочаться.

— Потерпи... Зря ты желуду хаешь — еда полезная. Свиныи, знаешь, какие жирные бывают, когда их вволю желудями кормят!

Манюшка не ответила, только громче закричала.

— Велик, знаешь, что я у тебя попрошу? — сказала она через некоторое время. — Сделай Митю Гузеева начальником. У вас же в пехоте ефрейтор заболел, вот заместо него.

— А за какие это такие заслуги? — набычился Велик.

— Ну как же. Он говорил, что его брат твой лучший друг был.

— А при чем тут брат?

— Ну, он же вроде родни тебе, раз ты с его братом дружил. А еще: мы с ним за одной партией теперь сидим, и он мне помогает задачки решать.

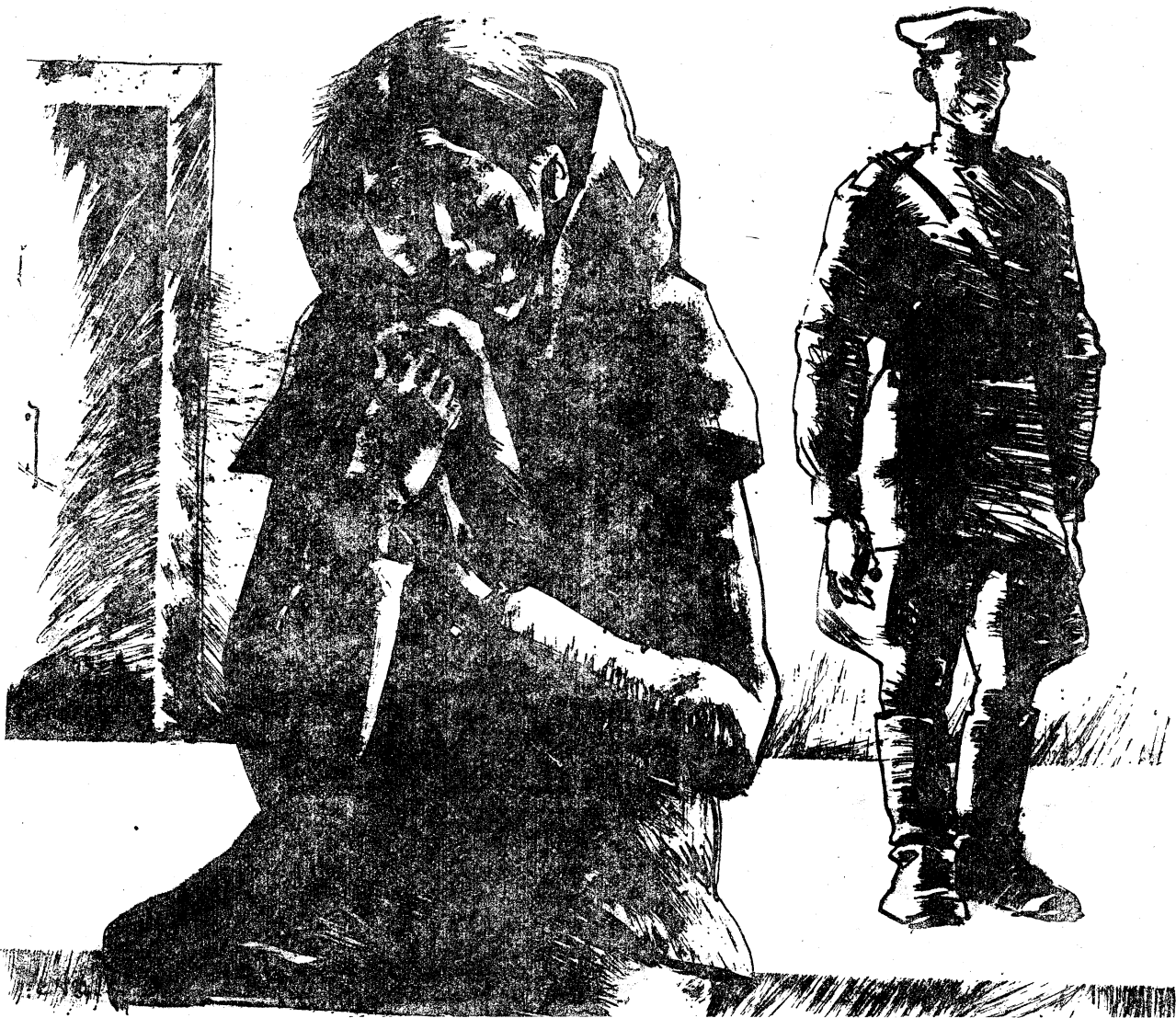
Велик дернул щекой.

— Ну и ты ему помоги в чем-нибудь. А в мои дела не лезь.

— Жалко тебе, что ли? Ты ж маршал... Знамо дело, там твоя Таня за Гришку Будейкина хлопчет, ну так я тебе скажу: Гришка не гожий для ефрейтора — картавый, как же он командовать будет?

«Вот, пожалуйста, — усмехнулся Велик. — И армия-то невзаправдашняя, и маршал липовый, а и тут уже начинаются интриги придворных дам».

За окном уже шумели ребята. Вошел Иван,

доложил, что гвардия в сборе, потом и командор явился с таким же докладом. На плечах у них красовались самодельные погоны с вырезанными из жести звездочками. Маршал тоже нацепил свои на несменную латаную-перелатаную куртку, надел танкистский шлем, доставшийся ему осенью сорок первого от захожих окруженцев и чудом сохранившийся, потуже подтянул оборки на лаптях.

— Вперед!

Стоял ясный маломорозный денек, какие часто выпадают в конце февраля, в преддверии весны.

«Перезимовали, считай,— подумал Велик, радостно щурясь на теплое солнышко.— Еще немного — и травка пойдет, щавелек, чесночек... Отдохнемся, ничего...»

Армия разбилась на две группы — зеленых и синих. Зеленые — гвардия и первый пехотный полк — засели в оборону в вербняке, синие — мор-

флот и второй полк, развернувшись в цепь, их атаковали.

Велик, командовавший синими, вместе с двумя связными двигался позади цепи. Наст держал хорошо, и бежать было легко — лапти, казалось, сами отскакивают от твердой снежной корки. Когда атакующие приблизились к кустам шагов на десять, им навстречу посыпались снежки. Они были плотные, увесистые и били опутимо. Один, ударивший Велика в плечо, даже слегка развернул его на бегу. А бежавшего перед ним Митю Гузеева плоская заледенелая крыга сбила с ног. Велик пробежал было мимо, сделав вид, что ничего не заметил — все-таки конфузно солдату, что свалился с ног от снежка. Но, оглянувшись через несколько шагов, увидел: Митя не встает. Что такое? Не убит же он в самом деле!

Присев на корточки возле Мити, Велик глянул на его лицо и испуганно вскрикнул:

— Ты что? Что с тобой?

— Кружится, — прошептал Митя. Он был более снега, на котором лежал, под глазами — темные ободки. — Солнце кружится.

— Ты заболел?

— Не, это с голодухи. Я если тихо хожу, то ничего, держусь, а вот пробежал — и сразу повалился.

— Ну, иди домой. Подымайся, иди.

Он помог ему встать, оббил ладонью редкие крошки снега с пиджака.

— Мать-то придет? Где она?

— В Брянске. На работу гоняют, дом строить. Пайку не разрешают посылать домой. — Он вздохнул. — И правильно: мы-то тут на воле, и работа своя — не тяжелая, а ей надо горбачить. Без пайки швидко сколупнешься.

— Да-а... Ладно, шагай. — Велик поколебался. — Приходи вечером к нам, чего-нибудь перехватим.

Он повернулся и потрусил догонять своих синих, потеснивших противника.

В субботу после уроков, едва Велик вышел на крыльцо, его подцепил Зарян.

— Слушай-ка, маршал, — в голосе его пробибалась тонкая ирония, — а ты не забыл, что главное твое звание — комсомолец? Не чересчур ли ты увлекся своей армией?

Велик недоуменно пожал плечами.

— Я свои поручения выполняю. И от других ни разу не отказывался.

— Твое главное поручение — пионерская работа. Ты начальник штаба дружины, а пионерскими делами почти не занимаешься. Лида... Лидия Николаевна говорит — инициативы не проявляешь. Что она тебе скажет — сделаешь, а чтоб сам — не... Вот в армии — там у тебя порядок, потому как там твоя инициатива бьет ключом... Мы вот думали — что такое эта твоя армия? Пользы ни на грош, наоборот, от пионерских дел ребят отвлекает. Хотели даже распустить ее.

— Вреда ведь тоже от нее нет, — убитым голосом сказал Велик. — Кому она мешает?

Зарян засмеялся, хлопнул его по плечу.

— Ага, испугался? Не бойсь. Мы рассудили, что все ж какая-никакая польза есть: изначальная военная подготовка... Но от пионерских дел отрывает. Думали, может, начальником штаба дружины кого другого? Получится двоевластие и раскол. Решили: ладно, пусть в одних руках вся власть будет — в твоих. Ты все-таки наш человек: можно и покритиковать, а когда и отшлепать, — Зарян насмешливо покосился на похмуревшего маршала. — Не по шее, конечно, а словами.

Они шли через школьный сад. Здесь долго стояла немецкая артиллерийская батарея, весь сад был изрыт, большинство деревьев спилены. Остались дряхлые, наполовину умершие груши и яб-

лони. Осенью на них почти совсем не было плодов.

— Вот сад бы посадить новый, — сказал Зарян и вздохнул. — Ладно, это подождет. Не все сразу. Сейчас надо построить клуб. Тогда решилась бы и сельсоветская проблема: пару комнат им там выделили бы — и порядок. У нас ведь так и до войны было — помнишь? — клуб и сельсовет в одном здании... Ну вот... Решили мы устроить завтра воскресник. Будем вывозить бревна из леса. Заготовливать и вывозить. Поднимаем свою армию. Да и пионерок, что постарше, можно припрячь.

— Нечего, — сказал Велик. — В лес всегда мужики ездили.

— Так то до войны. Ну, гляди сам. Давай прикинем, кого поставить на валку, кого на уборку сучьев, кого возчиками...

Участок леса, отведенный журавкинцам под вырубку, находился километрах в трех от Навли. Снегу между деревьями было по пояс, и пришлось расчищать места для пилщиков. Велик ездился предусмотрительности Заряна — оказывается, на этот случай он распорядился взять лопаты.

Работа была тяжелая, народ обессилен голодом, но его, народу, было много — только Велик выставил девятнадцать самых крепких своих воинов, да пятеро допризывников явилось, да девок одиннадцать. Часто сменяли друг друга, отдыхали. Придавал сил общий настрой — веселый, праздничный. Повсюду слышались шутки, подначки, и все были друг другу приятели, товарищи, друзья и родня.

Когда солнце перевалило за полдень и пошло катиться вниз, привезли из деревни обед. Он, обед этот, здорово помог в организации воскресника. Агитация агитацией, а когда в конце своего разговора-приглашения Зарян говорил: «Колхоз обещает накормить от пуза», агитируемый, даже если он еще колебался, согласным голосом отвечал: «Ну-ну, поглядим».

От таких обедов большинство давно отвыкло. Во-первых, он был полный — похлебка и каша, во-вторых, каждому едоку выдали по увесистому ломтю ржаного чистого, без всяких примесей, хлеба, в-третьих, похлебка была густая, хорошо протомленная, разварившаяся и с мясом, в-четвертых, рассыпчатую пшеничную кашу изрядно полили пахучим конопляным маслом, так что в морозном чистом воздухе сытный дух можно было ложкой черпать.

Велик сразу, как только получил обед, сунул хлеб в карман. То-то обрадуется чертова Манюшкина ужака! Он огляделся и увидел, что почти все поступили так же — кто разломил ломоть пополам, кто нетронутый спрятал. Да оно, по-хорошему-то, и кашу стоило бы переполовинить — куда столько одному! — но не нашлось во что завернуть.

Рядом с Великом на свежеспеленной сосне

сидел Иван. Они держали миски с едой на коленях и усердно орудовали деревянными ложками. Похлебку вычерпали в полном молчании. Только сбив голод, принимаясь смаковать кашу, ребята нашли в себе силы перемолвиться словечком.

— Наверно, при коммунизме вот так о-обедать будем,— сказал Иван, пальцами левой руки поглаживая свой шрам на лице. Левая рука у него, как и у Велика, была свободна: откусив от ломтя несколько раз, когда ел похлебку, остальной хлеб он тоже спрятал.— Хотя... что я говорю: будем? Мы-то с тобой и не доживем.

— Чего это так? — недовольно покосился на него Велик.

— До коммунизма еще топать да топать. Так да-алеко, что иной раз и не веришь. Скажешь — нет?

— Ты что, с ума сошел?

— Не сошел еще, только... — Он придвинулся к Велику и понизил голос: — А ты знаешь, что такое коммунизм?

— Да ты что! — ошарашенно воскликнул Велик.— Кто ж этого не знает! — Он хлопнул Ивана по плечу.— Ладно, пошли, вот уже сосну повалили.

Обрубая суки острым Заряновым топором — а сам Зарян работал пильщиком,— Велик посмеивался: дожил Иван, нечего сказать... Да ты любяго первачка спроси и то он тебе ответит: коммунизм — это... это... ну... Вот те на! Погоди, погоди... И правда — а что ж такое коммунизм?.. Вот так! Всю свою жизнь был уверен, что вопрос этот проще азбуки или таблицы умножения, а коснулось ответить — и сказать нечего.

Ладно, тогда придется начать с самого начала. Коммунизм — это счастливая жизнь. Так? Так. А что такое счастливая жизнь? Это когда ты сыт, обут, одет, делаешь, что хочешь, и имеешь, что хочешь. Захотел коня — выписал в правлении, предъявил бумагу деду Евтею — и, пожалуйста, взнуздывай и владей. Захотел пойти в школу — пошел, не захотел — повалился на травку, ноги задрал и почитывай книжечку. Иван, конечно, тоже не захотел в школу, Коля, Гавро, Шурка... Задрали ноги на лужке, лежим рядом, почитываем. Мы почитываем, девки ходят, цветы собирают. Кто же у Варвары Николаевны на уроках сидит? А она тоже не захотела заниматься — пошла на Навлю загорать. Та-ак... Не получается жизнь при коммунизме, а получается жизнь помещиков и капиталистов. На них рабочие и крестьяне горбачили, чтоб они могли счастливую жизнь прожить, а на нас кто будет? И потом: кто сказал, что жрать от пуза, наряжаться в шелка и бархаты, делать, что хочешь, и иметь, что хочешь, — это счастливая жизнь?

Ну, так. И что же я скажу Ивану?.. Эх, причем тут Иван, самому бы разобраться!

— Ну-ка, геноссе, пошли со мной,— раздался за спиной голос Заряна.— Помощь требуется.

Он привел его к дереву, которое спилил с одноглазым Иваном Есиным. Оно рухнуло чуть правее, чем они предполагали, и застряло вершиной в кронах сосен. Нужно было сбросить его на землю. У двоих силенок на это не хватило.

Собралось человек пятнадцать, в основном Великовы гвардейцы. Зарян расставил всех по местам, объяснил задачу. Наконец дерево быстро заскользило самыми верхними лапами по сучьям сосен...

Шурка Исаев и Коля Мосин остались обрубать суки, остальные разошлись по своим местам. Зарян вытер вспотевший лоб и придержал проходившего мимо Велика за рукав.

— Ты только глянь, геноссе,— он повел рукой вокруг.

Всюду с лопатами, топорами, пилами копошились-трудились, посреди крохотной полянки велело пылал костер, вокруг него грелась отдыхающая смена. Тихо плыла песня:

Он плакать как будто совсем не умел,
А жалиться некому было.
Своих и чужих, стариков и детей
Немало о нем говорило.

— Живет Федя,— тихо сказал Зарян.— Знаешь, геноссе, я нынче как будто в коммунизме побывал. Все дружные, веселые, работают прямо как напергонки.

— Коль, а что такое коммунизм?

Зарян посмотрел на него весело прищуренными глазами, засмеялся и толкнул локтем в бок.

— Ишь чего захотел — чтоб ему в двух словах коммунизм нарисовали. Его годами изучают, потому как это целая наука. А по-простому... Нынешний наш воскресник — это и есть коммунизм... Ну, скажем, капелька, брызга залетела к нам из коммунизма. А может, и наоборот: наша капелька полетит туда, в будущее.

Хоть и ломала усталость, а дома не сиделось, тянуло на люди. Велик отправился в школу. Там вечерами в учительской открывалась изба-читальня, заведовал которой Зарян.

Сегодня народу пришло сюда много, маленькая комната всех не вместила, поэтому зажгли лампы в соседнем классе. За партами сидели, склонившись над газетами, дед Евтей и еще несколько стариков. Они-то и забрали себе лампы. Половина класса за их спинами была погружена в полумрак. Здесь молодежь, в основном девки, танцевала под балалайку на освобожденном от парт пятачке.

Велик прошел в учительскую. Там Зарян проводил беседу о военном положении. Его слушали несколько женщин, женатые инвалиды-фронтвики (а холостые танцевали в классе), девки-перестарки (кроме Тоньки Дарьиной, которая все

еще не сдавалась, все невестилась и сейчас откалывала краковяк с зелеными допризывниками).

— Наша армия полностью очистила советскую землю от фашистских оккупантов, — говорил Зарян, заглядывая в газету и вычитывая оттуда целые куски. — Войска Первого Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова недавно взяли польский город Познань и продолжают наступать. Они захватили плацдарм в семидесяти километрах от Берлина. Второй и Третий Белорусские фронты Маршала Советского Союза Рокоссовского и генерала армии Черняховского сражаются в Восточной Пруссии. Идут бои в Чехословакии и Венгрии. Победа, как говорится, на носу, даже ближе.

— Эх, а сколько еще кровушки прольется, — вздохнула Антониха. — Победа-то даром не дается. Вчера на Евтеева Ваньку похоронка пришла. А от моего целый месяц нет писем.

— Ну что поделаешь, — помолчав, уже не бодро, а печально произнес Зарян. — Мой отец тоже не пишет. А вот Велик вчера получил письмецо.

Все повернули головы и посмотрели на Велика с завистью и вроде бы даже с укором, как будто он был виноват, что ему вот пришло письмо, а другим не пишут. Велик покраснел и заерзал на табуретке.

Погихоньку начали расходиться. После того как опустела учительская, в классе еще с полчаса потрещали балалайки, наконец, умолкли и они.

— А ты чего, геноссе, не идешь домой? — вскопился Зарян на Велика, запирая двери.

— А я тебя жду, — удивленно сказал Велик: мол, нешто это не ясно?

— На этом спасибо, — сказал Зарян с усмешкой, — только надо бы сперва у меня спросить, стоит ли ждать. Я бы тебе сказал, что не стоит.

— Ты что, не идешь домой? — растерялся Велик.

— Пока нет. Мне еще надо кой-куда зайти по неотложным делам.

— А мне нельзя? — упавшим голосом спросил Велик.

— Гм. Ну ладно, пошли, раз уж остался. Но — в виде исключения, ферштейн?.. Да ты не обижайся. Мы с тобой друзья, а все-таки разница в годах, она сказывается.

Велик не понял, при чем тут возраст, но хотя Заряновы слова разожгли его любопытство, распрощивать не решился: не хотелось выглядеть недогадливым тумакон.

Они обогнули школу и вошли во двор. И как только оказались в этом обширном хозяйственном дворе с сараем и хлевом, с поленницами и Велик увидел крыльцо, ведущее в квартиру учителей, так сразу вспомнилось не такое уж далекое по времени, но как будто из древней истории: волостной старшина Кузя Единоличник со своим сы-

ном грузят дрова на сани, на крыльце — Мурка, она все заговаривает с Колькой, и это страшно элит Велика; а потом, когда эти двое уехали, — прыжок на крыльцо и выволочка Мурке. Особенно старался Степка, так старался, что Велику уж и жалко стало Мурку...

Где теперь Мурка? Когда немцы отступали и деревья, спасаясь от угона, выехала в лес, несколько семей (Кузя, его брат Иван Баян и еще кое-кто) остались на месте. В их числе была и учительница Анастасия Семеновна со своей младшей дочерью Муркой. Эти семьи добровольно эвакуировались на запад. И где-то затерялись.

Сейчас, поднимаясь вслед за Заряном на крыльцо, Велик думал: знают ли Варвара и Лидия Николаевны о судьбе матери и сестры? Знают ли, что их мамаша веровала в победу фашистов и якшалась с их прислужниками?.. Да ну, откуда им знать?

Дверь открыла Лидия Николаевна.

— Ты что так долго? — вполголоса напустилась она на Заряна, не разглядев сперва, что он не один. — Ой, кто это с тобою? — В голосе ее послышалось недовольство. — Ну, проходите.

Через маленький темный коридорчик они прошли в полуосвещенную комнату, отдаленно напоминавшую деревенскую хату — из-за русской кечи, но больше все-таки похожую на городское жилье: стол под скатертью, стулья вместо лавок, этажерка с учебниками в углу.

— А, Валентин, — без особой радости сказала Лидия Николаевна (полным именем учителя стали звать его после вступления в комсомол). — Ты-то чего по ночам не спишь? — Круглое темное лицо ее, очень похожее на Муркино, было строго и хмуро.

Велик в смущении молчал. Но смутился он не оттого, что его отчитывала учительница, она же пионервожатая (тут ему скорее бы удивиться: ведь сегодня он не первый раз допоздна задержался в избе-читальне, с той же Лидией Николаевной они частенько напеременку читали там бабам и старикам газеты). А смутило его то, что он понял — она недовольна его приходом, так как ждала одного Заряна.

— Ладно тебе, — заступился за него Зарян, присаживаясь к столу. — Пусть хоть погрееется. А то и в школе нынче не топили по случаю воскресенья, и дома у него не Африка. И целый день в лесу на морозе в своем маршальском мундире на рыбьем меху.

Вот это зря, набылчился Велик. Он терпеть не мог, когда его начинали жалеть и ахать над ним как над сироткой. Велик чувствовал себя самостоятельным, ни от кого не зависимым, а потому достаточно взрослым человеком, а такие вот всхлипывания разрушали это самочувствие и унижали. Ему казалось, что если он поддастся жалости и станет маленьким несчастным сироткой, ему не выжить в этой неласковой жизни, А тогда, зна-

чит, наверняка не выжить и Манюшке. А зачем же он тащил ее с собой, спрашивается? Пусть бы оставалась у тетки Варьки в Белоруссии.

Слова Заряна возымели неожиданное действие. Едва он закончил фразу, открылась дверь из соседней комнаты и в ней возникла Варвара Николаевна в халате и тапочках. Наспех приглаживая раскуделившиеся волосы, она укоризненно сказала сестре:

— Эх, Лида, пора бы уж и поумнеть! Пришли гости, так надо угощать, а не демонстрировать свое испорченное настроение.

Лидия Николаевна, сидевшая рядом с Заряном, вспыхнула и, низко пригнув голову, отвернулась от него, а он, от растерянности и замешательства не зная, что делать, стал нервно выстукивать на столе какие-то несуразные дробы.

— Помоги-ка мне, Валентин, чай приготовить, — сказала Варвара Николаевна ласково.

Она поручила Велику щепать лучинки, потом — разводить на загнетке огонь. Сама тем временем заправляла чайник, отлучаясь то на печь за какой-то сушеной травой, то за водой к порогу. Когда работали рядом, учительница вполголоса разговаривала с ним.

— Все-таки, Валентин, позволь откровенно сказать тебе, что твои односельчане — весьма консервативный народ. Не пьют чай. Когда-то, в незапамятные времена, повелось так и доныне ведется.

— Но это же очень просто, — подал голос Зарян. Они с Лидией Николаевной снова сидели лицом к лицу, однако молча, прислушиваясь к речам Варвары Николаевны. — В хорошие времена в деревне всегда было молоко. Я и сам лучше выпью молочка, чем чаю.

— Верно, верно, — улыбнулась ему Варвара Николаевна. — Потому что ты и сам журавкинский консерватор. Молоко-то было, но даже в лучшие времена не у всех. А уж если говорить про нынешнее время... На десять дворов корова. И что же? Многие пьют чай?

— Ну, Варвара Николаевна... К чаю сахар нужен и заварка.

— Лучше бы с сахаром, конечно, но чай полезен и так. И заварка... Мы вот сейчас заварим шиповником и мятой, и ты убедишься, как это вкусно. Про пользу же я и не говорю. Сплошные витамины и лекарственные вещества. У вас вокруг под погами тьма-тьмущая трава и ягод, заваривай и пей на здоровье. А здоровье сейчас ох как нужно народу: ведь шатается, с голодухи, любая ничемная хворь может повалить. И вот пожалуйста — все-таки не чаевничают. Не принято. А догадаться до простой вещи, конечно же, невозможно.

— Сдаюсь, — сказал Зарян. — Придется чай внедрять по комсомольской линии, как когда-то цари картошку.

Подкладывая лучинки в костерок, Велик

украдкой поглядывал на Варвару Николаевну. У нее тоже лицо круглое, а глаза большие, как у сестры, и чем-то похожа она на Мурку (это у них, видно, фамилия сказывается). Но в отличие от пухленькой Лидии Николаевны старшая сестра вся какая-то четкая, как будто нарисована пером и не раскрашена. Все у нее строже, суше, подтянутее. И — чего совсем не было у сестры и быть не могло — на свежем, гладком, умеренно румяном лице Варвары Николаевны, приглядевшись, можно было заметить маленькие, тоненькие, будто прочерченные кончиком иголки, рисочки у губ и у глаз.

Если честно признаться, Велик с самого первого дня, с первого появления ее в их четвертом классе душевно прилепился к ней. Не то чтобы влюбился — влюблялись все поголовно в Лидию Николаевну. Для поклонения, каким он втайне удостоил свою учительницу, ее сестра не годилась именно из-за своей сдобной, свежей, юной красоты. Ему она казалась недостаточно взрослой, почти сверстницей.

Чай был действительно вкусный: духмяный, мягкий, с отдаленной тонкой кислинкой. Варвара Николаевна одарила каждого кусочком шленого сахара и скибочкой сытнопахучего чистого хлеба. Чаевничанье получилось царским. Правда, Велик поначалу так чувствовал себя, что все эти сказочные яства и в горло не лезли: вот, явился, незванный, непрошенный, обедать людей. Но уйти было нельзя и отказаться тоже: начнут упрашивать и заставлять — получится комедия. Сми-то ведь знают, что он голодный, значит, отказывается просто для вида, ломается, короче говоря. И Велик решил: ладно, раз уж попал в такую передрыгу, не дрыгайся, а держись толково — пить пей, но не жадничай, откусывай по соринке, чтоб оставить по крайней мере половину хлеба и сахара.

Это решение его несколько успокоило. А потом, расставив блюда, а на них чашки с чаем, села за стол Варвара Николаевна, взяла разговор в свои руки и так интересно его повела, что Велик и вообще забыл о своем незваном положении.

— Вообще-то в порядке самокритики должна сказать, что я и сама изрядный консерватор, — отхлебнув из чашки и тем подав знак остальным, неторопливо заговорила она. — До войны учительствовала в Клинцовском районе. И там тоже травок и ягод кругом было полно, однако ж я заваривала только чаем. А с травками и ягодками познакомилась уже во время войны, в партизанском отряде. Познакомилась не сама, а нашелся добрый человек и раскрыл глаза. Таким добрым человеком моим была Анисья Кузьминична, наш страдный провизор и помврача. — Она заулыбалась, и Лидия Николаевна тоже заулыбалась, и у обеих обнаружили ямочки на щеках. Велику вдруг подумалось, что о таких вот ямочках он

только в книжках читал и впервые видит. — Это была обыкновенная баба, знахарка.

— Колдунья? — удивился Велик. — И ее приняли в партизаны?

— Хм. Она лечила односельчан до войны. Сделает отвар или настой нужных трав, пошепчет, и, глядишь, человек со временем выздоравливает. В деревне все считали, что действуют ее наговоры и нашептывания, а на самом-то деле действовало лекарство — этот отвар или настой. Но сама она верила, что помогает и то, и другое, и односельчане поддерживали в ней эту веру, даже, если хотите, вынуждали ее верить. Ведь верили в силу сверхъестественного, и дай она им простой отвар без наговора, они и не взяли бы, — отварить или настоять трафу любой может... А в партизаны она пришла с мужем, бодрым таким старичком Иваном Игнатьевичем. — И опять сестры заулыбались, вспомнив своего однополчанина. — Его колюхом пристроили, ее — санитаркой к раненым. Вернее, она сама туда попросилась. Вот у Лиды отняла это место.

— Горьких переживаний это у меня не вызвало, — засмеялась Лидия Николаевна. — Перевели на кухню, чем плохо?

— Восторгов это у тебя тоже не вызвало, — мимоходом напомнила Варвара Николаевна и продолжила: — Конечно, для санчасти Анисья Кузьминична была находкой. С ее приходом раненых действительно начали лечить, потому что появились лекарства — эти самые настои и отвары. Она оказалась у нас самым квалифицированным медработником. Судите сами: начальником санчасти была медицинская сестра по образованию, но с мизерным опытом, я вообще к медицине никакого отношения. У нас не было ничего, кроме подручных средств, поэтому главным методом лечения был примитивнейший — перевязка, свежий воздух и вода. Раненые на этот счет горько шутили: «Живы будем — не помрем».

— Так она что, профессорша-то ваша деревенская, — влез в паузу Зарян, — и партизанам делала лекарства с наговором?

— Шептала, — со смешком ответила Варвара Николаевна и сокрушенно покивала головой. — Тайком, конечно, от нас. Однажды начальница застучала ее. Ну, пригласила меня, и стали мы вести с ней разъяснительную работу. Она слушала, кивала, а потом и говорит:

«Ой, девоньки, я все понимаю, а ну как все-таки сила травы — от наговора? Тогда получится у нас борьба не с темными поверьями, как вы говорите, а с нашими ранеными. Стоит ли на такой риск пускаться?»

«Эх, — сказала начальница, — темнота ты, Кузьминична. Тебя, видно, не переделаешь».

Кузьминична радостно подхватила:

«Да поздно уж, матушка. И здоровьем чужим нешто можно рисковать?»

«В общем, я тебе запрещаю шептать», — ска-

зала начальница таким тоном, как будто подразумевался и конец фразы: «А ты делай, как хочешь».

— Короче говоря, одна неграмотная старуха вправила мозги двум образованным комсомолкам, — сказал Зарян, вытирая испарину. — Начальница ваша, надеюсь, тоже состояла в комсомоле?

— Не надейся, не состояла, — насмешливо ответила Варвара Николаевна. — Была из несоюзной молодежи. Это раз. Кузьминична была грамотная старуха. У нее имелись толстые тома с описанием лекарственных растений, и она их изучала с большим прилежанием каждую свободную минуту. Это два. И, наконец, три — никому она мозги не вправила. Просто мы поняли, что ее не переубедишь. Действительно поздно. Уверю тебя, товарищ секретарь, что и ты не переубедил бы, не смотря на всю твою прыть.

— Но я бы принял меры, чтобы в партизанской санчасти не лечили бойцов наговорами.

Варвара Николаевна пристально посмотрела на него и нахмурилась.

— Хороший ты парень, Николай, жаль только, что ради ложно понятой сознательности частенько отказываешься от крестьянского здравого смысла. Ну, вот возьмем этот случай. Кому был вред от ее шептаний? Никому. Но представим, что начальником санчасти был бы ты и «принял меры» — отстранил ее от лечения раненых (а других мер тут не придумаешь). Кому от этого была бы польза? Никому. А вред — очевидный и огромный.

После непродолжительной тягостной паузы густо покрасневший Зарян выдавил из себя напряженным хриплым голосом:

— Кроме крестьянского здравого смысла есть еще большевистская принципиальность.

Таким его Велик еще не видел. Он был ему неприятен такой, хотя, кто из них прав, кто виноват, Велик еще не разобрался.

Варвара Николаевна собралась ответить что-то резкое — это можно было понять по ее нахмуренному лбу, — но тут вмешалась Лидия Николаевна.

— Ну что это, товарищи, — нарочито плаксивым голосом протянула она. — Ну давайте устроим диспут на эту тему, ну — собрание... А сейчас-то, здесь — зачем? Варя, ты взялась рассказывать об одном, так об одном и рассказывай — не шархайся по сторонам.

— А и правда, — сказала Варвара Николаевна, разглядела лоб, улыбнулась и дружески кивнула Заряну. — Давай устроим диспут. Другим тоже будет интересно... А мой рассказ, собственно, закончен. Анисья Кузьминична открыла нам — многим, по крайней мере — не только лечебные силы трав и плодов, но и их питательные свойства. Какле чаи заваривали наши повара! Какле кисели и компоты варила нам Лида из ягод и дичков! Какле супы из грибов и кореньев! Анисья Кузьминична любила повторять: «В природе че-

ловек не пропадет. Она, матушка, и прокормит, и вылечит, и от непогоды укроет...»

— Да,— вздохнула Лидия Николаевна,— только от пули не уберезет. И саму Кузьминичну не уберегла.

Наступило молчание. Слышалось только похрустывание сахара и хлебной корочки, прихлебывание. Велик, допив свой чай, перевернул чашку вверх дном и поставил на блюде, рядом аккуратно сложил оставленный хлеб и сахар — ровно половину, как и задумывал, и это его радовало. Варвара Николаевна, ни слова не говоря, взяла его чашку, наполнила и поставила перед ним, подвинув одновременно к правой руке хлеб и сахар. Он взглянул на нее и хотел сказать, что он уже все, больше не хочет, но она, качая головой, опередила его:

— В гостях объедков не оставляют. По крайней мере мы своим гостям не намерены позволять это.

И ему ничего не осталось как, смущенно наклонив голову к чашке, продолжить чаепитие. Чтобы скрыть свое смущение и переключить внимание на другое, он спросил:

— Варвара Николаевна, а вы все время в санчасти были?

— А что, не героично? — усмехнулась она. — Что ж, согласна. Но кто-то ведь и там должен был работать. Да на войне и не выбирают — где поставили, там и стой.

Лидия Николаевна тронула Велика за рукав. На доньшкe ее больших карих глаз то разгорались, то затухали насмешливые огоньки.

— Чтобы хоть чуточку уменьшить твое презрение к Варваре Николаевне, сообщаю: последние два месяца она воевала в группе подрывников и даже участвовала во взрыве железнодорожного моста. Ну а я так до конца и проходила в поварах. Можешь меня презирать, мне это не так больно, поскольку вот Зарян меня не презирает. Верно же, Зарян? — Она подтолкнула его под локоть. Зарян в это время подносил к губам чашку, к горячий чай проплеснулся ему на подбородок. Зверски выкатив глаза, он повернулся к ней и картинно заскрежетал зубами.

— Ну и шуточки у тебя, — неодобрительно сказала Варвара Николаевна сестре и обратилась к Заряну: — Я тебя серьезно предупреждаю, Николай: невеста твоя — далеко не мед и не сахар. Так что крепко подумай, прежде чем решать.

— Эх, цам не до меда, Варвара Николаевна. — Зарян отвечал ей, а сам смотрел на Лидию Николаевну. — Нам был бы хлебушко.

Варвара Николаевна позвала Велика в другую комнату. Там она показала ему домашнюю библиотеку — семь растрепанных книжек.

— Мне говорили — ты любишь книги. Что сейчас читаешь?

— Так нечего ж. Газеты только в избе читальне.

— Ну вот, бери у меня, — кивнула она на этажерку. — Прочтешь — что-нибудь еще придумаем.

Велик стоял у этажерки, листал книги. Но занимало его сейчас другое — знает она про свою мать или нет. У него никак не укладывалось в голове, что Настюха Толстопятая, одобрительно повторявшая высказывания Гитлера и вместе со старшиной и старостой заставлявшая учеников гсрбатить на этих фашистских подлабазников, — родная мать Варвары Николаевны. А вот про Мурку — чудное дело — вполне укладывалось, что она сестра, хотя ведь Мурка тоже предательница — со старшинским сыном явшалась. Может, причина в том, что Мурка лицом схожа со своими сестрами?

— Варвара Николаевна, а вы про своих ничего не слыхали? — спросил Велик, не отрывая глаз от странницы, и с досадой подумал, что не надо было цеплять это: вдруг она попросит рассказать, как они тут жили. Что он скажет?

Установилось гнетущее молчание. Когда Велик, пересилив себя, взглянул на учительницу, он увидел, что она сидит на постели, согнувшись и закрыв лицо руками.

— Варвара Николаевна... — почему-то шепотом позвал Велик. Он не знал, что надо говорить и делать. — Варвара Николаевна...

— Они погибли. — Учительница открыла искаженное мукой лицо и глянула в упор на Велика. Голос ее, когда снова заговорила, был тверд, но чувствовалось, что вот-вот сломается. — Вместе с другими немцы впрягли их в борону и погнали на лесную дорогу — проверить, нет ли мин. А дорога была заминирована. Женщина одна рассказала...

Со слезами пополам

Наконец-то ему повезло: в кустах на Сером лугу обнаружился молодой щавель. Уже целую неделю рыскал Велик по лугам в поисках какой-нибудь съедобной травы. Он видел и понимал: рано еще, трава только проклюнулась, и срочная работа с весной нагрянула — надо было копать огород, — и все ж выкраивал час-другой для поисков. Они с Манюшкой подъели все припасы и последние полмесяца существовали неизвестно чем, в основном «гопиками», изредка попадавшими на чисто убранных с осени картофельных полях. Выпадали дни, когда даже съестного запаса не удавалось шлохпуть.

И вот — Манюшка слегла. Понукаемая Великом, она через день — через два ходила в шкелу, высиживала там один, от силы два урока, плелась домой, забиралась на печь и затихала там до следующего выхода. Велика и самого тянуло залечь да и не вставать больше, но было некогда: придя из школы, брал лопату и шел подымать огород, часа через два-три уходил в луга или в

поля на раздобытки, возвратившись, снова копал землю. Оно ведь и дураку понятно: не посеешь — не пожнешь, надеяться будет не на что, сразу ложись и помирай.

Щавелек был еще маленький, с ноготок, но рос обильно в старой прошлогодней траве, не выкошенной меж кустов. Чтобы набить карманы и самому полакомиться, потребовалось много времени. Ладно, нынче пускай огород отдохнет от меня, решил Велик. Надо подкормить Манюшку, а то как бы до смерти не загрызла ее ужака.

Возвращался домой в сумерках. От Навли, от леса тянул слабый ветерок, и был он теплый и томительный, беспокоил и волновал. Велику показалось, что дома ожидает какая-то радость. Письмо от отца, подумал он, и ускорил шаги. Давно не было.

Едва переступив порог, он глянул на стол и увидел солдатский треугольник. Удивился — бывало и раньше, что он загадывал: вот приду сейчас домой, а там — письмо, но ни разу не сбылось. И вот...

На конверте стоял другой обратный адрес, и почерк был не отцов. У Велика задрожали пальцы.

Под диктовку отца писала медсестра:

«Мы только что взяли штурмом большую и хорошо укрепленную крепость (название было густо замазано). Разделали фашистов как бог черепуху. Нам тоже досталось, и все ж радостно — победа за нами. Меня ранило, но пустяково — в руку, в мякоть. Вишь, сам писать пока не могу, пишет за меня сестра Оля.

Скоро, сынок, войне конец, увидимся. Слышно ли что-нибудь про наших с тобой родимых?»

Хотя ранение отца и упоминание про родимых печалило Велика, все ж радостное настроение не унало: главное — не убит и войне скоро конец.

— Ты жива там еще? — крикнул он бодрым голосом.

— Жива пока, — вздыхая и крихтя, тоненьким голоском откликнулась с печи Манюшка. — А видать, стойду. — Помолчала. — Ладно, помру — тятка останется, бог даст. Все равно не удастся под корень нас вывести.

— Черт возьми! Брось-ка ты — «помру, помру»! Все мэй пишет: скоро увидимся.

— Его отпускают, что ли?

— Всех отпустят — вот-вот мир наступит.

— Скорей бы господь дал. Галетов привезут, вот поедем-то. Только от моего что-то долго нету писем.

— Пришлет. У них ведь там работки хватает, не всегда и время есть письмо написать... Слышь, а я щавелю принес, сейчас варить будем. Слезай-ка, помоги мне.

На печи послышалось шевеление, потом Манюшка, с сожалением цогнув языком, сказала:

— Не получается, Вель. Не могу ноги поднять. Они у меня опухли чего-то.

А солнце с каждым днем взбиралось все выше.

Просохла земля, и начались весенние работы в колхозе. Теперь Велик каждое утро запрягал свою Лихую и вместе с девками уезжал на целый день в поле — пахать. После долгого зимнего перерыва кобыла все-таки признала его и беспрекословно слушалась.

Свой огород потихоньку добывала Манюшка. Голод не одолел ее. Правда, одной ногой уже, можно сказать, стояла в могиле, но все ж удалось дотянуть до спасительной поры, когда пошла зелень. Варили щавель, целыми пучками поедали дикий чеснок. А потом семьям фронтовиков колхоз выделил по два пуда картошки на семена. С каждой картошины со всей сторон срезали тонкие ломтики с ростками — это сажать. Оставалась небольшая сердцевина — для варева. Многих поставили на ноги эти похлебки. Манюшку — в их числе.

Как-то вечером, когда Велик, вернувшись с пахоты, сел за стол, Манюшка, поставив перед ним миску с теплым варевом, села напротив, подперла кулаком щеку, как это делала покойная мать, и сказала:

— Все уже посадили картошку, а у Гузевых еще огород не вскопан. Все еле ползает. Так, немножко наковыряли, да что там! Я им буду помогать, ладно?

— Давай. Свой посадили — можно и людям помочь.

— Да все равно... Не осилим мы. Вот кабы ты свой полк прислал...

Велик нахмурился. Он всегда страшно злился, когда «придворные дамы» или другие штатские совали нос в дела армии. Манюшка, пробормотав: «Да я нешто што», убралась из-за стола. Но дело она свое сделала. Велик хлебал щавель, затолченный картошкой, и думал теперь уже про Гузевых.

Справедливо или несправедливо посадили Кулюшку, он не мог окончательно определить для себя до сих пор. Несознательная его душа никак не могла примириться с требованием Общего Дела — за десять фунтов зерна сторвать Кулюшку от детей и посадить ее в тюрьму. Но и бунтовать против Общего Дела он не мог и не хотел. Поэтому старательно изгонял непрощенные мысли про Гузевых. А сейчас думать о них было необходимо. Велик даже подсадовал, что понял это только после подсказки, и то чьей? — малявки.

Что там говорить, нужно посадить им картошку. Надо поговорить с Заряном, решил Велик и отправился на Песок — там вечерами, чуть потеплело, снова начала собираться на гулянья молодежь.

Тут уже играла гармошка, танцевало несколько девичьих пар. Народ только еще собирался. Заряна не было — наверно, проводил работу в избе-читальне. Придет позже.

А ребятня вся в наличии. Те, что побольше — в основном гвардейцы и флотские, — играли со своими сверстниками в «догони». Таня стояла в

паре с Гавром. Ребята поменьше суетились вокруг, занятые какими-то своими делами. В сторонке уединилась небольшая кучка, там от одного к другому плавал в воздухе огонек сигарки. Велик непроизвольно дернулся в ту сторону — остро захотелось курнуть хоть разок, — но осадил себя. Пятого декабря, когда его приняли в комсомол, он дал Тане слово бросить курить и честно держал его. Хотя временами, когда особенно сильно терзал голод, хотелось подбить себя на нарушение — курение все-таки приглушало голодные муки.

Отходя на видное место, Велик трижды пронзительно свистнул и скомандовал:

— Командирам — построить части!

Тотчас круг распался, ребята бегом поспешили к маршалу. Краем глаза он заметил: курцы делали торопливые затяжки, спеша дотянуть сигарку до конца.

Позанимались строевой подготовкой, провели небольшие маневры. После этого ребята поменьше распозлились по домам, а гвардия и флот вернулись к терпеливо ожидавшим подругам продолжать игру. Велик тоже стал в круг. Скоро в паре с ним оказалась Таня.

— Барвара Николаевна просила тебя зайти, — дыхнула она ему в ухо.

Танино дыхание пахло хлебушком, и Велик повернул голову на этот запах, хотя и знал (не раз проверено!), что потом еще звонче заиграют кишки марш.

— А чего это она с тобой передала? Могла б с Манюшкой.

— Манюшки нынче в школе не было. А про нас она же знает.

— Что знает?

— Что мы с тобой гуляем.

— Вот еще! — дернул щекой Велик. — Ничего мы не гуляем.

— Да все это знают, только ты не хочешь знать, — с обидой сказала Таня.

— У самой еще нос мокрый, а туда же — «гуляем»! — Он сердито отвернулся.

— Да не злись ты, — задышала она в ухо. — Ну знают и знают. Кому какое дело?

— Да ты сама всем и растрепала, — с досадой и обреченно сказал Велик. Он заметил подхлывших Заряна и Лидию Николаевну. — Ну, ты найди тут кого-нибудь, а мне надо по делам.

Зарян с Лидией Николаевной пошли танцевать, потом затерялись в толпе, снова танцевали. Велик ждал, когда они сядут, но они, видно, не собирались. Тогда он в перерыве между танцами подошел к ним.

— Коль, у меня разговор.

— Всему свое время, Валентин, — недовольно сказала Лидия Николаевна и потянула Заряна за рукав. — Я хочу танцевать.

— Придется подождать, геноссе, — извиняющимся тоном сказал Зарян. — Не горит?

— Да не горит, — пожал плечами обескураженный Велик. — Я буду вот там, на бревнах.

Да, он был обескуражен. Как же так — к секретарю комсомольской организации приходят с делом, а он отпихивает дело ради танцулек? И эта тоже — «всему свое время»! Учительница, пионервожатая, комсомолка... Если они друг с другом гуляют, то теперь что? Личные дела можно ставить выше общественных? Я ж вот не ставлю — бросил Таню и пошел... Нет, тут одно из двух: либо Зарян «нас на бабу променял», либо... либо я чего-то не понимаю.

— Ну, давай, геноссе, выкладывай, — сказал Зарян, подходя и садясь рядом. Лидии Николаевны с ним не было.

Велик рассказал о бедственном положении детшек Гузеевых.

— Помочь им надо. Может, к председателю толкнуться, чтоб разрешил вспахать огород? Ты член правления, скажи ему.

Зарян, тяжело вздыхая, долго молчал.

— Тут, брат, дело не простое. Гузеевы не одни такие. Ты говоришь, к председателю... Да председатель-то что может сделать? Надо вот какие огромные поля засеять. А у нас всего четыре лошади... Но делать что-то надо. Дай подумать. — Говоря, Зарян все постреливал глазами в гущу танцующих, где в обнимку с одноглазым фронтовиком Иваном Есиным кружилась Лидия Николаевна. Едва смолкла гармонь, он вскочил. — Я побежал, геноссе, а то, чего доброго, невесту из-под носа уведут... Будем думать! — крикнул он уже на ходу.

Велик плюнул ему вслед. Вот она, его печаль-забота! Нет, на Заряна надеяться пока нечего. Надо самому принимать решение... И ничего тут другого не придумаешь, кроме того, что подсказала Манюшка. Обидно, конечно, и досадно, что не сам додумался, ну да ведь что... Дураков учат все, кому не лень.

Решение одно. Только нельзя ведь скомандовать: лопаты в руки — и шагом марш на гузевский огород! У всех есть работа дома, почти все голодают, обессилели.

Сперва Велик уединился со своими ближайшими помощниками — комиссаром и начальником штаба. Коля Мосин, густобровый красавчик, очень гордившийся своим высоким положением в армии, сразу согласился с Великом.

— Надо помочь, а как же! У них отец на фронте, а Митя тоже служит — у нас.

Начальник штаба Валька Доманов, человек себе на уме, высказался хитро:

— Дело-то хорошее, только чего это мы должны подсоблять Гузеевым? У них вон мать сидит в тюрьме. А вот давайте-ка вскопаем огород бабке Гришутихе. У нее два сына на фронте.

Коля возразил, что Гришутихе есть кому помогать — две невестки и внуки. Но Валька уперся: у Гузеевых тоже есть родня, пусть помогает.

Мало ль, что дальняя... Да и вообще — армия не этим должна заниматься, а военной подготовкой, на то она и армия.

— Короче, ты против, — со злостью сказал Велик, подумав: везет же мне на начальников штаба! В Белоруссии Лявон все нервы вымотал, тут этот начинает. — Ну, так и запишем.

— Нет, я не против, — Валька независимо цыркнул сквозь зубы. — Если Гришутихе — пожалуйста.

Велик было загорячился, стал доказывать свое, но комиссар взял его за локоть.

— Брось. Не хочет — не надо. Дело-то добровольное. А вот если начнет агитировать ребят против...

— Агитировать не буду, — перебил Валька. — А сам остаюсь на своей точке.

Потом Велик и Коля провели совещание с составом. Там тоже единодушия не обнаружилось. Все же командиры частей и офицеры, наиболее среди ребят авторитетные, в большинстве высказались за. Каждому из них поручили агитировать двух рядовых.

На второй день, вернувшись с работы и похлебав зеленой похлебки, Велик с лопатой на плече отправился на гузеевский огород. Он шел серединой улицы, чтобы напомнить ребятам вчерашнее решение. Но никто не пристал к нему по дороге, и к Степкиной хате он прибыл в одиночестве, с кислым настроением. Неужели вчерашние разговоры никого не тронули?

Но выйдя по проулку на огород, он увидел радостную картину: десятка два ребятешек и девочек разных возрастов, перекликаясь и пересмеиваясь, дружно пятались от хаты, оставляя за собой свежевскопанную полосу. Велика удивило, во-первых, то, что уже поднят был изрядный кусок, стало быть, давненько трудятся, и во-вторых, — что и девки тут. Хотя, если подумать, чего удивительного: это Велик весь день занят на колхозной работе, а у остальных после школы много свободного времени, и не обязательно ведь ждать Велика; и насчет девочек все понятно — учатся вместе, играют на Песке вместе, почему бы и не поработать вместе? Будем считать, что призвали мирное население прифронтной зоны на строительство оборонительных позиций.

Заметив Велика, Коля Водюшин скомандовал «смирно!», картинно прошел навстречу, красиво бросил руку к потертой и выгоревшей пилотке и зычно доложил:

— Товарищ маршал, передовые части армии выполняют боевое задание. Потерь не имеется. Комиссар армии генерал Водюшин.

«Перед девками выгинается», — с неожиданной неприязнью подумал Велик, чувствуя себя мешковатым, чересчур скуластым и курносым перед этим молодецки стройным красавчиком.

— Вольно, — злясь на себя за эту неприязнь, хмуро сказал он, занял свое место в общем ряду

и вонзил лопату в супесчаную журавкинскую землю.

За всю весну сделали только один выходной — Первого мая. Да и то потому лишь, что люди и лошади совсем пристали, и нужен был хоть небольшой передых.

Велик решил воспользоваться выходным, чтобы провести большие весенние маневры. Сразу после митинга армия строем отправилась от школы на Песок. Здесь разделились на синих и зеленых и разошлись в разные стороны готовить планы разгрома противника.

В разгар игры в куну кустов, где расположился Велик со своим штабом, прибежал Вовка Мотилев и сообщил, что на флот напал совсем посторонний враг и гоняет его почем зря.

— Какой там еще посторонний враг? — недоброльно спросил Велик.

— Сенечка Петечкин. Помнишь его?

— Помнить-то помню, да откуда он взялся? Вовка пожал плечами.

Если идти с Песка в деревню, в третьей хате по левую руку проживало до войны семейство, в котором все назывались уменьшительно-ласкательными именами — Петечка, Митечка, Сенечка. Конечно, шестидесятилетнего старика Петечкой никто в глаза не называл, это стало уже просто кличкой, а неженатые сыновья еще оставались Митечкой и Сенечкой. Сколько помнит Велик, жили они втроем. Потом Митечку взяли на военную службу, Сенечка уехал куда-то учиться на агронома. При немцах он часто появлялся в Журавкине. Приезжал на дрожках, которые играючи катил за собой красивый пегий конь по кличке Дубок. Сенечка был одет в добротный городской костюм, а зимой и в драповое пальто с каракулевым воротником, меховую шапку и легкие чесанки с галошами. Всегда носил при себе пистолет — то в портфеле среди бумаг, то в кармане брюк, то на ремне под костюмом. Где-то под Карачевом Сенечка управлял большим имением.

— Кто ж он теперь? — на бегу спросил Велик.

— Солдат, — пожал плечами Вовка. — Шлотка, гимнастерка, сапоги — все чин чинком. Ногоны с пушками.

— Вот-то радости у Петечки! Один сын на побывку после ранения пришел, не прошло и недели — другой заявился.

— А это уж как водится: кому повезет — радость за радостью катятся, а кому не повезет... — Вовка с горечью махнул рукой: его старший брат всю войну прошел без единой царапинки, а позавчера на него прислали похоронную.

Сенечка стоял у порога своей хаты, широко расставив ноги, крепко сбитый, ладный, краснолицый — похоже, успел уже хлебнуть горячительного. Полукругом, не рискуя подступать к нему ближе, чем шагов на пятнадцать-двадцать, стояли

растерянные «моряки», слушая странную Сенечкину речь.

— Ишь, нацепили погоны, сопляки! Не досрели еще! Не положено! От погон все зло на земле... Ну-ка, быстро сняты!

— Японский городской! Какое твое дело? Мы к тебе не лезем! — закричал Гавро, вытирая кровь на губе. С правого плеча его свешивался на питке сорванный «с мясом» командорский погон. Видно, Гавро побывал в руках у Сенечки.

— Молчать! — взревел Сенечка. — Скажи, пожалуйста, — морфлот! Шпана недорезанная!

— Это ты полицай недобитый! — заорал оскорбленный Гавро.

Остальные тоже были оскорблены. В Сенечку полетели палки, высохшие коровьи ленеги, горсти песка — все, что оказалось под рукой. Сенечка начал выдергивать кол из палисадника, но в это время вышел его отец, пизенький согнутый пополам старик с окладистой бородой и шустрыми глазами.

— Расходитесь, расходитесь, — замахал он руками на ребят. — Чего пристали к пьяному человеку?

— Мы его не трогали, он сам на нас палетел! — крикнул Гавро. — Погоны, вишь, ему наши помешали, морфлот не по нуру!

— Мало ли что пьяный дурак может ляпнуть, — слегка осевшим голосом сказал Петечка и со злостью рванул Сенечку за рукав. — Ну-ка, марш в хату! Марш! — закричал он сдавленным голосом, негромко, но так страшно, что Сенечка подчинился. На прощанье он только погрозил ребятам кулаком, и то молча.

А Петечка остался еще на некоторое время. Оглядев ребят, он заметил Велика и обратился к нему:

— Валентин, угомони своих солдат. Что это на самом-то деле — человек с фронту, нюхнул пороху, пролил кровушку за нашу родную советскую власть, ну, пришел домой, выпил, думал, тут мирная жизнь, глядь — а тут дети в погонах. Вот он и осерчал. Скажи, Валентин, можно осерчать в таком разе? А? — Он цепко вглядывался в Велика, ожидая ответа.

Но Велик молчал. Он был согласен, что «в таком разе» можно и осерчать, однако соглашаться почему-то не хотелось — может, потому, что речь шла о Сенечке, которого он помнил по оккупационным временам, совсем еще недавним, и потому, что говорил это Петечка, который в те времена гордился своим предателем-сыном, радовался, что растащили колхоз, и, разделив землю, снова стали жить одиночно, а сейчас вот поминает советскую власть, называет ее родной. Но и в спор вступать не было причины, потому как факт был налицо: Сенечка — солдат Советской Армии, а Петечка — отец двух советских воинов.

— Морфлот, строиться! — скомандовал Велик... Воевать настроение пропало и, наскоро закон-

чив маневры, ребята разбрелись кто куда. Большая группа осталась на Песке играть в «галю», другая отправилась на Навлю.

День выдался как по заказу — солнечный, безветренный, умеренно жаркий. Пахнуло летом, хотя до лета был еще целый месяц, и в мае, все знали, погода всякое могла выкинуть — и морозцем стукнуть, и снежком припорошить. Даже на Великовом коротком веку такое случалось. Ребята шли распаренные, в распахнутых рубашках. А Гавро никак не мог успокоиться после стычки с Сенечкой.

— Если он переоделся в нашу форму, так уже и наш? — вопрошал он, взлохмачивая пятерней и без того лохматую русую шевелюру и воинственно оттопыривая толстые губы. — Японский городской! В деревне все помнят, как он хлыстиком по валенку постукивал и через каждое слово номинал Гитлера: «фюрер сказал», «фюрер указал».

— Ну мало ли что, — возразил Иван Жаренный, скорее для продолжения разговора, чем за правду. — Раз ему доверили оружие, значит, пристили. Скажешь — нет?

— Японский городской! Да он же всех обдурил! Небось, как попался к нашим в руки, сразу начал петь, что больше всех ненавидел фашиста и крепче всех любил родную советскую власть. Нас же не спросили, значит, ему поверили.

— Ладно, допущим. А теперь-то он уже повоевал, теперь-то с него взятки гладки.

— Выходит так, — неожиданно согласился Гавро, вздохнув. — Выходит, теперь его не уколупнешь.

— Да ты что? — возмутился Иван. — Да, теперь не уколупнешь. А вернись за-автра немец, так он опять побежит к нему. Скажешь — нет?

Послышались восклицания. Спор стал общим. Только Велик не принимал в нем участия. Он не знал, где правда. Вчера Сенечка предал Родину, нынче воюет за нее. Если ему напомнить про вчерашнее, он скажет: «Я попал в безвыходное положение, вот и выжидал нужного поворота событий. Когда выжидал, вел себя соответственно своему месту — и говорил, что требовалось, и ссылался, на кого требовалось». В деревне есть несколько человек, которые были насильно мобилизованы в бригаду Каминского, сейчас они пишут письма с фронта. Есть убитые — за них семьи получают пособие. Есть раненые — эти тоже искупили вину. Ну а те, кому повезет и они останутся живы? Они тоже искупили? Или нет, раз выжили?.. Про Сенечку отец кричал, что он «пролил кровушку». Значит, был ранен и, стало быть, тоже искупил свою вину.

Так, ладно. Судить его не будут, потому как он больше не виноват. Но понял ли он свою вину? Переродился назад из фашиста в нашего? Не изменит завтра, если подвернется случай? А эти, насильно мобилизованные, не поднимут опять про-

тив нас оружие, если их снова начнут заставлять, грозя суровыми карами? Ведь поднимут же, сволочи!

Так, осади назад, приказал себе Велик. Ты-то кто такой, чтобы судить? Тебе кажется, что в любых обстоятельствах будешь поступать как надо?..

Дважды искупавшись в холодной еще Навле, набив карманы и запазухи щавелем, чесноком и котиками, ребята возвратились в деревню перед вечером.

Еще издали заметили какую-то возню возле Петечкиной хаты. Когда подбежали, оказалось — дерутся Митечка и Сенечка. Вокруг метался всклокоченный жалкий Петечка.

— Сенечка! Митечка! — выкрикивал он, то умоляя, то грозя. — Сыночки! Будя! Ну будя! Пошли выпьем! Стоит же! Сынки! Чтоб вас гром побил! Чтоб вы подошли! На всю деревню осрамили! Сыночки!

Изредка он пытался влезть между сыновьями, но кто-нибудь из них отпихивал его ладонью в грудь, иногда так сильно, что старик со стоном плюхался на песок. Тяжело дыша, сидел малое время с закрытыми глазами, потом вскакивал и снова начинал с криками топтаться вокруг сыновей.

Братья были одеты по всей форме. На Митечке — бескозырка с ленточками, черная форменка, брюки клеи и ботинки, на Сенечке — пилотка, гимнастерка, брюки и кирзовые сапоги. У Митечки по подбородку стекала струйка крови и падала каплями на тельняшку. Ненавидяще глядя на брата, часто сглатывая слюну, Митечка выталкивал из себя тяжелые и черные слова:

— Фашистская сволочь... тварь... гитлеровский подтирало... Думаешь, спасся в красноармейских погонах?

Сенечка был плотнее и здоровее тонкого, узкоплечего, обескровленного раной брата. Даже с первого взгляда было ясно, что Митечка еще не совсем поправился, что же до пролитой Сенечкой кровушки, то она, видно, была лишняя — слишком тугое и цветущее было у него лицо, слишком живо и ловко вертел он кулаками. Моряк не сдавался, но было ему туго.

Изловчившись, Сенечка саданул брата в грудь, да так, что тот пошатнулся и, с трудом устояв на ногах, отступил на несколько шагов.

— Долбали мы ваш флот! — крикнул Сенечка с ненавистью и злорадством.

— Нет, врешь, фашист! Флот наш вы никогда не били! Полундра! — С этим возгласом Митечка рванулся навстречу братниным кулакам.

Ему пришлось бы несладко, но тут в ответ на его призывный крик Гавро тоже заорал «полундра» и сзади бросился на Сенечку. За ним — еще четверо. Гавро сомкнул ладони на Сенечкином лице и, сделав сзади подсечку, рванул на себя. Прием этот в ребячьих драках был безоши-

бочен — схваченный так противник валился на спину. Но командор не учел одного — прием срабатывал лишь в том случае, если силы были примерно равны, да и вес тоже. Сенечка не только устоял на ногах, но отшвырнул парня от себя. Однако в него уже вцепились, на нем повисли другие ребята, вместе с набежавшим моряком и снова подоспевшим своим командиром они свалили Сенечку и прижали к земле.

— Вяжите его, вяжите! — кричал Петечка. Он сбежал в сени и вернулся с мотком вожжей. — Руки, руки крутите!

Сенечка катался по земле, отбивался ногами, но теперь и остальные ребята навалились на него. Клубок тел ворочался, издавая нечленораздельные звуки и натужные возгласы.

— Мразь... поганка... — бухал Митечка, стягивая брату руки.

— Слабо вам с нашим флотом... — кричал Велик, помогая ему.

Когда Сенечку связали, старик вдруг упал рядом с ним лицом вниз и зарыдал. Сквозь растопыренные пальцы, сжимавшие лицо, прорывались искаженные рыданиями слова:

— Не того бы... вязать... а пришлось... своими руками... и не того... Где бог?..

На второй день утром к Петечке явились прибывший из Соколова участковый уполномоченный Третьяков и Зарян.

— Оружие! — первым делом потребовал Третьяков у Сенечки.

— Нету и не было, — хмуро ответил тот. — Я разбойничать не собирался. Только повидать старика-родителя...

— Только потому и сбежал из заключения? — с издевкой спросил Зарян.

— Нет, конечно... Думал: пристроюсь где-нибудь, укроюсь, — словно оправдываясь, сказал Сенечка. Он сидел за завтраком и успел уже выпить. — А постраниковал среди людей — убедился: жить долго под чужой личиной не смогу. Понял, что зря сбежал. Отсидел бы свои пять лет... А теперь прибавят. Эх!.. Может, выпьете? А?

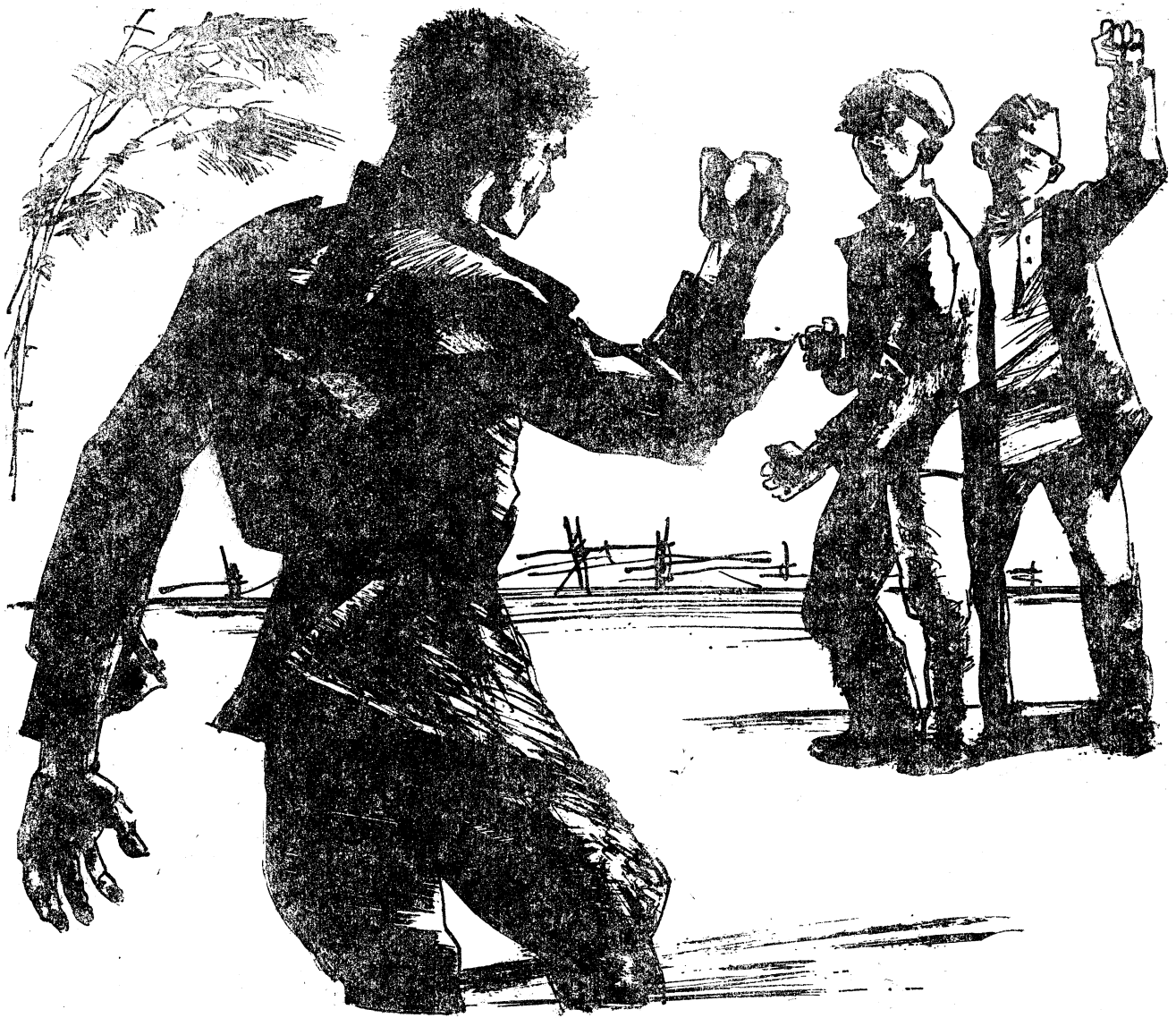
— Закругляйся, — сказал Третьяков. — И спиши поганы. Хватит прикрываться.

— Где бог? Где бог? — бормотал Петечка.

— Нету бога, отец, — зло сказал с печки Митечка. — А если есть, то он не с фашистами, будь уверен.

Весенние работы были в полном разгаре. Уже несколько дней кснная группа боронила поле под пшеницу недалеко от деревни. Были тут Велик, Иван Жареный, Гавро и Валька Доманов.

Валька пахал на Гитлере. Тот был еще слаб, часто останавливался либо путался в постромках, раза два даже падал. Как раз в один из таких

незапланированных перерывов, когда Велик помогал Вальке поставить Гитлера на ноги, на поле появилась Манюшка. Исхудавшее, чуть тронутое весенним загаром лицо ее было заплакано.

— Велик, — сказала она беспомощно и протянула ему листок бумаги. — Вот... Смертью храбрых...

Это была похоронка на ее отца. Пока Велик читал, Манюшка с какой-то истовой надеждой смотрела ему в лицо, будто ожидая, что вот сейчас он прочтет и, улыбувшись, объявит ей, что это ошибка, что, конечно же, ничего подобного не случилось. Краем глаза он уловил этот ее ждущий взгляд и не знал теперь, что ему делать и что ей сказать.

— Откуда она у тебя? — не отрываясь от бумаги, тихо спросил он.

— Почтальонша принесла, — с готовностью,

все еще ожидая от него защиты, ответила Манюшка. — Говорит, из Кречетова передали. Они ж там знают, что я в Журавкине.

— Ты погоди плакать, — сказал Велик, сложил листок и спрятал его в карман. — Может, это не на него. Может, кто есть другой с такой фамилией... и с таким именем... и с таким отчеством. Я вот завтра схожу в Кречетово и разузнаю.

Он пошел к своей лошади. Манюшка, спотыкаясь, плелась рядом и, заглядывая ему в глаза, говорила:

— А правда, может же быть, да? Чтоб двое — и фамилия одна, и звали одинаково, и по батюшке? Верно?

Велик взял вожжи и понукнул лошадь. Ему тяжело было говорить Манюшке неправду, хотелось, чтобы она ушла. Но Манюшка теперь сидела рядом и требовала подтверждения своим

неправдоподобным предположениям: «Да? Верно? Правда ж?» И он кивал и мычал что-то невразумительное, а чаще отворачивался, попукал и подгонял Лихую.

Так они обошли круг, а когда вернулись к дороге, здесь их ждали остальные боронильщики и среди них — сияющий красавчик Коля Водюшин. Едва они приблизились, он заговорил, захлебываясь и ликуя:

— Ну вот, все в сборе... Теперь можно... Я нынче посыльный в сельсовете, вот сижу, ничего такого не жду, тут телефон — дзы-инь!..

— Да не гяни японский городской! — не выдержал Гавро. — Что? Говори сразу!

— Победа, вот что! Председатель велел — всем на митинг!

Наступило молчание. Все как будто растерялись. Ждали эту минуту, мечтали о ней, а пришла — не поняли сразу и не поверили.

Велика тоже сперва пришибла эта новость. Раскрыв рот, он ошалело глядел на Колю, а потом вдруг пошпрыгнул и побежал по дороге, потрясая в воздухе кулаками и крича во все горло:

— Ур-ра! Победа! Победа! Ур-ра!

За ним с криками бросились остальные.

У самой деревни, когда Велик перешел на шаг, его догнала Манюшка. Она плакала навзрыд.

— Да ты что? — напустился на нее Велик, от радости забывший все на свете. — Ведь победа!

— Да, тебе хорошо радоваться! — сквозь рыдания кричала Манюшка. — Твой жив остался, теперь придет, а моего-то уби-ли-и!

Утро без дня

Первое мирное лето в Журавкине было прежнему голодным и тревожным. После победы все, у кого мужики воевали, с замиранием сердца ждали писем, уже послевоенных. Сперва приходили еще фронтовые, эти уже не радовали, наоборот, сгущали тревогу: мало ли, отправил письмо и тут же нарвался на пулю.

Велик тоже ждал. Но письма вдруг почему-то перестали идти, и он не находил себе места. И работа не отвлекала: посевная кончилась, наступила «большая перемена». Читал, играл с ребятами в войну, выпускал стенгазету, ходил на Навлю за щавелем и другой съедобной травой. Но разве заслонись от тревожных мыслей?

Как-то перед вечером зашел к нему Иван Жареный.

— Слушай, маршал, есть предложение: поехали-ка на У-ук-раину. Хоть хлеба чистого поедим вволю. А то ведь совсем отошал. Скажешь — нет?

— А где ты его возьмешь, хлебец-то?

— Наймемся на работу. А нет — по-обираться пойдем.

Сползла с печи Манюшка, села у стола, скло-

нившись подбородком на руки, и внимательно стала смотреть на Ивана.

— А нешто там есть чистый хлебушек? — спросила она.

— Говорят, есть. Васька Бык приехал с Западной Украины — вот та-акая ряшка! Говорит, и понятия не имеют подмешивать в хлеб. Чистенький, как золото.

— Поедем, Велик, — сказала Манюшка. — А то меня ужака совсем дождет.

— Ну вот, и куда с такой ехать? — недоволенс пробурчал Иван. — Придется и по вагонам лазить, и под вагонами, и... не знаю, где еще. Вон послушай-ка, что Ва-аська рассказывает...

— Знамо дело... А мы лазили и на вагоны, и под вагонами, правда, Вель? Так что, может, я еще и тебя могу поучить, — она глянула на Велика, сторбизшегоса на лавке, на его наморщенный лоб, поняла: соображает — ехать или не ехать, взять ее или не брать. — Если меня не возьмете, я тут помру, ей-богу, вот увидите.

«А чего и не съездить? — подумал Велик. — Дни побегут быстрее, и подкормимся, и не будем каждый день с утра до вечера ждать почтальона, а потем всю ночь думать, что с отцом».

— А куда поедем-то?

Иван поерзал на конике, усаживаясь поудобнее.

— Я ж сказал: на У-украину.

— А Украина что тебе — станция? Слезай — приехали?

— Ну... Забыл я. Не беда — Васька дорогу знает.

— А мы что, с ним? — набычился Велик.

— Ну и что? — Скрывая смущение, Иван начал потирать логонько подушечками пальцев рубцы на лице. — Все ж как-никак знает, куда ехать, и как ехать, и... му-ужик уже, скоро в армию заберут.

Велик вдруг обиделся

— Подумаешь, мужик! Не в том дело, что по годам старше. Он, например, не в комсомоле, а я в комсомоле, и он будет мною командовать?

— Командовать он за-ахочет, это точно. Ну, дак а как же иначе? Раз ведет, значит, командир. Другое дело, если начнет выкаблучиваться... Нас двое, что ж мы станем пятки ему чесать?

— Пятки, пятки... при чем тут пятки? — пробормотал Велик. Он не знал, что возразить Ивану, тот правильно говорил, но все его нутро восславало против Васьки Быка. — Вот скажи: чего он в комсомол не вступил?

— Ну, допустим, не хочет. Я как-то слышал — с Заряном они ругались. Не знаю, из-за чего там у них затеялось. Васька кричит: «Подумаешь, комсомольцы! Если захочу — завтра безусловно буду в комсомоле!» А Зарян ему: «Ну захоти! И поглядишь, как мы тебе, уркагану, трусу, дадим от ворот поворот! Думаешь, мы забыли, как из-за тебя немцы чуть не расстреляли наших журавкин-

ских ребят? Не забыли — вот она, памятка». И постучал по своей резиновой ла-адони.

— Ага, ну вот видишь.

— Что «видишь»? Я тогда на Навле с вами не был, знаю только по рассказам, что Васька украл у немцев топорик, и они хотели за это всех ребят пострелять. Всю вину взял на себя Зарян, и они отрубили ему руку... Ну, это все ясно. Я ж и не говорю, что Ва-аська Бык — золотой человек. Просто — знает дорогу, а мы не знаем. Он ищет себе компанию. Потому и просил с тобой поговорить.

— Не поеду с Быком, — глядя исподлобья, сказал Велик.

— Да ка-акой у тебя резон? — начал злиться Иван. Белые рубцы на его лице зарозовели. — Резона-то нет. Ну, не комсомолец, и черт с ним! Не в атаку ж мы — всего-навсего побираться. Скажешь — нет?

— Не поеду с Быком, — упрямо повторил Велик, сам не понимая своего упрямства. — Ты — как хочешь... А мы с Манюшкой вдвоем не пропадем.

Сейчас же Манюшка вскинула голову.

— Иди, иди, обойдемся без всяких тут... Шлепай к своему Быку... и спаси вас господь.

Иван поглядел на Велика, на Манюшку, рассмеялся.

— Верный у тебя щенок. Чуть большая собака забрехала — сразу начинает подтягивать. Скажешь — нет?

— Неверных не держим, — улыбнулся и Велик.

— А ты не обзывайся, змей Жареный, — обиделась Манюшка и полезла на печь.

Вышли затемно — до Навли было восемнадцать километров, топать да топать. Двинулись не гатью, а тропинками в обход деревень, через луга, кочкарники и кусты. Пешие все ходили этим путем, потому как считалось прямее и ближе, а так ли это и насколько ближе — никто не знал.

Тропинки были плотно утрамбованные и широкие. Велик и Иван шли рядом, Манюшка сзади. Налегке шагало ходко. Изредка перебрасывались случайными фразами, а больше молчали — каждому было о чем.

У Велика в холщовой сумке, что ерзала по спине, лежали еще две свернутые пустые сумки, под ними последняя пригоршня желудей. Приятно тяжелила ношу полуковрига хлеба. Велик перебирал в памяти подробности вчерашнего вечера, вернее, его конца, когда он пошел провожать домой Таню Чуркову.

В общем-то, ничего особого не было — шли, разговаривая о том о сем, потом сидели в ее палисаднике, на завалинке между окон, шепотом обмениваясь незначущими словами. Между прочим он сообщил, что завтра в это время уже во-он где будет. И тут Таню как будто подменили. Она на-

чала суетиться, ерзать, вздыхать и болтать всякую ерунду, вроде того, что, мол, когда ж мы теперь свидимся и будет ли он скучать по ней. Потом она сходила в хату и вынесла эту самую полуковригу. Он было взъерошился: «Ты что?» Но Таня сказала:

— Если не возьмешь, я... я не знаю, что сделаю... я тебе глаза выпарапаю... или вцеплюсь в тебя и буду кричать и плакать, пока народ не сбежится. Опозорю... А скорей всего, я просто помру. Вот. — Голос у нее дрогнул, и Велик услышал, как она глотает слезы.

Он понял, что его намерение отказаться от хлеба неуместно, что это не подачка, а дар от чистого сердца и с любовью. Он положил его на колени, поспел, справляясь с непрошеной слезой, и пропентал:

— Попадет тебе.

— Молчи, молчи.

Они посидели еще какое-то время, показавшееся невыносимо долгим. Незнакомое волнение охватило его, стало так, будто он подсматривает за ее душой, откликаясь на каждое ее движение таким же движением, и ему было тягостно и стыдно от этой близости. Он все хотел встать и не мог решиться порвать живые нити, что соединили их души.

Наконец пересилил себя. Таня проводила его на дорогу, обняла и поцеловала в губы.

— Приезжай скорей назад, — пропентала она, — я буду ждать.

Он пошел, и ему не было почему-то досадно от всего этого, а было щемяще-приятно и все еще немного стыдно. Как будто из своего привычного мира он попал в другой, где все по-другому, и сам стал другим.

Шагая сейчас сквозь высокий кустарник, скрывавший невысокое еще солнце, Велик вспоминал каждое слово вчерашней Тани, каждый ее жест. У него сладко ныло сердце, и он боязливо оглядывался на Ивана — не подслушивает ли он его мысли?

А Иван, поглядывая сбоку на Велика и видя его взволнованность, думал о том, что и дружок его малость дрейфит перед неведомой поездкой, даром что повидал свет. Сам Иван временами просто трусил. В свои четырнадцать лет он немало пережил — и горел, ожидая взрыва, и прятался неделями в кустах, ежеминутно прислушиваясь, не идут ли немцы, чтоб расстрелять всю семью. И при всем том Иван никогда не ходил дальше Соколова, райцентр Навля казался ему краем света, а ехать ведь собрались еще дальше, за край.

Позже, убедившись, что Велика волнует не дальняя поездка, а что-то другое, он успокоился и начал стыдить себя за трусость. Вон даже Манюшка — девчонка, мелочь пузатая, а и то нос кверху. Поспешает, как будто в гости, и глядит весело.

У Манюшки и в самом деле было хорошее настроение. Встряска, дорога, какие-то приключения впереди, и все безопасно: немцев нет, властителей — нет — чего бояться? Об отце Манюшка не думала. В тот день, когда пришла на него похоронка, она голосила до самого утра, а к утру едва не умерла от сердечного приступа. Еле отходили соседи, отпила какими-то отварами бабка Варелиха. И тогда она поняла, что думать ей об отце нельзя, и надо похоронить его в душе, как похоронила остальных своих родных — мать, сестру и братьев. Иначе не выживет и сама.

В Навлю пришли в полдень. На улицах было оживленно: служилый народ валил из учреждений на обеденный перерыв. Встречные бросали на ребят спокойные скользкие взгляды — навиделись таких. Только одна девка — смуглая, в комбинезоне и повязанной на лоб синей косынке — пристально оглядела их. Приостановилась даже, всматриваясь, а когда они, потупясь, прошли мимо, вдруг окликнула:

— Велик!

Сперва он подумал, что ослышался, но Манюшка толкнула его локтем под бок.

— Тебя кличет какая-то.

Велик оглянулся. Девка шла к ним. Лицо ее было знакомо. Вглядевшись, он узнал Милицу.

— Это что ж вы, — сказала она, подойдя и положив ему руку на голову, — богатыми стали, что ль, знакомых не признаете?

— Попробуй узнай тебя, — смущенно ответил Велик, отклоняя голову, чтобы высвободиться из-под руки. — В этом комбинезоне ты на малого похожа. Если бы не косынка — малый и малый.

Милица другой рукой подгрела к себе Манюшку.

— А я на складе райпотребсоюза грузчицей работаю, это моя спецодежда... Ну, пошли к нам, отдохнете, расскажете про житье-бытье.

— Да не, нам неколи по гостям, — не очень-то приветливо сказала Манюшка.

Велику неловко стало за эту ее неприветливость, к тому ж он неожиданно для самого себя обрадовался Милице.

— Можно. Мы и правда немного пристали.

Иван не возражал — он даже как будто облегчение почувствовал, что поездка хоть на чуть-чуть отодвигается. А Манюшка перечить не посмела.

Милица привела их к небольшому домику с крытым крыльцом, под драпкой. Внутри было две комнаты. В передней один угол занимала русская печь, напомнив ребятам деревню, но больше ничего деревенского не было: ни лавок вдоль стен, ни коника, ни полницы, ни божницы. Чисто выскобленный пол из мелких плотно подогнанных одна к одной досок, на тепло-коричневых деревянных стенах — фотографии и портреты в рамках с резьбой, накрытый красивой, с вышивкой, льняной скатертью стол.

Из задней комнаты вышла низенькая круглолицая женщина с русской короной на голове. Настя, догадался Велик: она действительно чем-то неуловимым была как будто схожа с Милицей.

— А это что за народ к нам нахлынул? — спросила она певуче, с улыбкой, необидно.

— А это, помнишь, я тебе рассказывала — ехала домой с ними вместе, журавкинские... — Она занулась, и Велик догадался: хотела сказать «сиротки», — мальчик и девочка. Ну, а это с ними. Откуда — знаем, а куда — может, расскажут.

— А что там рассказывать, — махнула рукой Настя. — На Украину за хлебом, вот куда. Каждый день станция забита такими же... Садитесь-ка, ребятки, к столу, перекусите перед дорожкой. У нас тоже и худо, и бедно, а все ж перебиваемся — и карточки дают, и базар под боком.

Настя выкатила из печи чугунок, налила ребятам по тарелке супу, дала по маленькому кусочку хлеба и ушла с Милицей в сени.

От супа поднимался парок с городским концентратным душком, и ребята долго нюхали и вдыхали этот вкусный скромный дух.

— Во какой суп! — восторженно прошептала Манюшка. — Как у солдат. Помнишь, Велик, в Комарах ели? Не то что наша похлебка.

— Затолкни нашу похлебку мясом — тоже не хуже будет, — рассудительно сказал Иван.

— А хлебушко чистый, — не унималась Манюшка. — Даже до Украины не доехали, а уже чистый хлебушек едим.

Едва замолкло позвякивание ложек, вошли хозяйки.

— Ну что, подкрепились малость? — сказала Настя и поманила Манюшку за собой в заднюю комнату. Милица прошла вслед за ними.

Через некоторое время они вышли все трое. Шедшую впереди Манюшку было не узнать — так изменила ее городская одежда. До этого, уже больше полгода, Манюшка ходила в балахоне, сшитом из мешка еще Кулюшкой Гузеевой незадолго до ареста. Кулюшка не была большой мастерицей, разных там фасонов не знала и смастерила вещь просто, без затей, по здравому разумению — обрезала мешок по росту Манюшки, прорезала дырки для головы и рук, из остатков сшила воротник, рукава и пояс. Однако, как всякая деревенская женщина, она обшивала свою семью и простейшими портняжьими приемами и навыками владела, потому одежда все ж была похожа на одежду — и ворот как ворот, и рукава как рукава, и петли для пуговиц обметаны. Манюшка бесцельно носила это одеяние, оно словно приросло к ней, и Велик не замечал ни материала, ни фасона — платье как платье. А вот сейчас глянул на нее в другой одежде и понял, что старая была никаким не платьем.

Сейчас на Манюшке красовались голубой миткалевый сарафан и зеленый суконный жакет. И все это приталено и схвачено, где нужно — как

будто на нее и шито. Конечно, одежда эта была и ношена, и не раз стирана, но все равно Манюшка гляделась в ней не хуже любой городской девки, а может, и получше многих.

— Ну, вот, — удовлетворенно сказала Настя, оглаживая Манюшку сзади, — и пристроили одежду. Аленка-то моя из нее выросла, а Маньке, вишь, в самый раз. Носи на здоровье.

— Спасибо вам, — сказал Велик и поклонился Насте. — И за обед, и за одежду.

Молча поклонился Иван, а Манюшка, повернувшись, ткнулась Насте в живот.

— Ну, нам пора. — Велик заторопился. Он искренне был благодарен гостеприимным женщинам, но ему хотелось поскорее уйти — уж больно беззащитно чувствуешь себя, когда начинают над тобою ахать и ронять слезы.

— Ну, пора так пора, — сказала Милица. — А на дорожку я вас лимонадом угощу. Не пили, небось, ни разу лимонад-то?

— Да где... — отозвался Иван.

Милица принесла из сеней бутылку и разлила лимонад в стаканы. У Велика захватило дух, когда он глотнул, и слезы выступили — такшибануло в нос. А сладость была неопиcуемая. Эх, вот это да!

И на Манюшку с Иваном лимонад произвел такое же ошеломляющее действие — по дороге на станцию все трое молчали, а когда подходили к вокзалу, Велик мечтательно произнес:

— Вот когда в колхозе начнут платить за работу, накоплю деньжонков и куплю сразу две бутылки лимонаду. И тут же выпью без отрыва.

— Куши три, — сказала Манюшка. — Одну — мне.

В пульмане, куда забралась ребят, посередине были сложены штабелем доски. Только уселись у передней — по ходу поезда — стенки, на высоком борту вагона показалась растрепанная лобастая голова Васьки Быка.

— Гля, земляки, — удивился он и ухмыльнулся, и по этой плутоватой ухмылке можно было догадаться, что удивление его неискренне: скорее всего Васька за ними следил, может, от самого Журавкина.

Велик сердито дернул щекой. Но ничего не поделаешь — вагон казенный, места не куплены, никому не запретишь ехать.

Спрыгнув к ребятам, Васька кинул свою котомку к стене, а сам пошел шнырять по вагону.

— Перво-наперво, безусловно, разведка, — сказал он уверенным тоном бывалого человека.

Где-то впереди загрели вагоны, поезд дернулся и пополз, набирая скорость.

Слева из-за штабеля раздался злой Васькин голос:

— Ну нет, хмыри, жратва моя несомненно, раз я нашел!

Иван и Велик бросились туда, наказав Манюшке сидеть у вещей. Между штабелями и стенкой вагона был узкий проход. В конце его, расставив ноги, стоял Васька. Лево́й рукой он что-то прижимал к груди, а правой отбивался от двух пацанов постарше Велика, но помоложе Васьки. Они насакивали на него с двух сторон, пытаются вырвать добычу. Делали они это молча, лица у них были не злые, а сосредоточенные, деловитые. Увидев подбежавших к Ваське ребят и поняв, что это ему подмога, они все так же молча и деловито отошли к задней стенке и сели там, не обращая больше никакого внимания на своих противников.

Журавкинцы вернулись на свое место.

— Во, видал? — победно сказал Васька, показывая два больших куска белого хлеба. — Кто-то в штабель схоронил... Запомните: на новом месте надо сразу сунуть нос во все дырки. Безусловно, может что-нибудь обломиться на твою долю. — Он протянул Велику один из кусков. — Это вам, попробуйте беленького. А это мне. — Васька принялся сноровисто уплетать хлеб.

Все это событие, включая и Васькину щедрость, примирило с ним Велика. Что ж, совсем неплохо иметь в компании бывалого смелого человека. Ну, а начнет командовать — можно послать подальше, мы ж тебе не навязывались, сам к нам пристал.

— Ребятам тем тоже не мешало бы отломить на зубок, — сказал Велик. — Тоже ведь есть хотят.

Васька глянул на него с насмешкой.

— Во-во, сходи к ним, они тебе накостылят по шее. Запомни раз и навсегда: тут ты никакой не комсомолец, да и вообще не человек. Тут ты бродяга, а если говорить всю правду, то просто шпана. И законы тут, естественно, свои. Вот ими и живи, иначе будешь регулярно обманут и бит.

Больше происшествий в дороге не было, если не считать того, что однажды чуть не отстала Манюшка...

Далеко забралась журавкинцы — аж в Западную Украину! Васька Бык сказал, что ближе не стоит и ехать — все обхожено нашим голодным братом, подают уже неохотно, а на работу не берут, — куда? — у них тоже колхозы.

Высадились на небольшой станции Витры. Васька завоевывал у ребят все больший авторитет. На рынке нашел какого-то дядьку, договорился, и вот уже все четверо бредут по пыльной проселочной дороге в неведомое село Поречье. Дядька укатил вперед, нагрузив фуру какими-то тяжелыми покупками. Им сказал название села и рассказал, как до него добраться. Манюшку приглашал на подводу, но она не захотела: после того случая, когда чуть не отстала, в ней прочно поселился страх — как бы не остаться одной. Изнывая от зноя, брела она сейчас вместе со всеми

и вместе со всеми изнемогала от жажды. На рынке удалось разжиться хлебушком, ребята перекусили, потом, когда вышли в путь, наелись в поле до отвала пшеничных зерен. А тут еще жара и мучила жажда.

Ребята плелись нога за ногу. Особенно жалко было смотреть на Манюшку: и голова, и руки, и все тело ее как будто обвисли, и было непонятно, как держат их обмякшие ноги. Велик подождал, пока она поравняется с ним.

— Ну вот, теперь твоя ужаса сдохнет.— Ему хотелось отвлечь ее от жажды, ободрить.

— Сейчас бы лечь, открыть рот и притвориться, что заснула,— прошелестела в ответ Манюшка.— Тогда бы она выползла... Я, Вель, наверно, не дойду. У меня как будто все сползает книзу, а я не могу удержать.

— Ну, возьми за меня — легче станет.

Она ухватила рукой за сумку, болтавшуюся у него на спине. Велик почувствовал, как веревочные лямки врезались в плечи.

— Ох, лучше, наверное, не есть, чем не пить,— сказала Манюшка.— К голоду я уж вроде и привыкла, а к безводью, вижу, не привыкнешь.

— Ничего, ничего, скоро придем... Хочешь, научу, как легче терпеть? Ты все время старайся думать, что это рано или поздно кончится. Ведь в жизни все кончается.

— Все-все? — Манюшка некоторое время шла молча, и Велик понаблюдался, чувствуя, что отвлек ее.— Вот все-все-все?

— Ну да,— бодро ответил Велик, думая не о самом разговоре, а о том, что наконец-то зацепил ее — Живые помрут, а неживые засохнут, разрушатся, сгорят, развеются.

— Как страшно,— прошептала девочка и вдруг заплакала.— А зачем же тогда все? И зачем мы мучимся?

Велик растерянно пожал плечами.

— Чтобы жить... наверно... О-о, глянь-ка! Речка! Вода! Ура!

Неожиданно кончилось поле высокой ржи, скрывавшее горизонт, и открылась зеленая пойма, заполненная ребятишками, коровами, стадами гусей и уток. Посередине царственно возлежала река, блестя под солнцем и дыша прохладой.

Забыв обо всем на свете, ребята резво бросились вниз по дороге.

Райское житье настало у журавкинцев. Конечно, от темна до темна работали, и работа была нелегкой: Васька в поле косил хлеба, Иван и Велик цепами молотили рожь на току, сгребали зерно в вороха, провеивали на ручной веялке, насыпали в мешки, Манюшка пасла трех хозяйских коров. Уставали до ломоты в костях, особенно в первые дни, зато трижды в день от пуза наедались добрым харчем, и поднимало дух сознание, что домой увезут по два-три пуда заработанного зерна.

Каждый вечер после работы и ужина сумер-

ничали в саду. Сидели на грубо сколоченных лавках вокруг самодельного стола и, лениво похрустывая яблоками, вели пустячные необязательные разговоры. Иногда к ним выходил хозяйский сын Микола. Ему было лет двадцать пять, но на войне он не был: какая-то болезнь легких мучила его. Даже в жару днем он носил суконную куртку и заматывал шею шарфом. Работал Микола в райцентре, каждый день ездил туда на велосипеде. Он не берегся от солнца, но лицо его не загорало и оставалось таким белым, что даже в темноте как бы светилось. Микола довольно чисто, хотя и с акцентом, говорил по-русски.

— У моего батька,— рассказывал он,— большое крепкое хозяйство. А работать некому: были две дочери, мои сестры, вышли замуж, ушли из семьи. Мне физический труд врачи запретили. Батько с мамой одни не управляют. Значит, что? Надо иметь наймитов. Ну, пока еще война только-только закончилась, пока советская власть у нас тут не устоялась, с этим не проблема. А потом ведь не разрешат. Тогда что? Тогда или оставь себе лошадь, корову и клептик земли, что в силах двое обработать, или раскуркулят и все заберут в колхоз. Вот и выходит, что батьку моему новая власть невыгодна. А таких, как он, у нас много.

Васька Бык сразу уловил, откуда и куда дует ветер.

— У вас народ лучше живет, чем у нас, при советской власти,— заметил он.

— Так ясно ж. Факт налицо: не мы к вам за хлебом ездим, а вы к нам.

— Абсолютно верно.

В два голоса они начали хаять колхозы. Велик и Иван слушали молча. (Манюшки за столом не было — она пасла неподалеку на поздно созревшей черешне.) Велика подмывало вмешаться в разговор: и комсомольский его долг требовал, и крестьянское естество протестовало против Васькиной кровной измены — он поступал так, как если бы, придя к соседям, начал выдавать, что у него в семье творится, и поливать грязью отца с матерью. Но Велик себя сдерживал: от знакомых сверстников, с которыми купались в обеденный солнцепек в тихой Волошке, журавкинцы знали, что в Поречье время от времени тайно наведывались бандеровцы из недалекого леса. Он не хотел, да и боялся себя раскрывать — шлепнул мимоходом, и кому от этого польза? Но когда укладывались спать в сарае, Велик сказал Ваське:

— Ты бы попрдержал язык. Что тебе плохого сделала советская власть?

— Ты меня, вероятно, учить вздумал? — отпрыгнул Васька.— Не трудись — ты для меня никакой не комиссар.

— При чем тут «учить», «комиссар»? — подал голос Иван.— Противно слушать твои поддакивания этому... И стыдно!

Васька посбавил тон.

— Дураки вы в конечном счете. Слыхали, как он настроен? Начни я говорить ему поперек, что получится? Может, он связан с этими, лесными. А вероятно, и сам...

В Васькиных словах был резон.

— Не обязательно поперек, — проворчал Велик. — Но и хаять власть никто тебя за язык не тянет.

Он повернулся на бок, подложил под щеку сожмнутые ладони, и сон сморил его. Уже в полусне почувствовал, как Манюшка осторожно шарит пальцами по его глазам.

— Вель, ты сейчас как спишь — с закрытыми глазами? — зашептала она ему в ухо. — А то как мы ехали, ты заснешь, а у самого глаза открыты. Мне страшно: говорят, кто спит с открытыми глазами — это перед смертью.

— А, каб тебя раки съели! — застонал Велик. — Отвяжись ради бога!

Манюшка еще что-то шептала, но он уже не слышал — как будто провалился в темную и глухую яму.

Велик проснулся от рези в животе.

«Сразу после молока огурец съел, — вспомнил он. — А потом яблоки молотил целый вечер. Теперь вот вылезай из нагретого лежища и тащись в сырую холодину».

В первые дни жизни в Поречье все они мучились животами — переждали, а ослабевшие желудки не справлялись с непривычно большой нагрузкой. Потом все вошло в норму, и только изредка жадность к еде одолевала то одного, то другого, набрасывались на все подряд, лишь бы побольше натоптать в себя — близкое возвращение в голодное Журавкино подстегивало волчью не-

насытностью. И в такие минуты не думали, можно ли запивать огурец молоком, а жирную свинину заедать недозрелыми сливами. Взрывы жадности случались все реже, а в последние дни даже Манюшка с ее прожорливой ужасной была в еде благоразумной и умеренной. А Велик вот... сплеховал. Вечером за едой как подумал, что это последний ужин у хозяина, завтра работа до обеда, сборы и отправление на станцию, так и пошел метать все без разбора...

Злясь на себя, Велик сполз с соломенной лежанки, вышел из сарая. Светало. Холодная роса прибила пыль на стежках, обильно окропила ползучую мураву во дворе, обжигала босые ноги. Текли последние минуты тишины на исходе ночи. Уже рождались первые звуки нового дня: где-то на селе скрипнули ворота, мыкнула корова, в хозяйском хлеву с подвизгом захрюкала проголодавшаяся за ночь свинья. Прошелестел верхушками деревьев пробуждающийся сад. Над некоторыми трубами стояли белесые столбы дыма.

Когда через какое-то время Велик вернулся из-за хлева во двор, он увидел Миколу и чубатого черногого хлопца примерно такого же возраста, одетого в румынский табачного цвета френч, темно-синие галифе, в щегольских собранных гармошкой хромовых сапогах. Спереди на поясе у него красовалась пузатая кобура. Лица у обоих были землисто-желтые, помятые.

— В селах у нас пока что есть у кого переночевать и запастись харчами,— говорил, застегиваясь, чубатый ломким со сна голосом.— Большевики не успеют со своими колхозами — начнется новая война. Придут американцы. Украина станет самостоятельной.

У Велика оборвалось сердце. Он стоял, как одеревенелый, как столб, и не знал, куда двинуться. Идти в сарай — значит, пройти мимо них, повернуть назад — это вызовет подозрение, если заметят, что прячется, значит, в чем-то виноват. Все ж соблазн остаться незамеченным пересилил, и Велик, не сводя глаз с мужчин, начал осторожно пятиться.

До угла оставалось шага два, когда раздался хриплый окрик:

— А це що за одым? А ну, руш сюды!

Неверно ступая ослабевшими ногами, Велик подошел.

— Хто такий? — уставился на него чубатый.

— Мы тут работаем.

— О? — удивленно воскликнул хлопец. — Москали? Що таке?

— Роблять у нас, — поспешно сказал Микола. — Наймиты.

— Хм. — Он наморщил лоб, не спуская глаз с мальчика, подумал. Потом пожал плечами, потрогал кобуру. — Ну, ну, — и пошел в хату.

— Надо же было тебе выползти! — с досадой и со злом вполголоса сказал Микола и последовал за чубатым.

Велик вернулся на свое лежево. Но спать уже не хотелось. Его била мелкая дрожь. Еще не разобравшись до конца в том, что случилось, он уже понял, что стряслась беда. Непоправимая. И нельзя медлить ни минуты, пока бандеровцы (или бандеровцы, если он тут не один) не спохватился. А он обязательно спохватится. Протянув руки в стороны, Велик начал одновременно трясти за плечи Манюшку и Ивана. Девочка вскочила сразу. Вскрикивая: «А? Что?» — села, стала протирать глаза. Иван заерзал, начал отбиваться. Но скоро тревожный Великов полушепот: «Вставайте, уходите надо, бежать» — пробудил и его.

— Что такое? Что?

— Буди Ваську, живо!

От всей этой возни Васька проснулся сам. Лениво раскинув руки, спросил:

— Что вы шепотню подняли? Имею я право отдохнуть, в конечном счете?

— Бандеровцы, — шепотом сказал Велик. — Надо драпать.

Васька повернулся на бок, прикрыл глаза.

— Ну и что? Нужны мы им, как собаке пятая нога.

— Да ты что? — Велик опешил: неужели он не понимает? — Мы ведь свидетели.

— Откуда они знают? — Васька зевнул. — Будем тихо лежать, хозяева, я думаю, не выдадут.

— Меня видели. Я на двор выходил.

Васька открыл глаза, уставился на Велика, соображая.

— Дернуло же тебя попасть им на глаза! Теперь вот думай... Ну, побежим, к примеру. Нешто ст них убежишь, если, допустим, они нас не хотят выпустить?

— Надо где-нибудь схорониться. Да хоть в соседнем сарае. Пересидеть. Не вечно же они будут в селе.

— Черт его знает... — Васька сел, потянулся.

— Ну, вот что, — разозлился Велик. — Мы уходим, а ты как хочешь.

— Ишь ты, командир какой! Как же — ма-аршал! — Васька сплюнул. — Ну иди, хоронись, а я погляжу, в какой сарай вы залезете. Это мне, естественно, пригодится.

— Хватит трепаться! Из-за тебя...

Скрипнула дверь. В сером проеме замаячила фигура Миколы.

— Ходимо до хаты, — каким-то странным, полудурадным голосом сказал он. — Кличут.

— Ну вот, — сокрушенно сказал Велик. — Эх!

В хате за столом сидели трое: грузный седой мужик с висячими усами, рядом с ним длинный, тонкошей, горбоносый, а напротив них — уже знакомый Велику чубатый хлопец. Стол был уставлен глиняными мисками с салом, домашней колбасой, огурцами и помидорами, луком, хлебом. Посередине дымилась вареники в большой зеленой миске, рядом торчала литровая бутылка с самогонном. Хозяин, сложив руки на коленях,

сидел сбочь стола. на табуретке, хозяйка возилась у печки.

Введя ребят в хату, Микола остался стоять за их спинами у порога. Горбоносый начал разглядывать журавкинцев с каким-то жадным любопытством, как будто пытался высмотреть в них что-то для себя важное. Чубатый повернулся и окинул каждого с ног до головы. Седой скользнул по ним тяжелым взглядом из-под густых перепутанных бровей и продолжал закусывать. Хозяин нервно затеребил рыжую бороду, закричал.

— Усе ж яось, пане четныку...

— Я ж казав уже, — вскинул на него тяжелые глаза седой. — Нам — що, мы пышлы в лис и шукай витра в поли. А ось що буде з вами... То и нам не байдуже — до кого прийдемо, як вас не стане?

Васька, сразу сообразив, что к чему, закричал:

— Дяденьки, мы будем молчать, ей-богу, честное слово, век свободы не видать!

— Мовчи, москаль, тебе не пытаются! — цыкнул седой.

Но Ваську уже невозможно было остановить. Бега по лицам округлившимся, побелевшим от страха глазами, он молил, просил, требовал:

— Да меня-то за что? Вот он комсомолец, этот собирается вступить, эта пионерка... А я нигде не состою... Я и с немцами дружил, и вчера только советскую власть хаял, скажи, Микола! Я не согласный, безусловно, свою жизнь отдавать не знаю за что. А молчать я буду, как глухая стена, клянусь вам, поверьте мне!

— Ну ось бачиш, — сказал хозяину седой. — Отрутне пасиня, бисови онуки*. Ты вирьш, що вони будуть мовчать? Оцей комсомолыст, напрыклад. Ну-ка йды сюды, — глянул он на Велика и, когда тот приблизился к столу, спросил: — Розкажеш про нас чи будеш мовчать? Якщо мы тобі зальшимо життя, даш слово, — он умехнулся, — чесне комсомольске слово дасы, що никому ничего не скажеш?

Велик как будто уже умер — такой ужас сковал его. Ему хотелось закричать: «Да, я буду молчать, не ликну, не убивайте меня!» Но он понимал, что этим делу не поможешь, только унизишь себя и умрешь опозоренным. У них нет выхода: они ни за что не поверят, хоть землю ешь. И будут правы: вырвавшись от них, Велик молчать не будет, хоть какую клятву даст им тут со страху.

— Ну, що ж ты мовчиш, москальку? Просы, може я и змыляюсь. Мы ж не звиры. Ну?

Молчание было тяжелым и плотным, как камень, и гнуло к земле.

— Ну ось бачиш, Олекса Хомыч, — сказал седой хозяину. — Вин навить пидмануты не пробуе. Вин усе розумие.

По знаку седого — легкому шевелению пальца — чубатый охватил ладонью Великово лицо и отпихнул мальчику к порогу.

— Ось Микола и зробить те, що треба, — вставая из-за стола, сказал седой. — Опробуе свий автомат и постриляе по живий мишени. По живий — це зовсим не те, що по намалеваний.

Микола дернулся к столу.

— Я не могу, пане четныку.

— Эге, не можеш. Як то не можеш? Хочеш боротыся за самостийну Украину и руки не загрязныты? — Это он говорил уже на ходу. — А може хочеш маты козырну карту на деякий случай? Ни, Мыколо, хочеш не хочеш, а сегодня ты станеш нашим кровным братом. Пишлы.

Сникыш Микола дрожащей рукой налил полный стакан самогону, выпил и, не закусив, пошел вслед за всеми.

Шли гуськом через сад, потом межами через картофельное и пшеничное поля. Впереди саженно вышагивал длинный, за ним поставили Ивана, Ваську, потом тяжело, но быстро двигался седой в свитке и мазенинке, дальше следовали Велик, Манюшка, за ними Микола и чубатый. Бандеровцы, включая Миколу, держали автоматы наизготовку.

Понимая, что на этот раз все, не выкрутиться, Велик все же не терял надежды на какое-нибудь чудо. В его жизни бывало всякое. Бывали и безвыходные положения, из которых его спасали вовремя совершившиеся чудеса. Конечно, он не ждал их сложа руки, а как мог готовил их, приближал. Поэтому, думал он сейчас, вдыхая свежий резкий утренний воздух, надейся в первую очередь на себя. Бежать в пшеницу бессмысленно: низковата, не скроет. Была бы это рожь, вон как та, что на подходе к Поречью со стороны Витров. Шанс спастись в той ржи тоже был бы не крупный — все ж против каждого из них, что ни говори, умелый вояка с автоматом, пистолетом и гранатами. Ну, допустим, Микола не ахти какой солдат, но стрелять-то он умеет и с трех шагов не промахнется.

Справа, в пшенице, засвистала какая-то птица, и Велик вдруг содрогнулся душой: неужели последняя птичья песня в его жизни?

Поле кончилось. Дальше метрах в ста синел в легкой дымке лес. Между ним и полем лежало вытопанное пастбище, усеянное редкими одиночными кустами. Сюда Манюшка вместе с другими пригоняла иногда пасти коров. Седой приказал остановиться. Ребят сбили в кучу. У них были землисто-серые лица. Манюшка икала то ли от сырой свежести, то ли от страха и жалобно, с застенной надеждой взглядывала на Велика. Он отводил глаза.

— Э, да ты, хлопче, я бачу, еле на ногах стоиш, — с насмешкой сказал седой и легонько толкнул Миколу. Тот покачнулся. — З горилки чи з переляку?

* Отравленное семя, чертовы внуки.

— Все зрблю, як треба, пане четныку,— заплетаются языком ответил Микола.— Ось побачите. Для меня це... тьху!

— Ну-ну, молодчага.

Ребят кучкэй погнали через пастбище. У первых деревьев остановили.

— Ну,— сказал седой,— ставь их до дубив и кинчай.

— Ни, я так не могу,— заупрямился Микола.— Воны будуть на мене дывытыся! Я их пуцу на пасовыще — хай бигуть...

— Ну, як хочеш. Нам треба послышаты до схрону, тому дывытыся на твий геройський подвиг не будемо. Але ж и залышаты тебе одного з москалями небезпечно. Горобець, побудеш з ным,— обратился он к чубатому,— але тильки для пидстраховки. Нехай все робить сам. Зьясувало?

— Так, пане четныку.

Седой и длинношей скрылись за деревьями.

— Вы, хлопцы, бегите,— махнул рукой Микола.— Вон до того куста. Бегите. А там... Посчастит — убежите, ни — то ни.

— Неужто так и побьют? — прошептал Иван.— А, Велик?

— Надо рассыпаться пошире,— ответил полголоса Велик.— Может, в кого и промажет.

— Ну, раз, два, три! — крикнул Микола.

Ребята не тронулись с места. Каждому казалось: стоит только повернуться спиной — и сразу смерть.

— Ото що мы, гратыся з вами будемо? — Горобець подскочил к Ваське, ткнул ему автоматом под ребра. Тот, скособочившись, шарахнулся от него.

— Мы с Манюшкой налево! — крикнул Велик и побежал со всех ног левее Васьки, на бегу наставляя Манюшку задыхающимся голосом: — Беги впереди меня! Как начнет стрелять, сразу падай! И не шевелись! Ясно? Передо мной! Передо мной, Манюш!

Они неслись, втянув головы в плечи, пригнувшись — убегали от смерти. И первые несколько мгновений, пока не прозвучали выстрелы, Велику верилось, что их и не будет, выстрелов, может, их попугают смертью и все. Но потом он услышал сзади четкую автоматную очередь, успел толкнуть Манюшку в спину и, подхваченный и брошенный какой-то чудовищной силой, упал на девочку, перекувырнулся и распластался голова к голове с нею, раскинув руки и глядя в небо. С дикой быстротой закрутились в голове обрывки мыслей и видений. Перед ним предстали мать и Танька — и мгновенно исчезли, предстал отец — и исчез. «И хлеб заработанный пропал», — подумалось и тотчас забылось, предстал Зарян — и исчез, подумалось: «Не надо ей было целовать меня в губы, ведь говорят: если на прощанье целуются в губы, больше не свидятся». И после этой мысли карусель остановилась. И он уже не услышал других выстрелов.

Не услышала их и Манюшка. У нее страшно шумело в голове, саднили колени. Помня наставление Велика, она долго лежала, не шевелясь, зажмурившись, боясь приоткрыть даже полглаза. Потом шум в голове утих, она услышала тишину и почувствовала на шее ласковое прикосновение теплого солнечного луча. Открыла глаза, повела головой и увидела прямо перед своим лицом пегие, с седыми прядками Великовы волосы, его неподвижное, сведенное как будто досадой лицо и мертвые открытые глаза. Словно мощной пружиной, подкинутаая ужасом, Манюшка изо всех сил побежала прочь, тихонько подскуливая.

Так она бежала до самой станции, а потом долго ходила по базару и все пыталась вспомнить, что ей обязательно надо сделать, прежде чем сесть на поезд и уехать. Наконец, столкнувшись с милиционером, который уже начал приглядываться к этой странной девочке с безумными глазами, она сказала ему:

— Дядь милиционер, там наших побили. В Поречье.

— Каких ваших?

— Ну, наших... журавкинских... русских...

И зарыдала.

Течет Навля

Ее пригорнули кречетовские бабы, и с ними полумертвая, с закаменевшим сердцем добралась Манюшка до Навли. В дороге она молчала, на все расспросы отвечала односложно, сквозь стиснутые зубы. Так ничего и не узнав от нее, видя ее упорное нежелание рассказывать, бабы отстали. И в Навле, когда слезли с поезда, спросили только:

— Ну, ты куда? Может, с нами?

Манюшка покачала головой и пошла прочь. Бабы повздыхали вслед и, взвалив на плечи добытый в дальних краях хлебушко, заспешили к своим заждавшимся голодным детям.

Она не знала, куда ей податься. Идти в Журавкино? А зачем? К кому теперь? Все ее существо противилось возвращению в Журавкино — достаточно было один раз представить пустую хату, где из каждого угла на все будет глядеть невидимый Велик. До позднего вечера бродила она по поселку, не смея остановиться, как будто уходила от чего-то страшного.

Уже в сумерках, когда осветились окна, в очередной раз проходя мимо Дома культуры, она увидела за незашторенными окнами танцующие пары и уловила знакомый мотив:

Карапет, мой ягода,

Люблю тебя два года,

А ты меня семь лет —

Приду — тебя дома нет.

Мелодия вошла в душу и как бы вобрала в себя всю Манюшкину боль, дала ей название, оформила, перевела в слова.

— Приду — тебя дома нет, — прошептала Манюшка, и по лицу её побежали слезы.

У нее гудели ноги, кололо в боку. Почувствовав наконец усталость, Манюшка пошла на вокзал. Там было полно людей, а ей каждый человек казался сейчас чужим, потому что был занят своими делишками, как будто на свете не существовало вселенской беды, которая воплотилась в четыре слова: «Приду — тебя дома нет».

Уйдя со станции и поблуждав еще по улицам, девочка вышла на берег реки, уставленный небольшими стожками сена. Навля текла здесь среди лугов, отдалившись от леса, и воздух был луговой, настоящий на травах, прохладный от дыхания речки. Манюшка забралась в стог, утrelась и начала засыпать, но вдруг уловила у самого

уха какой-то шорох, шевеление. Она напрягла слух, начала вслушиваться и поняла, что здесь идет своим чередом какая-то своя жизнь. Мышиная, а может, и еще чья-то возня ни на миг не затихала под нею и вокруг нее. Наверно, жители этого стожка были встревожены Манюшкиным появлением и теперь сговаривались, как выжить ее отсюда. Ждали только, когда она заснет, чтоб наброситься. Сон пропал. Манюшка поняла, что не заснет — будет всю ночь прислушиваться и ждать, что вот сейчас выползет из сена здоровенная мышь, или крыса, или еще какой зверь и вонзит свои острые зубы ей в щеку.

Пришлось покинуть угретое место и вернуться в засыпающий поселок. Теперь, погруженный в темень, плотно обступившую тускло освещенный центр, он таил в себе неясную угрозу. Манюшка с трудом отыскала Настин дом, уселась

на крыльце, свернулась в комок и задремала. Ей опять снилось, как они бежали по пастбищу, как падали, и Великово искаженное лицо, и мертвые глаза... Потом — темный провал, и все повторялось. И все время звучала музыка «карапетта», завершаясь каждый раз вместе со сном болезненным взрывом в сердце: «Приду — тебя дома нет».

Девять дней прожила Манюшка у Насти. Все — и хозяйка, и Милица, и дети — обращались с нею, как с больной, заботливо и на полутонах. Но она чувствовала себя лишней в этой семье. Видела, что здесь у самих по счету каждая корка хлеба, и мучилась, что объедает добрых людей. Однажды, оставшись наедине с Милицей, она спросила:

— Ты не знаешь, что нужно, чтоб взяли в детдом?

Они сидели на лавочке у задней стены дома, где начинался Настин сад-огород. На площади в четыре сотки, засаженой картошкой и разными овощами, были разбросаны шесть фруктовых деревьев. Дальний угол занимал малинник. Милица только что пришла с работы и по обычаю отдыхала в тени старой яблони, что росла у самого дома. Услышав Манюшкин вопрос, она взяла девочку за плечи и повернула лицом к себе.

— Я давно подмечаю... Тебе что, плохо у нас?

— Нет, хорошо, только... Тут своих едоков хватает.

— Ну... тебя же никто не попрекает.

— Ждать, что ли, когда начнут попрекать?

— Какая-то ты... Погоди немного, я на днях выхожу замуж... — Милица засмеялась. — Смешно, правда? — «на днях выхожу замуж». Как в анекдоте. Но — так и есть: мы уже обо всем договорились... Так вот, ты будешь жить у нас. Поняла? И будет порядок в танковых частях.

— А кто он? — Манюшкин взгляд оживился.

— С войны пришел. Старшина, танкист.

— Не надо вам никого, — печально сказала Манюшка. — У вас свои дети будут.

— Ну что ты... что ты говоришь? Я ж от чистого сердца. Мне правда тебя жалко и... вы мне с Великом как родные, честное слово.

— Я верю, только... Я никогда не привыкну. Все время буду думать, что мешаю, объедаю... Как Велика убили, так я стала всем чужая. И люди мне все чужие стали. Вот кто-нибудь, допустим, жалеет меня, говорит разные слова, а я не верю. Как подумаю: а где ж ты был, когда нас убивали? — и сразу этот человек мне чужой-чужой становится и какой-то... ну... я не верю ему, считаю, что он все-все брешет.

Милица смотрела на нее с испугом. Потом порывисто притянула девочку к себе.

— Ой, что ты... как можно... — Помолчав, тихо спросила: — Ты и мне не веришь?

— Я сказала: верю. А — не знаю. Когда ты говоришь, как будто верю, а отойдешь — и не верю.

Они долго сидели молча. Наконец Милица сказала:

— Ладно, завтра я все узнаю насчет детдома.

Назавтра она принесла направление в Соколовский детдом.

— Рядом с родной деревней будешь, — сказала она. — И места кругом свои, и люди...

— Мне теперь все равно.

Милица хотела пойти с нею — Манюшка не разрешила.

— Я дорогу знаю, — сказала она отчужденно. — И нечего из-за меня свое время тратить.

Ушла она утром, когда все еще спали. Разбудив тихонько Милицу, Манюшка сунула ей в руки аккуратно свернутый жакет.

— Пускай пока у тебя будет. Я когда-нибудь заберу. Только гляди не стирай.

— А что? — почему-то испугалась Милица.

— Там на спине — пятно. Это Великова кровь.

Она шла проселочной дорогой, слегка прибитой ночным дождем, и думала о том, что в детдоме, наверно, не так уж и плохо. Не родной дом, знамо дело, ну, так ведь родного дома у нее нет и теперь, после Великой смерти, не будет, пока не вырастет и не заведет свой. Вот кабы Велик остался жив, кабы пули эти вкось пошли... К его хате она уже привыкла как к родному дому... Да что: нуль этих не одна и не две были, а гад сеял их, как горох — горстью... Велик меня заслонил. А если б думал, как спастись самому, может, и спасся б...

На подходе к Соколову Манюшке повстречалась группа журавкинцев. Тут были Антониха, Дарья Глухая, Шурка Исаев, Гузеева Праскутка и Гавро. Меньше всего ей хотелось сейчас встретиться с бывшими односельчанами — ведь спросят и про остальных. Не то что рассказывать — при беглом воспоминании о том сером страшном утре ее била дрожь. Но спрятаться было негде, свернуть — поздно: ее уже узнали.

— Манька! — закричал Гавро, ускоряя шаг. — Японский городской! На каком клину ребят посеяла? Или так напобирались — куски не дотащат? Или их Бык забодал?

Ее обступили со всех сторон, начали разглядывать.

— Ишь, потолстела на чистом хлебушке, — сказала Антониха.

— Круглая, гляди-ка, стала, — не расслышав, но догадавшись, о чем речь, подхватила Дарья. — На девку теперь похожа. А то была страшнелице — одни мослы во все стороны.

Опять стали спрашивать про остальных. Манюшка, с самого начала ожидавшая этого вопроса, уже придумала ответ: отбились, мол, и не знает, где они и что с ними. А самой вот при-

шлось вернуться ни с чем. С нею согласились, потешали (небось, живы будут, не маленькие).

— Ну, иди, иди, — легонько пихнула ее Антониха. — Теперь вам легче будет — отец Великов вернулся с войны. Мужик, с руками и ногами, да и с умом. Вторую неделю выглядывает вас. Так что беги, порадууй.

У Манюшки ноги стали ватные и застучало в мозгу, зануло в груди: «Приду — тебя дома нет». Она подождала, пока журавкинцы скрылись вдали, и села у дороги. Господи, мати царица небесная, как было бы хорошо, если бы они сейчас возвращались вместе с Великом! Пусть бы хоть и пустые! Ох, горе, горе, горюшко лютое! С какими глазами я к нему приду?.. А может, и не надо идти? Кто я ему? Да я уже, считай, детдомовская, вон она, бумажка, за пазухой шелестит... Но как же так — он ждет... Он ждет сына, а не весть про его смерть... Все равно, не чужой он мне — по Велику. И я должна рассказать. Да ведь рано или поздно придется рассказать — Соколово не за горами, все журавкинцы, начиная с пятого класса, в школу туда ходят. В первый же день узнают, что я в детдоме, скажут ему, он и прибежит. И будет стыдно — вроде как мне безразличны они оба — даже не зашла познакомиться и рассказать.

Так она рассуждала, а в душе зародилась и тихо светилась надежда. Великов отец действительно был не чужой ей: Манюшка давно прилепилась к нему, хоть и видела всего один раз, когда Велик случайно встретил его на военной дороге в Чарнецях. Она привыкла к мысли, что всегда будет жить в Великой семье, и, понимая, что теперь все рушилось и не нужна она без Велика его отцу, Манюшка тем не менее не могла вот так, сразу, выбросить из сердца то, что там крепко вкоренилось. И не могла, да и не хотела — ведь Великов отец был единственной не чужой ей душой на всем белом свете.

На уличной двери висел замок. Это было непривычно — Велик и Манюшка, уходя, запирали хату на щеколду изнутри. Щель между дверью и притолокой, через которую, действуя снаружи, они отодвигали щеколду, была заделана. Это говорило о том, что отец Велика — человек хозяйственный. Но настороженному сердцу девочки эти новшества причинили боль — показалось, будто запоры — от нее. Глотая слезы, она пошла прочь, держа путь на Соколово.

По дороге она все ж раздумала уходить — пересилила та негаснувшая надежда.

«Расскажу про Велика и уйду», — решила она.

Весь день Манюшка пролежала на берегу Журавки. Купалась, загорала, плела сумочку из ивовых лык. Временами накатывало отчаяние: «Жду, а чего жду и зачем?» Тогда она порывалась уйти в детский дом. Но прежние доводы («должна

рассказать») чем дальше, тем казались неопровержимее. И даже то, что надежда к вечеру окончательно потухла, не поколебало ее решения увидаться с Великовым отцом.

Когда свечерело, девочка вернулась к хате. Замка уже не было. На слабеющих ногах Манюшка прошла сени и заглянула в распахнутую хатнюю дверь. Великов отец — она его сразу узнала по рыжим усам — сидел у лампы (еще одно новшество) и читал газету. Он был во всем военном. На груди тускло поблескивали три медали.

Он долго не замечал девочку в темном проеме двери. Читая, он шевелил губами, и лицо его минутно меняло выражение. Но каким бы оно не становилось, в нем не было ожидания беды. И Манюшке стало до боли жалко его. Она было повернулась, чтобы уйти, но не совладала с собой и всхлипнула, и он услышал.

— Кто там? — вытянув шею и вглядываясь, спросил он басовито. — Ну-ка, подойди сюда.

Поколебавшись, она подошла к столу. Он передвинул лампу, осветил ее лицо.

— Ты... — Он всматривался пристально, с нетерпением, как будто силился узнать ее. — Ты — Манюшка?

Глотая слезы, она часто-часто закивала.

— Так чего ж ты... Вы приехали? А где Велик? — Он вскочил на ноги, затоптался, засуетился, не зная, что делать.

— Я сейчас все расскажу.

Он сел и начал первно разглаживать газету.

— Ну? — Голос его показался Манюшке недобрим. Волнуясь, торопясь, глотая слова, она начала рассказывать, и по мере рассказа лицо его все больше темнело и опускалось к груди, а сам он все больше клонился к столу, пока не навалился на него грудью и, охватив голову ладонями, затрясся в беззвучных рыданиях. Она смотрела на его затылок, и ей хотелось пригладить каштановый, как у Велика, хохолок, но насмелиться не могла и только сжимала пальцы то на одной руке, то на другой.

Великов отец затих, сел прямо, но глаз не подымал.

— Наверно, я зря согласилась бежать впереди, — не зная, как его утешить, сказала Манюшка. — Надо было за ним. Мне-то все равно, у меня никого нет. Только, знаете... там некогда было думать, и я сперва не догадалась, зачем он говорит: беги впереди. Я так привыкла, что он всегда выходил из всяких переплетов, думала, и тут у него какой-то свой план, и нас спасет, и сам спасется... Вот я и побегла вперед, как он сказал.

— И правильно сделала, — сказал он тускло. — И не говори глупостей. Не мог же он заслониться тобой... Не такой он...

Наступило молчание. Великов отец, видно, забыл о ней. Он сидел неподвижно, устремив взгляд

на огненный язычок лампы. Наконец, Манюшка не выдержала.

— Мне в детдом? — спросила с замиранием сердца.

Он медленно перевел на нее глаза.

— Почему в детдом?

— Ну, а что я теперь?.. У меня вот и бумажка есть. — Она вытащила из-за пазухи направление и подала ему.

Он прочитал бумагу, повертел ее и положил на стол.

— Ты смотри сама. Если хочется в детдом — иди. А хочешь остаться — оставайся. — Он помолчал. — Мы с тобой теперь оба круглые сироты.

Пряча радостно вспыхнувшие глаза, Манюшка спросила:

— А у вас едасть ничего нет? Я целый день не евши...

Николай Степанович работал начальником почтового отделения в Соколове. Через день приносил домой буханку хлеба, иногда — несколько картофелин. Были и дома небольшие запасы — консервы, что привез он из армии. Так что щавелек заголченный хлебали и с чистым ячменным хлебушком. Отвечала уже картошка на огороде — вот-вот можно будет подкапывать. Так что голод больше не грозил.

Несмотря на пережитое, Манюшка не теряла вида, была упругой и румяной, как блин-драчаник. Все чаще напевала себе под нос, правда, когда не было поблизости дяди Николая. Боялась — вдруг осудит, скажет: Велика убили, а тебе весело. Велик часто снился ей и все одинаково — будто они бегут, а потом падают под пулями. После такого сна она весь день ходила тихая, будто пришибленная.

В воскресенье дядя Николай собрался на Навлю ловить рыбу.

— Ну что, пойдешь со мной? — спросил Манюшку.

Она обрадовалась несказанно. Ей рассказывали в деревне, что дядя Николай всегда был веселым, разговорчивым. Ей же довелось его знать молчаливым, печальным, часто хмурым. С нею он почти не разговаривал. Конечно, она понимала, почему он такой, и все-таки временами было тяжело с ним — ей начинало казаться, что это он только с нею такой. Хотя еще вчера она сговорила с подружками сходить за щавелем поближе, на Сырой луг, а потом весь день купаться и загорать на Журавке, Манюшка, не раздумывая, согласилась пойти с ним.

Дядя Николай время от времени разговаривал с нею дорогой, она осмелела и сама начала спрашивать — про войну, про его нынешнюю работу, и он охотно и пространно отвечал.

Когда, набрав целый вещмешок щавеля, котиков, чеснока, свиных, Манюшка вернулась к нему на берег, у него кипела уха в котелке и пеклись в золе костерка четыре картошины.

— Давай живей! — закричал он ей навстречу и призывно закрутил над головой рукою. — Терпение кончается.

Ели из котелка, попеременно черная деревянными ложками и прикусывая хлеб и чеснок.

— Хорошо с чесночком! — восклицал дядя Николай. — Вместо лука и перца — хорошо... А ты тащи-ка рыбину. Тащи, не стесняйся, тут все свои.

Ей было тепло в груди от таких слов, она чувствовала себя маленькой и защищенной и, благодарная, не зная, чем еще угодить ему, старалась поддерживать разговор, не молчать.

— Дядя Николай, зря вы сразу десять рыбин в ухе сварили. Это ж на сколько можно было растянуть, если б варить по одной на каждого!

Он посмотрел на нее задумчиво и печально.

— Ох, догадываюсь, и житуха тут у вас была! — Покачал головой. — Дружно хоть жизито? — Он впервые заговорил о Велике, правда, не называя его имени.

— По-всякому, — честно призналась Манюшка. — Бывало, что и учил меня... подзатыльниками.

— Да, — сказал он после некоторого молчания, — жизнь не запланируешь. Она такие неожиданные ловушки подстраивает. Особенно на войне.

— Так на войне ж... Не так обидно.

— Обидно всегда и каждому, когда погибать приходится... А ребяташки погибли на войне, хоть и в мирное время. Бандиты-то — из войны. С той стороны, с фашистской. И вы были им враги. Ведь они убили вас потому, что были уверены — выдадите их базу в селе и связных... А ты плачь, плачь, ничего. Если слезы льются, не препятствуй — легче станет. Я вот не могу — все спеклось внутри в камень, и на этом горячем камне все слезы испарились.

Он выкатил из золы картошины, одну подкатил к ней, другую, перекидывая с ладони на ладонь, принялся чистить сам. Вдруг поднял голову, прислушался. Из-за ближайшего куста вышел Митя-дурачок. В руках он держал начатый плетением лапоть. И напевал:

А тирли-тирли-тирли.
Как фашисты к нам пришли,
Нашу хату запалили
И сестру мою сожгли.

Митя приблизился к костру и пояснил:

— Это я только так пою, что ее сожгли, а на самом деле она убежала из огня. Сестра Катенька. Вы не видели ее за Навлей, в лесу? Куда ж еще и бежать от фашистов, как не в лес, верно?

Николай Степанович, знавший уже его историю и однажды слушавший этот бред, протянул ему картошку.

— На-ко поешь. Печеная. Вкусная. Вот заметь: из всех видов приготовленной картошки печеная — самая вкусная...

Он говорил и говорил, не давая Мите вставить и слова. Когда тот пытался перебить, Николай Степанович повышал голос и заглушал мальчика. Митя посидел, съел картошку и молча ушел. Издали донеслось его «тирли-тирли-тирли».

— Надо его в больницу, — сказал Николай Степанович.

— А что, там ему сестру вернут? — угрюмо откликнулась Манюшка.

— Сестру ему уже никто не вернет, но хоть самого вылетят... — Помолчав, он сказал тихо и как бы виновато: — Не могу его слушать... Вот тоже человек из войны. Пока он жив, ее не забудешь... А разве в нас она не будет жить до окончания наших дней? Разве у нас мало там... — он постучал пальцем по груди, — ран, потерь, кошмарных воспоминаний?

Манюшке тоже было кого и что вспомнить, и самая свежая рана была у них общей. «Приду — тебя дома нет». Хлебая уху, девочка вскидывала глаза на скорбное лицо дяди Николая, и его боль пронзительно отдавалась в пей.

В молчании закончили они обед. Манюшка вымыла котелок и ложки и легла на траву у самой кромки реки, текущей здесь почти вровень с берегом. Опустив руку в воду, она почувствовала, как Навля мягко обволокла ее своими струями и стала тихо и ласково поглаживать. И как будто покатились по душе, омывая ее.

Подожел Николай Степанович, лег рядом.

В лучах солнца Навля светилась, взблескивая гребешками на быстрине. В знойном полуденном воздухе слышалось безостановочное шуршание ее у берега, звонко-гортанное взбулькивание в соседнем виру, нешумные всплески. Знойно зудели над нею шмели.

— Течет и течет себе, — задумчиво сказал дядя Николай. — Из прошлых веков в будущее. Сколько поколений сменилось и сменится еще на ее берегах! Подумать только!

— Дядь Николай, неужто вы тут мальчиком... бежали, купались? — вдруг поразилась Манюшка.

— Не только я, но и мой дед, и дед моего деда, и дед того деда. — Он опустил руку в воду, рядом с ее рукой. пальцами коснулся ее пальцев. — А ты, Манюш, чего со мной на вы? Говори мне ты.

Она поняла его.

— Ладно... тятя.

Имени легендарного уральского разведчика

Любителям приключенческой и героико-патриотической литературы, конечно, хорошо известны имена писателей В. Ардаматского, Э. Хруцкого, А. Адамова, П. Шестакова, А. Безуглова, Ю. Кларова, С. Бетева. Известны не только по их захватывающим книгам, но теперь и как имена лауреатов уралмашевской литературной премии.

Эта премия — премия имени легендарного уральского разведчика Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова учреждена несколько лет назад заводом-гигантом и Союзом писателей РСФСР по инициативе Свердловской писательской организации и журнала «Уральский следопыт».

На своих уже традиционных литературных праздниках (они — ежегодные) уралмашевцы встречаются с лауреатами, показывают им свой завод, совместно проводят читательские конференции, беседы.

Как лауреатов премии имени Н. И. Кузнецова завод уже чествовал и Героя Советского Союза Д. Медведева (посмертно, за известнейшую книгу «Это было под Ровно»), и брата Н. И. Кузнецова — В. Кузнецова, являющегося одним из авторов несколько раз издававшейся в нашей стране книги «Разведчик Николай Кузнецов» и автором адресованных юным читателям очерков «Сын народа», также посвященных бесстрашному разведчику.

Лауреатам заводской литературной премии вручаются дипломы I или II степени и золотые или серебряные нагрудные медали с барельефом Н. И. Кузнецова.

Короткое интервью с Сергеем Бетевым, известным уральским писателем, который стал лауреатом премии имени Н. И. Кузнецова за книгу повестей «Без права на поражение» (в нее входят «Теорема Лангаса», «Целетный ремеш», «Восьмой револьвер», «Трое суток из жизни оперуполномоченного», «Разыскивается...»).

— Над чем работаете?

— Недавно закончил две новые повести — «Товарищ следователь» и «Жадность». Сейчас пишу повесть «Главный подъем», продолжающую серию моих тыловых, «кунавинских» повестей. Читателям «Уральского следопыта» известна одна из них — «Афонин крест». «Главный подъем» также предназначена для вашего журнала. Работаете над ней, правда, тугопато, сроки, назначения редакция, срываю, но задание безусловно выполню.

— Что в планах?

— «Лыжники» — повесть о добровольческих лыжных батальонах, сформировавшихся на Урале в годы Великой Отечественной войны.

ВЫХОДИЛА НА БЕРЕГ «КАТЮША»...

Гений
КУМАНОВ

участник Сталинградской битвы

40 лет со дня великой победы на Волге

Каждый день, каждый час войны забываем. Но у тех, кто защищал Сталинград, своя особенно памятная дата: 2 февраля 1943 года. Это — день великой победы на Волге.

...Сразу, как только наш 79-й гвардейский полк появился в районе хуторов Вертячий и Липо-Луговской, мы уничтожили 12 танков врага. Конечно, картина была ошеломляющей: многочисленные факелы — вот все, что осталось на поле сражения от фашистской брони. Немедкие танки металась, потеряв управление, многие из них панически поворачивали назад, а пехота захватчиков так и влипла в землю — в нашу советскую землю, которая не защищала, не давала сил врагу.

Гитлеровцы боялись «катюш», но их командование, близко не встречавшееся с нашими гвардейскими минометами, посылало в бой все новые и новые силы: атака следовала за атакой. А «катюши» стояли стеной, до последнего мгновения не оставляя позиций.

Особенно жестокий бой завязался в районе Калача. Над землей сплошной огненный смерч, воздух прокакали так, что просто невозможно было глубоко вздохнуть. Всю силу артилле-

рийского огня враг сосредоточил на наших установках.

Мужество и бесстрашие проявили гвардейцы 332-го дивизиона под командованием старшего лейтенанта А. М. Саввина. Еще молодой, но уже опытный офицер показывал пример своим бойцам. Постоянно маневрируя, дивизион оставлял позицию буквально перед гусеницами фашистских танков.

А когда приходилось совсем тяжело, наши минометчики предпочитали смерть поражению. В районе станции Котлубань под непрерывным огнем вражеских самолетов погибли лейтенант А. Киреев и его боевые товарищи — их установка действовала до тех пор, пока не была разбита.

Трудно назвать всех, кто героически сражался в этих боях, — просто не хватит места для перечисления их фамилий. Среди героев — М. П. Иванкин, Н. Д. Оверченко, М. А. Спичкин, Б. В. Газарин, А. И. Курасов, В. А. Шестернин и многие, многие другие мои боевые товарищи.

Храбро сражался уралец А. Ф. Цивилев — его радия всегда работала безотказно, переданные им координаты давали возможность нанести точные удары по врагу.

Отличился и свердловчанин И. Ф. Баршевский: расчет боевой машины, в который входил Иван Баршевский, наносил точные удары на многих участках боя, вывел из строя не один танк врага. За отличное выполнение боевого задания Баршевский был награжден орденом Красной Звезды.

Дивизион капитана И. И. Бондаренко отбил атаку сорока фашистских танков и батальона пехоты.

Успех боев во многом зависел от смелости и решительности наших бойцов, командиров — в критической ситуации минометчики даже прибегали к штыковым атакам.

Отступая, гитлеровцы судорожно хватались за каждый клочок земли, зверели от отчаяния. А натиск наших «катюш» рос, росла уверенность в победе. Мы шли вперед, мы вышибали врага с родной земли. И какое же счастье сознавать, что услышала последние, победные залпы сталинградской эпопеи!

Нет, сломить нас, советских людей, не дано никому. Поднявший на нас меч от меча и погибнет!

Мы бесконечно счастливы, что над Родиной — мирное небо, что к этому причастны и мы, ветераны.

Письма из Сталинграда

Эти два письма пришли из Сталинграда в Златоуст в феврале 1943 года. Лейтенант Николай Одинокоев, вчерашний школьник, спешил поделиться с родными радостной вестью: «Здравствуйте, дорогие мои!

Шаю вам горячий фронтовой привет и желаю всего наилучшего. Прежде всего сообщаю о сегодняшней победе над врагом в Сталинграде. Сегодня, т. е. 2-го февраля 43 г., решительной атакой мы разбили немцев, многих взяли в плен... Перед наступлением двое суток работали непрерывно, а потом пошли в атаку. Я с группой бойцов расчищал путь в пе-

реднем крае противника. Враг занимал несколько кварталов и один из заводов. После артиллерийской пехота пошла в наступление, я продвигался с группой своих бойцов впереди пехоты. Пули свистели с боков и спереди, но я чувствовал себя спокойно, мне было даже немного весело. У меня легко ранило одного бойца, которому я быстро оказал помощь. Через 1,5—2 часа после начала наступления фрицам пришел капут. Бой окончен. Я и мои бойцы живы, Сталинград наш!..

В этот же день мне посчастливилось сняться в фильме «Оборона Сталинграда». Первый эпизод — «обед сапе-

ров» и второй эпизод — «атака». Все в белых хабатах. Я бегу с красным флагом с группой бойцов мимо танков.

Завтра митинг. Ночью сегодня мне спать не придется опять. Дали одно важное задание. Работы в Сталинграде много, особенно нам, минерам. Не знаю, будем мы здесь работать или двинемся на запад.

Мой адрес: 1957-я полевая почта, часть 945. Одинокое.

Да, он мог бы написать еще много и многое мог бы сделать в жизни, мог бы... Никто не расскажет, о чем «другом» думал он, когда писал свое последнее в жизни письмо. Скорей всего — о том самом важном задании, с которого не вернулся.

Письмо еще шло на Урал, а вслед за ним уже торопились листок похоронки и еще одно письмо, тоже адресованное матери. По поручению боевых товарищей секретарь комсомольского бюро части писал:

«Дорогая Елена Георгиевна. Вы, как мать, можете гордиться своим славным сыном, отдавшим свою жизнь за нашу Родину, за свободу и счастье, за Вас, Елена Георгиевна.

Нам выпала тяжелая доля. И каждый честный воин, каждый честный патриот и верный сын Родины-матери и своей матери считает своим долгом отдавать за Родину, за своих отцов, матерей, жен, детей все свои силы, до последней капли крови. Как и тысячи других верных патриотов, Ваш сын Николай остановил, разгромил ненавистную фашистскую сволочь. Мы гордимся Вашим сыном и глубоко, искренне разделяем Ваше тяжелое, несправимое горе.

На крутом берегу Волги, на том месте, где был остановлен бешеный натиск фашистов, похоронен Ваш сын Николай. На памятнике над его могилкой написали: «Славный защитник Сталинграда, погибший в боях за Родину, лейтенант Одинокое Николай Георгиевич».

Недалек час нашей победы, и сознание того, что на победном Красном Знамени Великой Отечественной войны есть капля и Вашей крови, крови Вашего сына, пусть придаст Вам новые силы и поможет перенести тяжелую утрату. Мы отомстим, Елена Георгиевна...»

Авторы этих писем, участники героической битвы на Волге, думали, что письма их уйдут просто по адресу, обозначенному на конверте, а отправляя они свои помятые треугольники в историю. Как сами они, их героические подвиги, письма эти стали частями нашей жизни.

Ю. ОКУНЦОВ,
научный сотрудник
Златоустовского краеведческого
музея

Огнем с неба

● На счету каждого летчика-фронтовика есть боевые вылеты, подробности которых остались в памяти на всю жизнь.

...В разгар лета 1942 года, когда гитлеровские генералы развернули подготовку своих армий для решающего прорыва к Сталинграду, наша воздушная разведка обнаружила аэродром, на котором фашисты сосредоточили множество машин. Полк, в котором воевал штурманом свердловчанин Владимир Журавлев, получил приказ: разбомбить осиное гнездо. Звено бомбардировщиков поднялось глубокой ночью — с таким расчетом, чтобы к рассвету быть над заданным квадратом. Пересекли линию фронта, потеряв на заградительном огне один самолет. А когда уже рассвело, приближались к цели, Журавлев увидел врага:

— Справа над нами — «мессеры»!

— Сколько? — спокойно спросил командир экипажа Николай Дивиченко.

— Две пары.

— Не страшно. На каждого нашего стрелка — два фрица. Не страшно.

Несколько дней назад в бою с «мессершмиттами» отличился оба стрелка — Мысиков и Ежов, и о подвиге экипажа сообщила фронтовая газета. Не так-то просто тяжелому бомбардировщику сбить маневренный и легкий «мессершмитт»!.. И вот теперь вражеские истребители атакуют снова.

— Горит левое крыло!

— Спокойно, хлопцы!..

А в кабинах уже было полно дыма.

— Подходим к аэродрому, — предупредил Журавлев.

— Все-таки дотянули!.. Приготовиться!..

На земле показались ряды аккуратно выстроенных самолетов. Журавлев нажал боевую кнопку, и бомбы полетели на головы врага...

В вечернем сообщении Советского информбюро 20 июля 1942 года рассказывалось о бесстрашном подвиге экипажа Николая Дивиченко. Говорилось, что летчики-комсомольцы повторили подвиг Николая Гастелло: «...Объятый пламенем самолет продолжал уничтожать немецкие машины, находившиеся на аэродроме. Когда были израсходованы все боеприпасы и стало ясно, что спасти самолет уже нельзя, товарищ Дивиченко принял решение нанести врагу последний удар и направил самолет на колон-

ну автоцистерн с горючим. Летчики, участвовавшие в этом налете, видели, как поднялись огромные клубы дыма и огня...»

А спустя шесть дней Дивиченко, Журавлев и Мысиков возвратились в свой авиаполк. Смертельно измотанные, исхудавшие, в обгоревшей одежде, заросшие щетиной, они едва держались на ногах. Даже выдавшие виды авиаторы-ветераны были безмерно удивлены.

После радостных объятий командир спросил:

— Где Ежов?

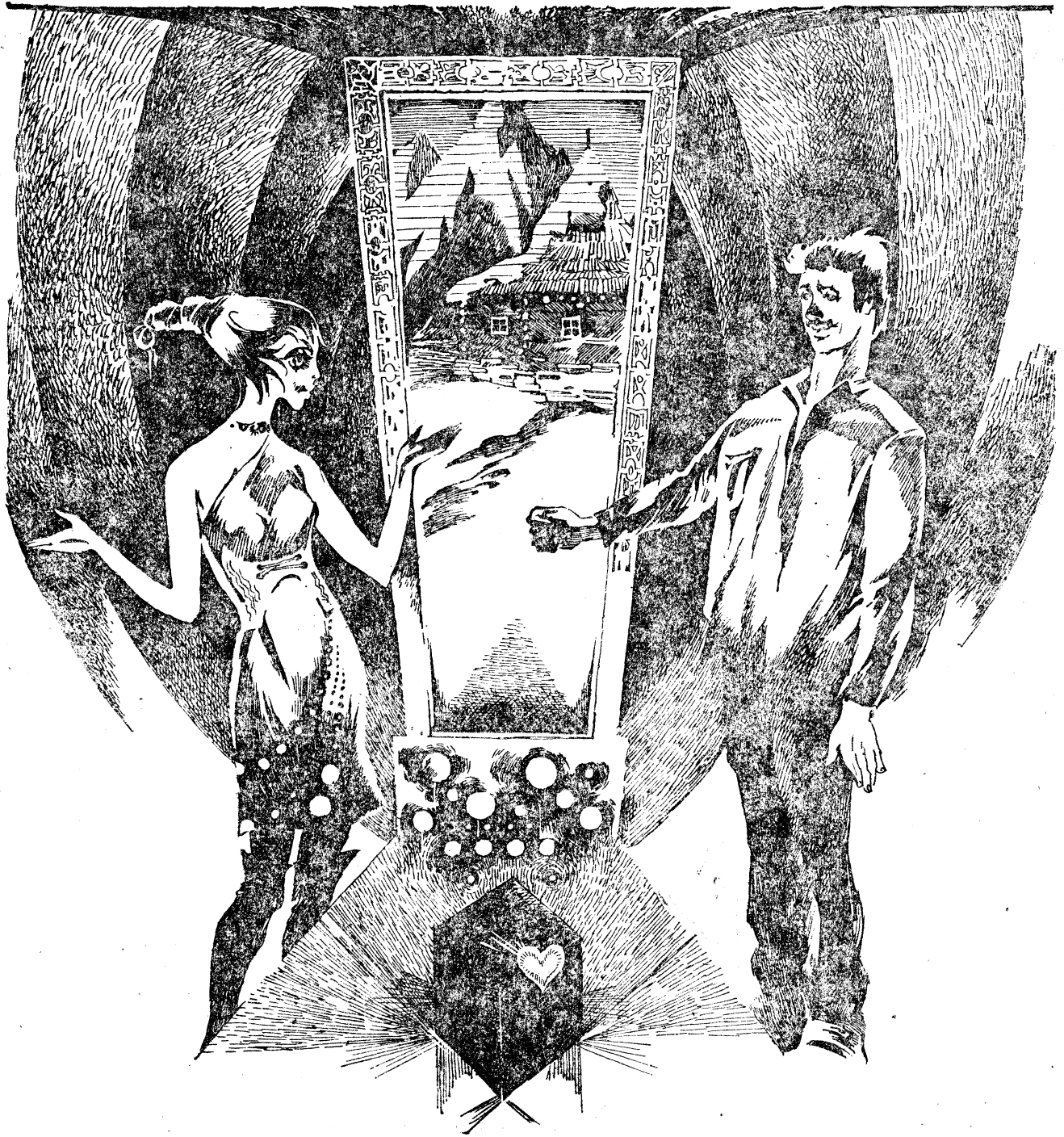
— Нет Николая — погиб...

— Меня спрашивали и спрашивают: каким чудом мы тогда уцелели? — говорит В. Журавлев. — Дело в том, что когда Дивиченко крикнул: «Идем на таран!», я сбросил две последние бомбы. Они взорвались прямо под самолетом, рванул и бензин в цистернах. Волна огромной силы, как щепку, подбросила наш бомбардировщик. Наверно, деревья смягчили удар. Мы свалились в овраг. Едва очнулись и выбрались на землю, как услышали — идет машина. Это были фашисты. Самолет пылал. Враги решили, что весь экипаж, конечно, уже сгорел, и быстро укатили.

После войны Владимир Журавлев был штурманом-испытателем. Он провел в воздухе более шести тысяч часов. Был в составе экипажа, который 26 мая 1965 года на вертолете МИ-10 установил мировой рекорд подъема груза. Этот рекорд по предложению Журавлева экипаж посвятил Уралмашу, где штурман работал до войны токарем.

Сейчас Владимир Владимирович Журавлев живет в Москве и передает свой богатый опыт молодым летчикам-испытателям.

А. АЛЕКСАНДРОВ

КРИБЛЕ- КРАБЛЕ-БУМС

Рассказ

Денис
Львов

Рисунок
Е. Стерлиговой

Робот К-95 избегал людей. Нет, он их не боялся и не робел в их присутствии, просто не имел желания встречаться с ними. Таким уж его создали на планете с труднопереводимым названием.

Прибыв на Землю и поселившись в отрогах швейцарских Альп, дядя Вилли — так в нашем мире назвал себя робот — зажил уединенной жизнью. Гости к нему не ходили. Если же в кои-то веки одуревший от скуки и одиночества сосед все-таки добирался до его дома, то встречал, мягко говоря, недружелюбный прием. К-95 цедил слова с такими паузами, что даже привыкшему к молчаливости жителю гор становилось не по себе. Прибавьте к этому, что спиртного дядя Вилли в рот не брал и никогда не потчевал им гостей, для разговора о девочках из долины был слишком стар, не отличал шестерки бубей от туза пик — и вам станет ясно: жизнь его протекала уединенно и безмятежно.

Но так казалось лишь на первый взгляд. На самом деле сутки робота К-95 были заполнены до отказа, ибо ревностно и со знанием дела выполнял он свою основную функцию — смотрителя тайного космического маяка. Кроме того, К-95 являлся первоклассным специалистом (другое за границу не пошлют) по ремонту оборудования космических кораблей. Он всегда был готов оказать экстренную помощь любому кораблю, совершившему посадку рядом с его охотничьим домиком.

Однако столетия проходили за столетиями, а такого чрезвычайного происшествия не случалось. Что ж, тем лучше, думал дядя Вилли, глядя ваясь в звездное небо. Если, конечно, роботы вообще способны думать...

Иногда, не чаще раза в пятьдесят лет, К-95 совершал прогулку вниз, к людям. Пробыв в толпе горожан дней пять-шесть, он поднимался к себе и отсылал на родину подробный отчет о виденном. Там на далекой планете, с интересом наблюдали за развитием земного общества, тревожась: погибнет неугомонная цивилизация в результате постоянной резни, голода и болезней или все-таки выживет...

К началу рассказа робот как раз двигался в город и уже миновал предместья. Шел К-95 размеренным шагом уставшего человека (4,27 километра в час), не обращая особого внимания на окружающий мир. Роботы не способны отвлекаться посторонними вещами. Но именно эта особенность и послужила причиной трагедии. Дядя Вилли не заметил, как наперерез ему вынесся из-за угла тяжелый грузовик. Раздался визгливый крик тормозов, шофер яростно крутанул баранку, но было поздно. Передние колеса подмяли под себя стража космического маяка, и робот перестал функционировать. Врач, прибывший на место происшествия, констатировал мгновенную смерть, а потом тело дяди Вилли было предано земле на самом дальнем участке кладбища. Оно и сейчас там лежит. Что ему делается, железу?

Шофера грузовика признали невиновным, и он отделался легким испугом. (Автор нуждался в нем лишь

для развития сюжета и, разумеется, лично позаботился о его безнаказанности).

И это все о них обоих. Оставим же робота К-95 в покое, как ружье, что после охоты вешают на стену до лучших времен.

Но история наша не кончается. Мы вновь поднимемся к суровым вершинам заснеженных Альп, навстречу опасностям, приключениям и, конечно, любви!

Был месяц март. Солнце вставало огромное, оно летело к зениту, рассыпая мириады искр на крепком насте. В такую погоду лыжная прогулка — редкое удовольствие. Тем более, что не бывал дальше Московских гор наш новый герой — молодой аспирант кафедры зарубежной литературы МГУ. Он приехал в Швейцарию на практику и еще в дороге мечтал покататься на лыжах в Альпах. Мечта была столь оборотиста, что после месяца спокойной жизни он взял у своих новых швейцарских друзей специальные слаломные лыжи и, зарезервировав за собой недельный отпуск, отправился в горы...

Да, чуть не забыл! Звали его Саша. Александр Петрович Чернобородов.

Швейцарцы славятся не только сыром, но и деликатностью, а потому, когда Саша объявил о своем решении, они не стали его отговаривать, ссылаясь на трудности подобных прогулок. Впрочем, один из них спросил с некоторым сомнением в голосе:

— Скажите, Александр Петрич, ви в самой дел умеит скакать с горка?

На что получил резко утвердительный ответ и, со свойственной жителям этой страны флегмой, сделал вид, будто не заметил отчаянного румянца, залившего обычно бледные щеки его собеседника.

Итак, месяц март. Что-то около полудня. Одна из невысоких гор в отрогах швейцарских Альп. В такой декорации мы впервые застаем нашего героя. Как он добрался до вершины, нас не должно интересовать. Посмотрим лучше на его подготовку к старту.

Вот он поправил темные очки на резинке, внимательно осмотрел крепления, взглянул вниз и тяжело вздохнул. Все-таки было высоко. И даже очень.

Но наш герой не стал бы нашим героем, если бы страх свой не преодолел и, оттолкнувшись палками, не ринулся отчаянно вниз.

Чудес на свете не бывает. В этом легко убедиться, заглянув в учебник физики для седьмого класса... Саша открыл глаза и обнаружил, что снег, попавший ему в нос и уши, столь же мокрый и противный, как и под Москвой. Потом он встал и с тревогой оглядел лыжи. Тревога оказалась оправданной. Левая лыжа, наскочив на предательский пенек, сломалась. Вот это уже была трагедия! Александр Петрович знал, что лыжи сделаны на заказ и стоят сумасшедших денег. А взять таковые было исключительно негде.

Раздумывая над сложившейся финансовой ситуацией, Саша взвалил лыжи на плечо и, утопая в альпийском снегу, двинулся туда, где, по его мнению, проходило междугородное шоссе.

День стремительно падал в объятия ночи, когда наш герой понял, что направление оказалось неверным. Саша совершенно уже решил повернуть назад, но тут заметил вдалеке одиноко стоящую избушку.

Проницательный читатель, должно быть, и сам догадался, куда направился наш герой. Да, это был охотничий домик дяди Вилли...

Александр Петрович постучал в дверь. Она оказалась незапертой и, уютно проскрипев, открылась. Странно, подумал Саша, хозяина нет, а между тем дверь открыта. Наверное, ушел куда-то недалеко и скоро вернется. Что ж, подождем.

Наш герой не знал, что хозяина дома давно уже нет в живых. (Впрочем, говорить так было бы слишком рискованно: называя робота живым существом, можно нажить себе кучу врагов в научном мире. Поэтому скажем иначе: наш герой не знал, что хозяин дома давно уже не функционирует. И пусть эта фраза выглядит стилистически плохо, даже ужасно, зато она верна фактически, с научной точки зрения, а о правдивости изложения автор печется больше всего...) Что же касается дверного замка, то он был, но, постучав, Саша, сам того не зная, послал условный сигнал на механопривратника, и тот, сработав, открыл дверь.

Саша вошел в комнату, походил по ней в задумчивости и, найдя, что температура слишком низка, решил затопить камин. Дядя Вилли, в глубине души презирая это человеческое изобретение, дающее больше дыма и копоти, чем тепла, держал его все же в целях конспирации.

Разведя огонь, Саша сел в кресло напротив и с наслаждением поставил озявшие ноги на решетку. Потом он сладко потянулся и нечаянно заснул.

Снилась ему еда. Вкусная, аппетитно пахнущая, она стояла на тарелке, попеременно представляясь то пельменями с уксусом, то горячим мясным бульоном. Саша схватил уже ложку и совершенно замахнулся на еду, но тут появилась муха. Она кружилась вокруг тарелки и противно жужжала.

Содрогаясь от отвращения, наш герой проснулся. Муха исчезла, как, впрочем, и еда, но жужжание, а точнее — нарастающее гудение, перешедшее затем в басовитый грохот, осталось. Оно заполнило все помещение, звенело стеклами окон. Наконец грохот достиг своей высшей точки, Саша почувствовал, как дрогнул весь дом, а потом наступила тишина.

«Неужели землетрясение? — мелькнуло в голове нашего героя. — Лучше, пожалуй, побыть на свежем воздухе. И он пулей вылетел за дверь.

Вылетел и замер, совершенно ошарашенный. Неподалеку от него, расцвеченное огнями, стояло летающее блюдо. Да, это было оно. Саша его сразу узнал. Недаром в университете он был одним из самых стойких приверженцев контакта с инопланетными существами.

(Нам-то с вами сразу стало понятно, что произошло. Это было то самое «ЧП», ради которого хранил свои знания ремонтника робот К-95. Случится же такое совпадение!)

Раздался глухой удар металла, и в днище блюда открылось отверстие. Из него довольно грациозно выпрыгнуло на землю существо и сказало:

— Эне, бене, раба!

— Чего? — спросил наш герой. Простим ему некоторую растерянность. Право, не каждый день удается наблюдать своими глазами космических пришельцев.

— Эне, бене, раба! — повторило существо и сделало нетерпеливый жест рукой. Проходи, мол, быстрее в корабль, не видишь, жду!

И Саша пошел. Автор мог бы напастить небыллиц о парализованной воле, о психомпульсе (слово-то опять какое ужасное!), заставившем Александра проделать этот

путь, но из любви к истине вынужден признать: ничего такого не было. Просто не понимал наш герой в те минуты, что он делает, не понимал. Был слишком, как уже отмечалось, ошарашен.

Вслед за инопланетянином он добровольно пролез в люк и оказался в овальном помещении со сводчатым потолком и пультом управления посередине. Все здесь было слишком миниатюрным: и стол, прикрепленный тремя ножками к полу, и два кресла у пульта. Да и сам пульт управления походил на трюмо. Высокий и узкий экран обзора был окружен рамой с филигранным узором, а ручки и тумблеры, переливаясь перламутром, напоминали всем своим видом крышки флакончиков для духов и маникюрных лаков.

Но не яркие краски привлекли внимание Александра Петровича. Широко открыв глаза, смотрел он на своего спутника, а точнее спутницу, ибо в ярком свете люминифоров предстала перед ним очаровательная блондинка с черными бровями и голубыми глазами. Была она одета в серебристую тунику, по которой струились алые блестки.

— Рики! — сказала инопланетянка и сделала жест в сторону Саши.

Наш герой переминался с ноги на ногу и мужественно молчал.

— Рики! Рики-тики-тави!

Александр Петрович почувствовал что-то неладное.

— Я не понимаю вас... простите...

Девушка шагнула к нашему герою.

— Право, вы меня с кем-то путаете, — бормотал Саша. — Ой, что вы делаете?!

В руке девушки блеснул неизвестно откуда взявшийся стержень, который она совершенно хладнокровно воткнула в Сашино плечо. Было больно и очень обидно. Саша отскочил в сторону.

— Хороший способ знакомиться! Так и убить можно...

Он потрогал плечо и почувствовал что-то теплое.

Наш герой был человеком мужественным, в чем легко убедиться, вспомнив его спуск по незнакомой трассе. Однако с детства не переносил кровь! Вот и сейчас он с содроганием смотрел на ладонь, по которой расползлась ярко-красная клякса. Впрочем, смотрел — не то слово. Саша лишь мельком взглянул на нее, и взгляда этого оказалось достаточно.

Очнулся наш герой на мягком ложе, в котором он узнал откиннутое кресло. Приподнял голову, осмотрелся. Куртка его, свитер и рубашка лежали на полу, а плечо было аккуратно перевязано. Рана несколько не болела, однако для верности Саша немного постонал. Тотчас в стене напротив открылась дверь, и появилась белокурая незнакомка.

— Зачем притворяйт? Не болит, так, да? — сказала она.

— Вы говорите по-русски? — Саша от удивления встал, но, устыдившись голого своего тела, лег снова и скрестил руки на груди.

— Говорите, так, да, — незнакомка улыбнулась. — Пока ты спать, я изучал твою психокартину. Изнутри. И выучил язык. Она несложный, верно?

— Действительно, — сказал джентльмен Саша. — Вы владеете им в совершенстве.

И с этого мгновения перестал замечать странный акцент незнакомки. Последуем и мы его примеру.

— Меня зовут Риара, — сказала она удивленному Александру. — Я прохожу курс стажировки в институте космической филологии на планете... — Название автор опускает, оно трудно поддается написанию, а тем более произнесению вслух: в нем 48 согласных звуков и лишь один гласный. — Это недалеко отсюда, всего два световых года. Там живут милые существа. Они, правда, немножко шестирукие и восемнадцатиглазые, но к этому быстро привыкаешь... Так вот, мои новые друзья рассказали мне, что в этом районе чудесная трасса космосла-лома. И вчера я взяла у подруги космолет — своего у меня нет — и вылетела сюда.

Риара вздохнула и пригорюнилась.

— День начался так чудесно. Я, конечно, не очень хорошо вожу эти модели, они ведь на шесть рук рассчитаны, но поначалу все шло благополучно. А потом на крутом повороте у меня сломался бризайт.— Честное слово, автор понятия не имеет, что это такое: бризайт! — Я знала, что ближайшая ремонтная мастерская находится на планете Земля, и направила корабль к этой планете. На посадку космолет вел автомат. Он ведь не мог ошибиться? Но вместо робота появился ты. Такой смешной. Стоял, вытаращив глаза, совсем как робот. Я и приняла тебя за него. А потом решила, что в твоём механизме что-то испортилось, и хотела тебя отремонтировать. А потом поняла, что ты живой... Как ты думаешь, Саша, может, автомат ошибся и совершил посадку на другой планете? Робота все нет и нет... А со сломанным бризайтом старт невозможен. Просто не знаю, что делать! Если придется вызывать на помощь моих шестируких друзей, мне будет очень стыдно. Ведь я сказала, что хорошо вожу их космолеты.

Последнюю фразу она произнесла таким жалобным голосом, что наш герой понял: он обязан отремонтировать бризайт, каких бы трудов это ни стоило.

— Покажи-ка мне твой прибор, Риара,— сказал он, поднимаясь и натягивая куртку.— Если робота нет, может быть, я сгложусь?

— Какой ты хороший,— благодарно прошептала Риара и погладила его по щеке. Саша покраснел.

Бризайт оказался большим черным кубом с красной кнопкой посередине.

— Что там происходит внутри, я не знаю,— сказала Риара.— Но когда я нажимаю на кнопку, на пульте должна загораться синяя лампочка. А она перестала загораться.

Таким образом, перед нашим героем предстала классическая проблема черного ящика.

Саша подошел к кубу и потрогал его рукой.

— А инструменты у тебя есть?

— Конечно,— оживилась Риара,— полный комплект. Сейчас принесу.

Она вышла на минуту и тут же вернулась, неся в руке изящный лакированный ящик.

— Вот. Тут все инструменты.

Александр вздохнул, как пловец перед стартом, и взял ящик в руки.

— А как он открывается? — спросил он после нескольких попыток.

— Ой, Саша, это же очень просто,— Риара рассмеялась.— Смотри!

Она щелкнула пальцами, и крышка ящика отскочила.

— Обыкновенный психоимпульс!

— Действительно просто,— Саша опасливо покосился на ящик.— А что, бризайт открывается так же?

— Нет. Он на винтах. Устаревшая конструкция.

— Ага! — повеселевшим голосом воскликнул наш герой.

И работа началась.

Такой простой снаружи, прибор оказался изнутри сложнейшим переплетением проводов и деталей. Саша с ужасом смотрел на их разноцветные узоры. Как ни странно, но его задумчивый вид успокоил Риару.

— Ты, наверное, хочешь есть? — сказала она, вспомнив свои обязанности хозяйки.— Я пойду приготовлю еду.

И Саша остался один. Он присел на корточки и без всякой надежды потрогал провода. Ситуация была совершенно кошмарная.

«А Риара поверила, что я смогу починить эту штуку,— с тоской подумал он.— С какого бы бока к нему подлезть? Нет, лучше ничего не трогать, так, по крайней мере, большей беды не будет...»

Болезненно морщась, Александр собрал кожух, и вновь перед ним предстал неназванный черный ящик. «Проклятая машина!» — подумал наш герой и, не удержавшись, с силой ударил по нему кулаком.

И в ту же минуту лампочка на пульте загорелась,

Она сияла ровным синим светом, и даже непосвященный мог понять — бризайт работает.

(А скептически улыбаться совсем ни к чему. Не верите, что лампа загорелась от удара кулаком? Тогда вспомните, как это бывает. По телевидению передают хоккейный матч между нашей сборной и НХЛ. У ворот канадцев ожесточенная схватка, и все домашние вместе с вами привстали с мест. Вот сейчас! Сейчас!.. Но именно в эту минуту изображение гаснет. И напрасно вы срываетесь к телевизору и крутите все ручки сразу и подряд. Упрямая машина не работает, хоть плачь! Тогда в сердцах, сами не понимая, что делаете, вы стучите по ее крышке кулаком. И экран оживает в тот момент, когда Мальцев — о, Мальцев! — забивает свой очередной и блистательный гол. И вы, забыв обо всем на свете, вместе с Николаем Озеровым, вместе со всем стадионом упоенно кричите: «Шайба!..» Скажите, разве так не бывает?)

Лампа горела.

Саша нажал кнопку, и лампа погасла, нажал вновь — включилась. Ничего не понимая, наш герой воровато оглянулся, и глаза его встретили такой благодарный взгляд Риары, что темно-красными стали Сашины щеки, а в сердце...

Но о сердце потом.

Они смотрели друг на друга, и это было... это было... Нет, автор решительно не в силах описать, что это было.

— А сейчас мы будем ужинать,— сказала Риара, хотя думала сказать совсем другое. И Саша радостно кивнул. Верить ли ты, читатель, в любовь с первого взгляда?

Ну, конечно же! А скептиков и маловеров попрошу дальше этих строк не читать.

Впереди у них была целая неделя. Неделя!

На сотне планет побывали они, и Риара показала Александру красоту космоса, но она была несравнима с ее красотой. На сотне планет ему нравилась только она — Риара. И в сумрачных лесах Ашеры, и среди поющих трав планет-близнецов Лаэдари и Стомпы, и в розовых пещерах Синиана. Он любил ее, как Ромео Джульетту, как Орфей Эвридику, как Гиор свою Лиору. Печальную эту легенду — о Гиоре и Лиоре — рассказала ему Риара.

Он любил ее, и она любила его. И все было прекрасно.

Но неделя прошла, и вновь опустились они у охотничьего домика дяди Вилли. Саша развел огонь в камине. Они сели рядом и молча смотрели на извивы пламени.

И Риара спросила:

— А как ты попал сюда?

И Саша поведал ей свою грустную историю. И даже лыжу показал.

— Любимый,— воскликнула Риара,— но ведь это так просто!

Она провела рукой по сломанному месту, и лыжа вновь стала целой.

— Обыкновенный психоимпульс.

— Действительно, просто! — Саша улыбнулся и поцеловал Риару.

Но на сердце его... Вот теперь, как и было обещано, пришла очередь поговорить о сердце. На сердце нашего героя было тревожно и по-осеннему пасмурно. Близилась минута разлуки. Мгновение — и его Риара, его Аэлита, умчится в звездные глубины. И когда она вернется? И не забудет ли его в обществе своих шестируких друзей?

Печальна была и Риара. Автор не берется судить о женской психологии, о психологии инопланетянок — тем более, но в данном случае ему все ясно. Риару волновали те же самые проблемы.

И минута настала.

— Пора,— мужественным голосом сказал Саша.

Печально улыбаясь, Риара встала и провела рукой по его щеке.

— Сашья, я лублюм тибья,— прошептала она, и у

автора нет сил подгонять ее слова под железные правила фонетики.

А потом летающее блюдце тонко зазвенело и умчалось к звездам Риару и Сашино сердце.

Конец...

Правда, печальная история? Мне и самому, признаться, невесело от всего этого. Но что поделаешь, даже автору непозволительно переступать рамки логики. Хотя... стойте! У нас ведь остался робот! Помните, я говорил там, в самом начале, о том, что мы оставляем его, как ружье вешают на стену до лучших времен? Ну а ружье висит — из него можно выстрелить.

Итак, робот... На далекой планете с труднопереводимым названием сообщение Риары о его гибели вызвало немало огорчений. Необходимо было срочно искать замену. А где ее взять? Изготовление роботов этого класса — процесс удивительно трудный и длительный, а космический маяк очень капризен, за ним необходим постоянный надзор. И тогда Риара...

Но давайте по порядку.

Была осень и слякоть. Что-то около восьми часов ноябрьского вечера. Александр Петрович Чернобородов сидел на кухне и, печально глядя на фотографию Риары, ел бутерброд со швейцарским сыром. Однако мысли его были далеко. Они уносили нашего героя от швейцарского сыра к швейцарским Альпам. Громкая трель дверного звонка вернула его к мирской суете. Саша зашел к двери.

На лестничной площадке, поставив на грязный бетонный пол маленький чемоданчик, стояла Риара. Не верите? Действительно автор переборщил. Пол на площадке был не грязным, а вымытым до блеска. Теперь верите? То-то...

Итак, герои встретились. Потом было два часа сорок минут такого счастья, что автор беспомощно разводил руками и глупо хихикает. Потом они пили чай и жевали бутерброды.

Потом Саша спросил:

— Но как ты сюда попала?

И Риара рассказала ему о том, что нам с вами уже известно.

— Узнав, что робота послать на Землю нельзя, закончила она, — я предложила тебя, мой любимый. Я понимаю, что это трудно, ты можешь не справиться...

— Я? — наш герой ощутил в себе могучие силы. — Я не справлюсь?! Да я весь ваш космический флот почию! Раз плюнуть!

Что удивительно, он даже не покраснел.

— Я тебе верю, — прошептала Риара. — Я смогла убедить Совет планеты. Меня отправили сюда, чтобы вести тебя в должность. Было так страшно. Я ведь ни разу не прыгала с парашютом. А вот пришлось... Мы телепортируем маяк куда-нибудь поблизости, замкнем пространство, и никто его не увидит, кроме нас. Это нетрудно. Я все сделаю сама...

И тут Саша тяжело вздохнул.

— А потом? — спросил он, и голос его дрогнул. — Потом ты снова улетишь?

Риара покраснела.

— Но, любимый, — проговорила она и наклонила голову, — я ведь сказала тебе, что прыгала с парашютом! А разве на нем можно подняться вверх?

Вот теперь настоящий конец. Кривле-кривле-бумс! Что в переводе с языка Риары означает: хотите — верьте, хотите — нет.

«Экстелопедия» и другие...

Известны ли вам печатные произведения, текст которых может изменяться даже тогда, когда они уже куплены и стоят на книжных полках!

ВИКТОРИНА-82

Отвечая на вполне конкретный вопрос викторины, мы подумали: а ведь интересно посмотреть, что пишут фантасты о книге будущего, об увеличении ее «емкости»?

Сразу отметим, что тема разговора — произведения, где книги заменены другими источниками информации (телекниги, кристаллы памяти и т. п.). Нет необходимости задерживаться и на случаях, когда герои находят «старые бумажные книги», — их множество.

Среди известных нам произведений только в двух предполагается, что их текст «самостоятельно подвергнется соответствующей коррекции (реадаптации)» при получении новых данных. Это пробный лист из «Вестранда Экстелопедии» (на русский язык пока не переведен) и рекламный проспект «Экстелопедии Вестранда» (русский перевод — 1978), которые включены Станиславом Лемом в сборник предисловий «Мнимая величина». Экстелопедия Вестранда — согласно проспекту — это Экстраполяция Телеономическая Энциклопедия, или направленное Прогнозирование с Максимальным Упреждением во Времени, и понятно стремление ее издателей вносить в экстелопедию все появляющиеся изменения.

Читатели могут задать вопрос: почему же издание, которое имеется у них, не изменяется? Но эта публикация, как и польские издания, напечатана черным цветом, а в проспекте сказано: «Черный цвет означает, что Верпривирт (вероятностный процент виртуализации) превышает 99,9%, или, проще говоря, что все будет Железном». Вот так...

Все остальные печатные произведения с меняющимся текстом встречаются только фантастическим

ЭСТАФЕТА СЮЖЕТОВ

А. Р. ПАЛЕЙ

героям. Наиболее распространены при этом случаи изменения не просто части книги, но всего содержания.

Самый простой — сказочный — вариант такой «книги-перевертыша» попадает м. н. с. А. Привалову. Книга обобщается то «Хмурым утром» А. Толстого, то «Творчеством душевнобольных» П. Карпова, то «Последним изгнанником» Д. Олдриджа...

«...Я отлично помню первую партию сего литературного «конструктора». То были коробки величиной с увесистую книгу, и в каждой лежала инструкция, инвентарная опись и набор стройматериалов. Детальными конструктора служили нарезанные на полоски отрывки из классических романов. На полях каждой полоски были прорезаны дырочки — с их помощью цитаты легко «переплетались» в книгу — и стояло несколько разноцветных цифр». Если расположить полоски по порядку черных номеров, то получается исходный текст — не менее двух сокращенных классических романов. Переставляя полоски, можно «конструировать» новые произведения, примеры таких перестановок указаны цветными номерами. Следующим этапом стал «улучшенный вариант конструктора: сброшюрованный том чистых листов, покрытых особой мономолекулярной магнитной пленкой; стоило наложить на такую страницу цитату, как она приклеивалась сама собой».

Эта рецензия Станислава Лема на набор «Сделай книгу сам» является сатирой на издателей, слишком вольно обращающихся с классической литературой.

Герой новеллы «Потрясающий детектив» Герхарда Бранстнера изобрел «самый лучший» детектив: «Если ты, прочитав книгу, хорошенько ее встряхнешь, все перемешивается в свое сочетание, и у тебя новый детектив. И так без конца». Намек на некоторых авторов приключенческой литературы также понятен.

И, наконец, еще одна чудо-книга. Ее привезли на машине времени из будущего и разобрать с нею попросили писателя-фантаста Дмитрия Биленкина, о чем он и написал в рассказе «Пустая книга».

«Я с трепетом принял книгу. На ощупь переплет оставлял впечатление сафьяна, но то была не кожа, а какой-то иной дивный материал... Надпись «Компакт» вверх».

Я жадно раскрыл ее. Книга была пуста... Прекрасная тончайшая бумага. И на ней — ничего... На последней странице, там, где в наши дни помещаются выходные данные, стояло: «Издательство «Эра». 2080 год. Больше ничего...»

Секрет «пустой» книги остался бы нераскрытым, если бы не случайная мысль героя рассказа: «Сезам, откройся!»

«Я не успел моргнуть, как с чистых было страниц на меня в упор глянули слова и формулы! Я с воплем вскочил. Видение не исчезло. Передо мной были самые обычные на вид, типографским способом отпечатанные страницы... В глазах зарябило от незнакомых слов, разноцветных формул, объемных схем и рисунков; вся тысяча листов была о физике — и какой!

Так просто! «Сезам, откройся», принятые как код слова наивной сказки, древняя мечта-команда, и все, и ничего больше, и... И только ли наука? «Хочу «Таинственный остров» Жюль Верна, Сезам, откройся!» — выкрикнул я, и тут же передо мной возникли с детства знакомые слова:

«— Мы поднимаемся?

— Нет! Напротив! Мы опускаемся!

— ...Все тяжелое за борт! Все!..»

Значит, вот оно как!.. Наши далекие потомки не смогли, не захотели расстаться с давним и верным спутником человечества... Книга всех книг, если на то пошло. Впрочем, это можно было предвидеть. Кто же по доброй воле расстается со старыми друзьями?»

Этой большой цитатой мы и закончим разговор о будущем книги.

Одни и те же темы нередко служат основой для различных произведений. Значит ли это, что происходит заимствование?

Обратимся к примерам.

Широко известен роман В. Брагина «В стране дремучих трав» — он неоднократно переиздавался. В нем идет речь об ученом, который нашел способ превратиться в миниатюрное существо и очутился в мире насекомых. С ним происходит множество приключений, читатель с увлечением следит за судьбой изобретателя, попадающего временами в трудные, даже трагические положения, а попутно обогащается интересными и разнообразными сведениями.

Роман Брагина вышел впервые вскоре после Великой Отечественной войны. А лет за пять до войны появилась повесть Я. Ларри «Необыкновенные приключения Карика и Вали». Эти ребята — Карик и Валя — тоже попали в мир насекомых, уменьшившись до соответствующих размеров, и тоже познакомились с микромиром фауны и флоры непосредственно, став как бы частью его.

Еще раньше — много раньше: в 1899 году! — журнал «Всходы» опубликовал русский перевод повести польского писателя Э. Маевского, написанной на ту же тему.

Все это — совершенно различные произведения как по своему характеру, так и по содержанию.

Недавно вышел новый роман Георгия Гуревича «Темпоград». Уменьшение людей до размеров насекомых является в нем лишь эпизодом. Микронавтами назвал автор этих ученых, задавшихся целью наблюдать непривычную для человека среду, так сказать, изнутри. Но микронавты этим не ограничиваются и продолжают уменьшаться до клеточного уровня и еще дальше: они переходят в «ядерно-квантовый мир», чтобы глубже изучить строение материи.

Не увлекся ли чрезмерно Гуревич, не перешел ли грань, допустимую для научной фантастики?

Но и тут у него был предшественник, притом весьма серьезный: поэт Валерий Брюсов, один из образованнейших русских людей. Вот начало его стихотворения «Мир электрона»:

Быть может, эти электроны —
Миры, где пять материков,
Искусства, знанья, войны, троны
И память сорока веков!

Еще, быть может, каждый атом —
Вселенная, где сто планет;
Там всё, что здесь, в объеме сжатом,
Но также то, чего здесь нет...

В фольклористике существует такое понятие — бродячий сюжет. С полным основанием его можно отнести к художественной литературе, в том числе и к фантастике.

Бывают, конечно, произведения несамостоятельные — в тех случаях, когда автор не сумел по-своему осветить тему, разработать сюжет, обрисовать образы действующих лиц. Если же все элементы подлинного художественного творчества налицо, то произведение имеет вполне самостоятельную ценность. Тема, сюжет могут и повторяться — все дело именно в том, как они разработаны.

**В. КАРАБАЕВ,
Р. КАДИКОВ**

**Наталья
ФЕДОРОВА**

*Оформление
А. Петрова*

Сильна в сердце человеческом тяга к неведомому, к познанию новых земель и народов. Кому не знакома колоритная фигура восточного купца, вернувшегося из далеких опасных путешествий и рассказывающего в кругу друзей и знакомых о своих необычайных приключениях. Но не только купцы отправлялись в дальние странствования, по караванным путям средневековья двигались посольства царей и халифов, шли пешком паломники в святые места, пересажали с места на место в поисках новых знаний ученые. Многие из них оставили описания своих путешествий, которые сейчас являются бесценным источником для изучения истории разных народов.

К числу земель, загадочных для просвещенного араба или перса времен развитого средневековья (X—XII века нашей эры), относятся и районы Поволжья и Прикамья. А уже за Уралом начинались совсем фантастические места обитания страшных яджуджей и маджуджей.

На средней Волге в IX веке образовалось государство — Волжская Болгария. Родственники дунайских болгар в X веке приняли ислам и тогда же примерно освободились от господства над ними хазарского каганата, которому до той поры платили дань. Из всех своих занятий болгары, или, как их называют в отличие от дунайских болгар, булгары, более всего прославились торговлей. Как мусульмане они довольно тесно были связаны со странами халифата, как самая северная исламская страна они владели путем, по которому прекрасные северные меха попадали на далекий юг — к персам и арабам. От них любознательные

путешественники узнавали о северных народах.

В июне 921 года из города мира — Багдада выехало посольство. Ему предстояло пройти длинный путь через Иран, Среднюю Азию, Приаральские степи, Южный Урал к царю булгар. Царь этот написал главе всех мусульман халифу багдадскому аль-Муктадиру письмо, в котором он просил прислать людей «из тех, что научили бы его вере, преподали бы ему законы ислама». Честь выполнить это важное дело выпала некоему Ахмеду ибн-Фадлану.

Ибн-Фадлан не только выполнил свою миссию, но и оставил бесценное описание своего путешествия. Впрочем, как совершенно справедливо говорит известное латинское изречение, «книги имеют свои судьбы», судьба книги Ахмеда ибн-Фадлана была не простой. Уже к XIII веку она была почти забыта, а сведения, собранные посольством, сохранились только в труде известного арабского ученого, византийца по происхождению, Иакута ар-Руми, который использовал выдержки из труда ибн-Фадлана при составлении своего «Географического словаря». Только по этим выдержкам ученые и знали о существовании в прошлом такого труда и его автора, совершившего путешествие в Поволжье в X веке.

В 1923 году на севере Ирана, в библиотеке города Мешхеде была обнаружена рукопись труда ибн-Фадлана. В 1935 году во время международного конгресса по искусству и археологии Ирана, состоявшегося в Ленинграде, фотография этой рукописи была подарена Академии наук СССР иранским правительством. И в 1939 году — через тысячу лет после напя-

сания — труд Ахмеда ибн-Фадлана увидел свет в переводе и с комментариями известного советского востоковеда А. И. Ковалевского.

Ибн-Фадлан увидел на Волге много чудесного и удивительного. Конечно, не обошлось без восточных преувеличений и некоторой цветистости слога, но в общем, по словам переводчика, «перед нами окно, открывшееся на давно минувшую действительность».

Прежде всего Фадлана удивляют диковины северного климата: короткие белые ночи, когда, по его образному выражению, поставленный на закате котелок не успевает закипеть до рассвета; какое-то явление вроде северного сияния: «Я поднял голову и вот вижу облако подобное огню, и вот в нем видны подобия людей и лошадей, и мы смотрели на отряд, издающийся на отряд».

Не только чудеса, однако, записывают ибн-Фадлана. Он довольно

подробно описывает быт и занятия людей, с которыми сталкивался. Царь булгар еще не живет в городе, а кочует со своими приближенными. Слavia царя, приближенные рассыпают на него серебряные монеты — дирхемы. Пьют они мед и сок особого дерева с белым стволом. Пища их главная — это просо и мясо лошади. Пишет ибн-Фадлан и о далекой торговле булгар: «У них много кушцов, которые отправляются... в страну, называемую Вису, причем привозят соболей и черных лисц... На реке Атиль (Волге) место рынка, который бывает во всякое время и на нем продается много полезного товара».

Царь булгар рассказал Фадлану удивительную историю о великане, прильвшем к ним по реке. Великан был до того страшен, что люди умирали от страха, взглянув на него. Царь говорил, что никто не знал, откуда он взялся, и тогда решили написать в Вису и спро-

сить у них. Видимо, страна Вису находилась к северу от булгар, где-то на территории верхнего Прикамья, что отчасти подтверждается и последними археологическими исследованиями. Вису ответили царю, что этот великан из народа яджуджей и маджуджей, обитающих еще севернее Вису. Народ этот необыкновенный, а от всех прочих его отделяет стена, в которой есть ворота. Питаются же эти люди огромной рыбой, выходящей на берег, отрезая от нее куски, «а когда насытятся, то она уходит обратно в море».

Даже нам сейчас трудно понять, где в этой истории правда, а где вымысел. Несомненно, что страшный великан — выдумка царя булгар, хотя он показал Фадлану и вещественное доказательство — огромные кости этого великана: «И я увидел, что голова его подобна большой кадке, ребра его подобны самым большим плодовым веткам пальм и таковы же кости его голеней и обеих его локтевых костей. Я же изумился ему и удалился».

Можно только гадать: кости какого животного выдал царь булгар за кости великана.

Во всех же остальных сведениях правда и вымысел причудливо переплетены. Стена, отделяющая яджуджей от прочего мира, это, вероятно, Уральские горы. Легендарные яджуджи и маджуджи, очевидно, предки современных хантов и манси. Огромная рыба, выходящая на берег, вероятно, кит. Случай, когда кита выбрасывало на берег и он там обсыхал, становясь легкой добычей прибрежных жителей, известны. Явный же налет сказочности во всех этих рассказах можно отнести за счет желания припугнуть кушцов с востока, отбить у них желание забираться в далекие северные края и тем самым конкурировать с булгарами. И в самом деле, насколько сейчас известно, ни арабы, ни персы дальше Булгара не заходили.

Вторым путешественником, побывавшим в этих краях и оставившим свои записки, был Абу Хамид ал-Гарнаги. В Булгаре он был в 1135—1136 годах, то есть через двести лет после ибн-Фадлана.

В XII веке Булгар уже не тот, что был в десятом веке, тем интереснее сравнивать записки обоих очевидцев.

Абу Хамид ал-Гарнати родился очень далеко от Волги, на самом западном краю исламского мира — в Гренаде (ал-Гарната по-арабски). Он получил довольно обычное в то время богословско-филологическое образование, но ничем особенно не выделялся среди прочих образованных людей своего времени, и вряд ли мы бы узнали о нем, если бы не его путешествия. Сначала он отправился, как в то время водилось, в центр — Александрию, Каир, Багдад — для продолжения своего образования. По пути он не преминул осмотреть диковины и чудеса тогдашнего мира, в частности, побывал даже внутри пирамиды Хеопса. Но вскоре его путешествия выходят за пределы мусульманских культурных центров. Ал-Гарнати отправляется в Азербайджан, потом на нижнюю Волгу и обосновывается на 20 лет в городе Сакси-не. Там он преподает мусульманское право, отсюда же он совершает свою поездку в Булгар. Из Булгара Абу Хамид отправляется на Русь, потом в Венгрию, где прожил три года, и наконец вернулся в Багдад. Всего он странствовал сорок лет и видел много чудесного и необычайного. К нему, как к Синбаду-мореходу, собирались гости и слушали его захватывающие рассказы. Гостям принадлежит и сама идея написания книги. «Если бы не эти достойные имамы, которые просили меня и желали, чтобы был собран этот сборник, то я не взялся бы за него, ибо не считаю себя способным к сочинительству», — писал он. Книгу свою он назвал «Ясное изложение некоторых чудес Магриба».

Какие же чудеса увидел Абу Хамид ал-Гарнати в далеком Булгаре? Надо сказать, что за двести лет, прошедших со времен ибн-Фадлана, произошло много перемен. «Булгар — огромный город, весь построен из сосны, стена городская из дуба». Царь булгар уже не кочует, а живет в городе. Окрестные народы платят ему налог — джизью. Не обошлось и без вели-

кана: «И видел я в Булгаре человека... рост его — больше семи локтей (3,5 метра). Он был сильным: брал заколотую лошадь и ломал ее кости, я бы не смог разрубить ее с такой скоростью топором. А царь Булгара изготовил для него кольчугу, которую он возил с собой на войну на повозке».

Самое интересное для нас — это описание северных земель и народов. Здесь изрядно поубавилось фантастики, а некоторые сведения просто бесценны для историков и этнографов. Ал-Гарнати, так же как и Фадлан, начинает свое описание со страны Вису, причем сообщает близкое к истине расстояние между ней и Булгаром — 30 дней пути по реке (от низовьев Волги до Булгара он добирался сорок дней). А за Вису на море Мраков есть область, известная под названием Йура... а у жителей Йуры нет войны, и нет у них ни верховых, ни вьючных животных». Но тем не менее товар, который пользуется у них наибольшим спросом, мечи, вернее, клинки для мечей. «И закаляют эти мечи крепкой закалкой, так, что если подвесить меч на нитку и ударить ногтем или чем-нибудь железным, или деревянным, то долго будет слышен звон. И эти мечи как раз те, которые годятся, чтобы везти их в Йуру». А нужны эти мечи Йуре, оказывается, только для того, чтобы бросить их в море, и тогда появится старая знакомая — чудо-рыба, и все будут сыты и довольны.

Видимо, какая-то часть клинков действительно шла на переделку, в том числе на изготовление гарпунов, откуда и родилась версия о бросании мечей в море.

К сожалению, наши северные народы не имеют своих летописей, а фольклор датировать трудно. Но памятники местного изобразительного искусства Нижнего Приобья, начиная с X века, изобилуют явно не мирными сюжетами, где не последнюю роль играет сабля. Обычно это воинственный танец: люди в племах, держащие по сабле в каждой руке, пляшут вокруг центральной фигуры вождя, который обычно изображается больше ростом, чем прочие.

Далее ал-Гарнати со слов купцов описывает «немую» торговлю, когда купец и покупатель не видят друг друга: купец кладет свой товар и уходит, затем появляются покупатели, кладут против товара меха, рыбу или еще что-нибудь и тоже уходят. Если купцы довольны тем, что им предложили, они забирают меха, оставляя товар, и так далее. Можно представить, какими чудесами все это казалось багдадским приятелям Гарнати!

Ученым же наших дней, исследующим материальные остатки культуры тех далеких времен, свидетельства очевидцев помогают как бы увидеть воочию ту жизнь, о всей полноте и сложности которой мы можем только догадываться...

Из заштатного Далматова

Аркадий
КОРОВИН

В ту пору, когда лицеист Александр Пушкин писал первые стихи, в России широко распевалась песня «Среди долины ровныя». Автор слов ее — профессор словесности, красноречия и эстетики, блестящий оратор, первый профессиональный русский литературный критик, учитель Лермонтова, Грибоедова, Тютчева, поэт Алексей Федорович Мерзляков занял особое место в русском сентиментализме.

Великий критик В. Г. Белинский писал:

«Это талант был мощный, энергический. Какое глубокое чувство, какая неизмеримая тоска в его песнях! Как живо сочувствовал он в них русскому народу и как верно отразил в их поэтических звуках лирическую сторону его жизни».

Мерзляков первым перенес «русскую грусть-тоску, русское горевание», как голос народа, в поэзию.

Алексей Федорович Мерзляков — урадец. Он родился в заштатном городе Далматове 17 (28) марта 1778 года в семье мелкого купца, дела которого были в полном расстройстве.

За четыре года до его рождения прокатилась мощная волна Крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева. Восставшие полгода держали в осаде монастырь. Многие далматовцы оплакивали родных, казненных на зубцах монастыря, многие помнили, как беспощадно их били батожьем за сочувствие Пугачеву, за участие в восстании. Мальчик видел эти слезы. Видел и бедность, беспомощность отца.

Увезли Алешу в Пермь, к дяде. В доме дяди жилось не легко. Алеша выполнял лакейские обязанности. Здесь он закончил народное училище. Стихи 13-летнего мальчика стали известны попечителю пермских народных училищ И. И. Панаеву, губернскому прокурору. Он и заметил старательного Алешу Мерзлякова, послал его в столицу учиться, снабдив рекомендательными письмами Хераскову, Ивану Тургеневу, Фонвизину, прося их об определении на учебу в университет Алексея Мерзлякова. Он не ошибся — Мерзляков стал блестящим светилом нашей поэзии.

В 1793 году Мерзляков был зачислен в гимназию при Московском университете, а в 1798 году — в университет.

В 1804 году А. Ф. Мерзляков получил степень магистра и кафедру русского языка и словесности в Московском университете, где служил до самой смерти — 26 июля 1830 года.

Народ России почти два столетия пел замечательные песни Мерзлякова — «Среди долины ровныя», «Не липочка кудрявая», «Что не девица во тереме своем», «Чернобровый, черноглазый», «Вылетела бедна пташка», «Ах, что ж ты, голубочек», «Ах, девица-красавица» и другие, считая их народными. Это высокая оценка творчества А. Ф. Мерзлякова.

Самую знаменитую песню «Среди долины ровныя» запели только в 1816 году, когда капельмейстеру придворных театров С. И. Давыдову предложили поставить к открытию сезона в императорском театре дивертисмент в народном духе. Композитор использовал стихи А. Ф. Мерзлякова, переложив их на музыку. Недавно, кстати, были найдены многие ноты этого замечательного русского композитора, предшественника Михаила Глинки.

В 1801 году А. Ф. Мерзляков вместе с университетскими друзьями — В. А. Жуковским, А. Ф. Воейковым и Андреем Тургеневым организовал «Дружеское литературное общество», ставившее перед собою цель изучать русский фольклор, «глубоко выискать в характер русского народа». С той поры его стихи выражали лиризм простого русского сердца.

Как лектора А. Ф. Мерзлякова приходили слушать Н. М. Карамзин,

И. И. Дмитриев, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, князь Н. И. Ильин, князь Д. В. Голицын и многие другие крупные деятели русской литературы и культуры. В 1812 году А. Ф. Мерзляков читал лекции на дому князя Д. В. Голицына на Басманной. Война прервала это чтение. В 1815 году он возобновил их в доме А. Ф. Кокшкыня у Арбатских ворот.

Мерзляков совместно с С. И. Смирновым издавал журнал «Амфион» (1815 год). В 1830 году книгопродавец Салаев предложил А. Ф. Мерзлякову издать книгу его стихов и песен.

Афоризм Мерзлякова «Все други, все приятели до черного лишь дня» стал пословицей. Известная певица той эпохи Н. С. Сандунова любила неть мерзляковскую «Я не думала ни о чем в свете тужить». Под конец жизни Алексея Федоровича Мерзлякова избрали членом Академии наук.

А. Ф. Мерзляков был первым редактором трудов великого русского революционера А. Н. Радищева. Не побоялся он взять на себя ответственность, добился издания запрещенного Радищева.

А. С. Пушкин и А. Ф. Мерзляков были лично знакомы. Мерзляков высоко ценил романтические поэмы юного Пушкина. Читая поэму «Кавказский пленник», он плакал. Пушкин в переписке с друзьями не раз упоминал имя Мерзлякова. Споря с А. А. Бестужевым о состоянии литературной критики, отрицая бестужевское утверждение, что «у нас есть критика, а нет литературы», Пушкин доказывал: «Именно критики у нас и недостает. Отселе репутации Ломоносова и Хераскова, и если последний упал в общем мнении, то, верю, уже не от критики Мерзлякова».

Алексей Федорович Мерзляков умер 26 июля 1830 года. И. И. Дмитриев писал в некрологе: «Мы лишились Мерзлякова. Я был у него на погребении в Сокольниках. Прекрасное утро: сельские виды, повсюду зелень, скромный домик, откуда несли его... на подушке один только крестик Владимира»...

Кем был Лимон?

**Валерий
ЧЕРНОВ**

Фамилия Лимонов, которую носит один мой знакомый, образована или от прозвища Лимон, или от собственного имени с таким же звучанием.

Сомнительно, что Лимон — имя или прозвище русского человека. Фрукт лимон был доступен только богатым, знатым людям. В одном из рукописных сборников пословиц, составленном в XVII веке, есть такая поговорка: «Артамоны едят лимоны, а мы, молодцы, едим огурцы».

В русском языке известно фонетическое явление, называемое редукцией. Сущность его состоит в том, что безударные гласные звуки произносятся более кратко, чем ударные, то есть редуцируются (сокращаются, ослабевают). Более сильной бывает редукция гласного звука, находящегося во втором предударном слоге или в заударных слогах. Разве нам не случалось слы-

шать, как словосочетание «все равно» звучит близко к «сёрно», а «всетаки» — «сётки»...

Вот и слово «лимон», от которого образована фамилия Лимонов, наверняка, представляет собою результат редукции начального слога христианского имени Филимон. При этом говорящие настолько слабо произносили звук «ф», а гласный «и» вообще пропускался, что получалось «флимон», а до слушающих доходило — «лимон».

Таким образом, Лимонов — это фактически Филимонов в южно-русском произношении, которое характеризуется высоким уровнем редукции не только гласных, но и согласных звуков. Лимон был Филимоном.

Что такое Матафон и Епера?

В православном сборнике имен (в «Святцах») хотя и встречаются непривычные нам имена, например, Матридия, Хиония, Амплий, Фифаил, Мемнон, Иасон имени Матафон нет. На прозвище это слово тоже не похоже. Прозвище, если оно не является отфамильным, таким, как допустим, Потер от фамилии Потеряев, обычно образуется от какого-нибудь общепонятного слова — Котов, Тряпкин... Но вот встретила фамилия Дулепов, которая происходит от Дулеп — прозвища, которое восходит к орловско-курскому наречительному диалектному существительному «дулеп» — «бестолковый,

неповоротливый». Пакулин — от прозвища Пакула, «левша», значит. То есть нередко прозвище, взятое из необщепонятных слов, имеет в основе диалектное.

Слово «матафон» отсутствует в словарях русских местных говоров. Но если обратиться к словарям тайных языков, которыми в дореволюционное время пользовались бродячие ремесленники и торговцы, а также преступники, то и разгадается загадка. Чтобы получить максимальную выгоду, барыш, таким ремесленникам надо было иметь возможность переговорить друг с другом так, чтобы заказчики не могли

понять, о чем идет речь. С этой целью и вырабатывались тайные языки, называемые обычно жаргонами, у которых фонетика и грамматика были русскими, а слова особенными, очень нестрого происхождения. В словаре одного из таких языков и находим слово «матафон», имеющее значение «кот». Следовательно, Матафонов можно перевести как Котов.

В другом словарики тайного языка, а такие словарики часто печата-

лись в дореволюционных научных журналах, находим и слово «енера» — «вор».

Вот еще одна фамилия, которая, возможно, имеет жаргонный корень,— Алеников. В жаргоне скупщиков масла было слово «алено» — «масло». Тогда Алеников значит Масленников.

Есть ли слово «подмарь»?

Откуда взялась фамилия Подмарёв? А она загадочна, так как в словарях русского языка не зафиксировано такого слова — «подмарь».

На вступительный экзамен в университет пришел юноша с такой фамилией. Меня она заинтересовала, и, когда абитуриент ответил на вопросы билета, я спросил, как появилась его фамилия. Он сказал, что у его родителей фамилия была Пономаревы, но когда оформляли свидетельство о рождении моего будущего собеседника, работница отдела ЗАГС не расслышала и записала в документе «Подмарев».

Как видим, фамилия возникла в результате недослушки, и слово «подмарь» искать в словарях бесполезно.

Но почему же все-таки женщина, оформлявшая документ, услышала не то, что ей сказали?

Во-первых, в итоге редукции мог выпасть из произношения звук «о» во втором предударном слоге. Тот, кто говорил, наверняка, сказал по-южнорусски — «Понмарёв». Во-вторых, звук «н» заменился звуком «д» в силу того, что эти два звука имеют почти тождественное образование — оба возникают в результате того, что кончик языка прижимает-

ся к зубам, а потом отрывается от них, давая проход потоку воздуха. Простейшим объяснением, почему было услышано «Подмарёв», а не «Понмарёв», может быть то, что у говорящего в то время был... насморк.

Может быть и другое, более научное объяснение. Лингвистика знает явление диссимляции (расподобления), когда из двух подобных по какому-либо признаку звуков один лишается этого признака, и звуки расподобляются, становятся разными. Например, многие из вас, вероятно, слышали, как некоторые люди вместо «бомба» выговаривают «бонба»: трудно произнести рядом два губных звука. Так и в сочетании звуков «нм», возникшем после выпадения «о» между «ш» и «м» (Понмарёв), произошла диссимляция по носовому оттенку: звук «н» лишился его и превратился в «д».

Вот так и возникла фамилия, обусловленная не фантастическим «подмарь», а вполне реальным «понамарь».

Под охраной дерева...

Двухсотлетняя лиственница на улице 8 Марта в Свердловске и три сибирские сосны у краеведческого музея в Березовском, участки ковыльной степи близ поселка Елизавет и на Уктусских горах, Платоновская даяка с редчайшим проявлением минерала крокоита (тоже рядом со Свердловском) и припоселковые кедровники на севере Среднего Урала, клюквенные болота в Тугулымском районе и карстовые в Краснофимском — лишь небольшая часть новых памятников природы, объявленных решением Свердловского облисполкома охраняемыми.

Начиная с 1960 года, на Среднем Урале по инициативе научной общественности и областного совета Всероссийского общества охраны природы проводится большая работа по выявлению и сохранению уникальных природных объектов. Развернулась она и в соседних областях.

Естественно, особый интерес на Урале представляют древние копи, рудники, карьеры. К ним, прежде всего, относятся старые разработки на известной уже более трех веков Мурзинской самоцветной полосе. В прошлом искатели сокровищ добыли на полосе огромное количество аметистов, топазов, морфинов, других камней. Обвалившиеся копи, которых особенно много вокруг села Мурзинка, и ныне свидетельствуют о частых удачах, «фарте» старателей — хотя последние десятилетия считалось, что мурзинские богатства исчерпаны, новые разведочные шурфы показали истинную картину: природная кладовая не оскудела. С глубины чуть больше десятка метров были подняты, в частности, крупные кристаллы голубого топаза. Один из них весил 3 килограмма. А когда углубили одну из старых заброшенных шахт — «Вагиху», на более низких горизонтах попались занорыши, из которых нагребли несколько ведер кристаллов аметиста. Сейчас на старой «Вагихе» ведут промышленную добычу самоцветов.

Ученые-геологи считают, что богатства Мурзинской полосы, конечно, втуне лежать не должны. Однако всякая другая промышленная деятельность, кроме добычи самоцветов, на полосе должна быть прекращена.

В. ДАН

Скороходы по-уфимски

Надев на ноги приспособления, созданные уфимскими студентами, можно при достаточном навыке легко и быстро передвигаться с большим грузом, прыгать... Эти своего рода сапоги-скороходы не имеют отношения к волшебству, они основаны на миниатюрных двигателях внутреннего сгорания. Скороходы срабатывают, как только человек порезче нажимает на платформы ногами. Благодаря толчкам двигателей, он, как и при беге, большую часть времени находится в воздухе. На один час работы скороходного приспособления хватает всего 70 кубических миллиметров топлива.

Бетонные гиганты

Гидроэнергетический потенциал земли чрезвычайно велик, но люди используют лишь незначительную его часть. Тем не менее достижения в этом деле несомненны. Сейчас в мире уже построены 25 плотин, высота которых превышает 200 метров. В начале века лишь немногие плотины имели высоту более 30 метров.

Рекордные высоты в плотиностроении принадлежат Советскому Союзу. У нас спроектирована Рогунская ГЭС, плотина которой поднимется над рекой Вахш (Таджикистан) на 320 метров. «Рост» плотины Ингурской ГЭС в Грузии — 271,5 метра

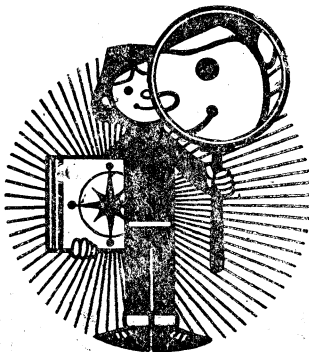
(сооружение этой станции уже завершается).

Гидроэлектростанции имеют большие преимущества перед другими современными энергособоружениями: они не загрязняют окружающую среду, используют постоянно возобновляемые гидроресурсы. Специалисты считают, что в век стремительно растущих цен на нефть, уголь, другие энергетические ископаемые, все больше и больше стран приходят к выводу о целесообразности возведения гигантских плотин и создания мощных гидроэлектростанций.

T-34 — для памятников

Одно из военных ремонтных предприятий нашей страны восстановило несколько знаменитых T-34. Они станут памятниками героизму советских людей на фронте и в тылу. Лучшие броневые машины Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. поднимутся на пьедесталы в Волгограде, Курске, в городах Урала. Одна из «тридцатьчетверок» передана по просьбе французов музею вооруженных сил в Париже.

На восстановленных танках сохранены боевые отметины — следы осколков, пуль.

МИР

НА ЛАДОНИ

Первое «Путешествие...»

В краеведческом музее города Каменска-Уральского неожиданно обнаружено авторское издание «Путешествия из Петербурга в Москву». Оно было отпечатано в 1790 году в собственной типографии А. Н. Радищева.

Как известно, после выхода книги царский указ повелевал: «Сослать Радищева в Сибирь, а книгу сжечь...» Все было немедленно исполнено.

Впоследствии книга издавалась в Лондоне (1858 г.) и повторно — в России (1868 г.), причем это второе российское издание было осуществлено с большими сокращениями и изменениями.

Как появился на Урале экземпляр самого первого издания — вопрос открытый. Известно лишь, что в последнее время это «Путешествие...» в числе многих других книг, переданных краеведческому музею, находилось в библиотеке местного техникума.

Солнечный сад

Специалисты Республики Куба создали бытовую солнечную установку. Даже если ее использует только 10 % населения острова (а установка уже выпускается серийно — тысячами штук), удастся экономить в год по 40 тысяч тонн нефти.

По инициативе Академии наук Кубы в Гаване построен экспериментальный детский сад под названием «Пусть всегда будет солнце». Вся электроэнергия, необходимая этому саду для подогрева воды и освещения, вырабатывается солнечными батареями, установленными на крыше.

Охрип — предупреди ЭВМ

Японские инженеры разработали и осуществили систему управления морским судном, в которой от капитана требуется... только голос. Команды отдаются в микрофон. Компьютер преобразует их в элек-

трические сигналы для машин. Если вдруг капитан простыл и голос у него охрип, об этом тоже необходимо сообщить электронной машине. Иначе система управления судном не работает.

Мир

еще не весь открыт

● Австралийские ученые обнаружили необычайного грызуна. Он имеет сравнительно большие размеры и передвигается на четырех лапах. Зоологи пришли к выводу, что это неизвестный до сих пор вид кенгуру. Район Австралии, в котором встречается редкое животное, будет заповедным.

● Японские зоологи обратили внимание на интересное поведение бурундука. Наткнувшись на мертвую змею, он начинает странный «обед». Разжевав кусочек змеиного мяса, зверек смазывает им свою шкурку. Оказалось, что таким образом бурундук предохраняет себя от нападения других змей.

● Сотрудники музея естественной истории западногерманского города Дармштадта нашли во время работы в брошенном известняковом карьере окаменевшие кости лемура. Впервые выяснилось, что 50 миллионов лет назад эти теплолюбивые животные водились и в лесах Европы (сейчас они живут на острове Мадагаскар).

Ископаемый лемур в несколько раз больше современного, имеет более длинный хвост.

● Сопоставлены десятки тысяч астрономических наблюдений, сделанных более чем за сто лет, и результаты полетов современных межпланетных космических аппаратов. И вот американские ученые высказывают предположение: между солнечной системой и ближайшими звездами находится что-то огромное... Это может быть «близнец» нашего дневного светила — потухшая звезда, которую отделяют от нас 24 милли-

арда километров. Но это может быть и планета размером с Уран, обращающаяся вокруг Солнца на расстоянии около 13 миллиардов километров. Большинство исследователей полагают, что это «что-то» — темная звезда.

● Те, кто изучает происхождение письменности, с улыбкой говорят: древние египтяне первыми изобрели комикс. Во всяком случае современный комикс — это своего рода возвращение к письменному языку Древнего Египта.

В отличие от других видов древней письменности египетские иероглифы действительно позволили в свое время создать нечто вроде первых иллюстрированных сборников. В них изображение сопровождалось текстами диалогов действующих лиц.

В целом история письменности таит в себе еще много загадок. Человек разумный говорит уже 37 тысяч лет, рисует 17 тысяч лет, а пишет всего 4—5 тысяч лет. Самые далекие от нас по времени факты письменного языка связаны с находками образцов вавилонской клинописи и египетских иероглифов: пиктографических табличек из известняка конца IV века до н. э., шумерских текстов XXIV века до н. э., каменной таблички царя Вавилонии Хаммурапи (1760-й год до н. э.), глиняного конуса с рассказом о войне в Месопотамии (2400-й год до н. э.).

Александр
КИРИЙ

К ТРУДОВОМУ СЕМЕСТРУ

В кабинет заместителя декана Сизова вошел студент Кузнецов.

— Здравствуйте! — улыбнулся он. — Вызывали?

— Трудовой семестр не за горами, — сказал Сизов. — Поэтому нам хотелось бы знать, что вы можете делать.

— Могу ямы копать, — сказал Кузнецов.

— Прекрасно! — усмехнулся Андрей Васильевич. — Но что вы еще умеете делать?

— Еще могу ямы копать!

Зам. декана встал из-за стола и, подойдя к окну, долго глядел вдаль.

— В наш век научно-технической революции, когда человек осваивает космическое пространство, когда электронная машина стала необходима на каждой кафедре, когда даже средний абитуриент решает сложнейшие задачи, ваш ответ очень меня расстроил, — хозяин кабинета развел руками. — Но что-то еще вы должны уметь!..

— Умею, — согласился Кузнецов.

— Могу ямы не копать!

Сизову стало душно. Он растянул все пуговицы пиджака.

— Но ведь до поступления в институт вы, кажется, работали?

— Конечно. Монтажником-высотником.

— Вот видите, — обрадовался Андрей Васильевич. — Очень нужная профессия.

— Я еще и электриком трудился, — сбавил студент. — По четвертому разряду.

— Замечательно! — похлопал Кузнецова по плечу зам. декана. — А слесарить или токарить не приходилось?

— Приходилось, — оживился студент. — И токарные, и фрезерные, и слесарные работы могу... Три года от станка не отходил.

— А радиолюбительством, случайно, не увлекались?

— Цветные телевизоры сам собираю! — гордо произнес Кузнецов.

— Отлично! — потер от удовольствия руки Сизов.

— Вы, наверное, и на кафедре подрабатываете?

— Сварщиком на полставки, — кивнул головой студент.

— И в студенческом научном обществе состоите?

— Уже два года. Получил патент на одно изобретение.

— Вот видите, какой вы молодец! — расплылся в улыбке зам. декана. — Вам на любом производстве цены не будет. Сейчас мы поглядим, где вы пригодитесь лучше всего. — И, достав какие-то бумаги, он принялся внимательно изучать их. Долго изучал, очень долго.

— Куда же все-таки вы меня? — нетерпеливо спросил Кузнецов.

Зам. декана, не поднимая глаз от бумаг, надолго задумался.

— Пойдете ямы копать! — наконец произнес он и, что-то отметив в своем блокноте, попросил войти следующего студента.

ВОТ БЕССОВЕСТНЫЙ!..

Иду я однажды поздно ночью домой. Навстречу — незнакомец.

— Приветик, — говорит и по животу меня хлопает. — Займи десятку.

— И не стыдно вам, молодой человек, у чужих людей деньги одалживать?! — говорю я.

— Не дашь — худо будет, — говорит незнакомец и в карманы мои лезет.

Тогда я говорю:

— Угрожаете, да? Забыли, что гражданин, закон охраняет?

А он мой бумажник присвоил, за часами потянулся.

Я — ему:

— Гангстер вы и грабитель! Подарок любимой девушки отбираете. Бессовестный!

А он, часы спрятав, ремень мой начал расстегивать.

— Сейчас, — говорю, — по статистике в городе вообще не воруют. Что же это, выходит, наука ошибается?!

Он за штанину дергает.

— Подними, — говорит, — левую ногу. Работать неудобно.

Я поднял, а сам замечаю:

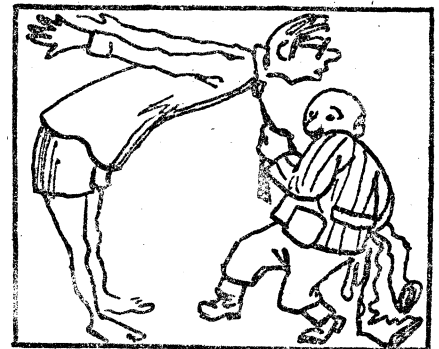
— Какой вы все же!..

Тем временем незнакомец стащил с меня пиджак, рубашку и все остальное.

Тут я ему, конечно, говорю:

— Да какой же вы маленький и хилый. Да если вас стукнуть — мокрого места не останется! — Закрыл глаза, замахнулся, а незнакомца как ветром сдуло. Понятное дело — испугался.

Пошел я дальше...

Рисунки
А. Рыжкова

Животные-правонарушители

На одной из уральских птицеферм стали теряться куры. Подозрение падало то на одного, то на другого работника, а злоумышленника поймать так и не удавалось. И администрация обратилась за помощью в милицию. На происшествие выехал опытный криминалист. Ознакомившись со случившимся, он отметил интересную закономерность — похититель всегда оставляет почему-то дверку курятника открытой. И еще он обнаружил на дверке какие-то волоски. Под микроскопом было установлено, что они принадлежат... лисе. Плутовка приспособилась поворачивать запирающую вертушку и открывать дверку клетки. Дальше ее уже не надо было учить, что делать с пугливой хохлаткой. В финале Патрикеевна за хищения получила по заслугам, и куры больше теряться не стали.

Замешаны четвероногие бывают даже в растратах. В одном уральском сельском магазине выяснили существенную недостачу. Причины ее было трудно установить. Для всестороннего расследования решили даже вскрыть пол магазина. А там... крысиное гнездо, высланное клочками бумажных денег.

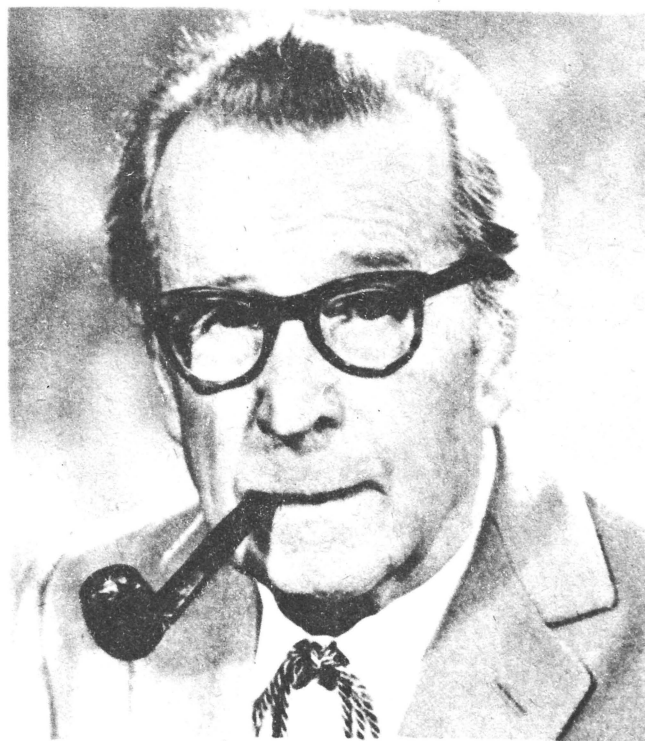
Еще криминалистическая ситуация, связанная с животными. Жители одного города посадили картофель. Подошло время уборки, и тут-то выяснилось: ботва на месте, а клубней нет. И вот один находчивый человек решил основательно перекопать огород и... в одном месте обнаружил около двух ведер чистой и сухой картошки. Ворами оказались... водяные крысы.

Животные даже «хулиганят». Приехали однажды грибники в лес на мотоцикле, а злоумышленник был уже там и, вероятно, из-за кустов наблюдал за ними. Оставили они свой транспорт и удалились, а он тут как тут. Завести ему двигатель сверкающего никелем «Днепра» не удалось, соответственно, и уехать тоже не было навыков. Тогда раздосадованный таким оборотом дела злоумышленник с нечеловеческой силой изуродовал мотоцикл и скрылся в лесной чаще. Произошло все это возле поселка Пинега, что в Архангельской области. Хулигана установить удалось. Фамилия Топтыгин, а имя Михаил. Надо полагать, что если его и задержат, то все равно косолапый не признается...

Бывает, и самые кроткие животные нарушают общественный порядок. Близ одного города стадо коров принялось преследовать прохожих. Агрессивность животных удалось объяснить. Двурогие нарушители оказались... пьяными. Стадо набрело на перевернувшуюся автоцистерну с пивом. И они отдавали хмельного из лужи.

Можно привести и другие примеры. Как видно из этих случаев, криминалистам приходится разгадывать замыслы не только хитроумных преступников, но и встречаться с загадочными повадками животных...

В. ИОНОВ

*à mon frère et ami Alexis Orlov
son frère
Jean Simonon
Luzanne 1987.*

К 80-летию

Жоржа Сименона

Внимательный взгляд, ясно читаемая готовность понять собеседника, неизменная трубка... Право же, вглядываясь в этот снимок, невольно думаешь, что есть нечто общее между всемирно известным писателем и не менее знаменитым его героем — комиссаром полиции Мегрэ. По крайней мере гуманистические идеалы их безусловно схожи.

О том, что свердловчанин Алексей Иванович Орлов давно и пристально изучает творчество Ж. Сименона, мы уже говорили (см. «Уральский следопыт» № 3 и 8 за прошлый год). Алексей Иванович по-прежнему продолжает свою работу, библиография произведений Ж. Сименона растет — в нашей стране выходят новые книги писателя. Продолжается и переписка. Не так давно Алексей Иванович получил от Ж. Сименона фотографию с дарственной надписью: «Моему преданному другу Алексею Орлову преданный Жорж Сименон, Лозанна, 1981». С разрешения адресата мы воспроизводим эту фотографию.

В феврале 1983 года Ж. Сименону исполняется 80 лет. Приятно сознавать, что «культурный мост» Свердловск — Лозанна в действии.

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО РОССИИ

Нет в декоративно-прикладном искусстве термина «веселые вещи», но сами творения такого рода издавна известны. Например, русская матрешка. Или сосуд, пить из которого невозможно не облившись. Не отсюда ли присказка: «И я там был, мед да пиво пил, по усам бежало, а в рот не попало!»

Безусловно, художник из Ленинграда О. Некрасова-Каратеева тоже создала юмористический, шутливый сосуд — на чайную тему, в духе городского фольклора. Из этого сосуда действительно не напиться так, чтобы жидкость не потекла из второго горлышка. На стенке сосуда «Чай» изображены супруги, восседающие за чайным столом. Причем живопись, обратите внимание, переходит здесь в скульптуру.

Искусствоведы замечают: в последнее время художники-прикладники все чаще украшают керамику сюжетным рисунком, делают вещи такими, чтобы они становились не просто предметом быта, а украшением жилища.

Фото О. Капорейко